

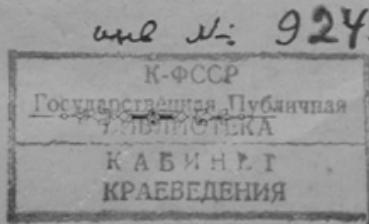
9(47.1)
Л-975

М. А. Лялина.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ФИНЛЯНДИИ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО НАЧАЛА XX СТОЛѢТИЯ.

Илья В. Береговский

КОМИССИОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.
1908.

1998

2315.

Древній періодъ.

О древнѣйшихъ обитателяхъ Финляндіи мы имѣемъ мало свѣдѣній. Ученые полагаютъ, что Финляндія заселена была еще въ эпоху каменного вѣка, когда люди не знали употребленія желѣза. Во всѣхъ частяхъ страны найдены искусно отшлифованныя орудія для войны, охоты, рыбной ловли и проч. Люди, употреблявшіе эти орудія, не знали земледѣлія. Они жили охотой и рыбной ловлей, одѣвались въ звѣринья шкуры и обитали въ землянкахъ или щалашахъ. Но эти люди не были предками нынѣшихъ финновъ. Профессоръ Монтеліусъ думаетъ, что то были скандинавы. Въ могилахъ и курганахъ Финляндіи найдено много предметовъ скандинавскаго происхожденія. Установлено также, что у этого первобытнаго народа трупы сжигались, чего не дѣлали финны. На этихъ-то фактахъ Монтеліусъ и основываетъ свои предположенія.

О происхожденіи финновъ, финскій историкъ Кошкиненъ повѣтствуетъ такъ: Колыбель финскаго народа находилась въ Азіи, на склонахъ Алтайскихъ горъ. Отсюда финско-угорское племя двинулось на западъ и прибыло къ Уралу за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Хр. Въ это время мы находимъ его раздѣленнымъ на нѣсколько народностей. Больше на востокъ, по берегамъ Оби и Иртыша жили Остяки, Богулы и Венгры ¹⁾). На западъ, приблизительно на Камъ—

¹⁾ Мадьяры, занимающіе Венгрию.

Зыряне и Вотяки. По среднему течению Волги поселились финны (Суоми); к югу от них Мордва, Черемисы и Гуинны.

На Волгѣ финны составляли два главныхъ племени: Карелы и Тавасты. Эти племена, уже послѣ Р. Хр., начали двигаться на западъ и поселились по берегамъ Онежскаго и Ладожскаго озеръ; карелы съвернѣе, тавасты — южнѣе. Еще раньше кочевали въ этихъ мѣстахъ лапландцы, которые частью были оттеснены финнами къ съверу, а частью слились съ пришлецами, о чёмъ свидѣтельствуетъ сходство ихъ наименованій: Лапландцы зовутъ себя „Сааме“, а финны — „Суоми“.

Часть кареловъ перекочевала къ южному берегу Бѣлаго моря, гдѣ подъ именемъ Біарма славилась въ теченіи пѣсколькихъ вѣковъ своимъ богатствомъ. Часть Тавастовъ, приблизительно въ VIII вѣкѣ, спустилась къ берегамъ Балтийскаго моря, образовавъ Ямь, или Емь. Главная часть племени тавастовъ заселила юго-западную Финляндію, Тавастландію.

Во время движенія къ югу отъ обоихъ племенъ отдѣлились группы, образовавшія Эстляндію и Ингерманландію. Карельская группа заселила съверный берегъ финскаго залива. Карелы же, оставшіеся на съверѣ, заняли берега Ладожскаго озера и западныя части нынѣшнихъ губерній: Олонецкой и Архангельской. Такимъ образомъ появилось въ Финляндіи нынѣшнее ея населеніе, которое, оттеснивъ лапландцевъ, окончательно разселилось, какъ полагаютъ, въ половинѣ IX вѣка по Рождествѣ Христовомъ.

Границы заселенныхъ областей совпадаютъ, въ большинствѣ случаевъ, съ естественными границами, образуемыми рѣками, горами, долинами. Эти области подъ названіемъ леновъ, имѣли административнымъ центромъ средневѣковые

замки, а властители этихъ замковъ были въ тоже время и областными правителями. Впослѣдствіи, когда для административныхъ цѣлей не представлялось уже надобности въ укрѣпленныхъ замкахъ, возникло дѣленіе на губерніи, во многомъ совпадающее съ прежнимъ дѣленіемъ.

Финляндскія области, числомъ девять, появляются въ исторіи, по мѣрѣ ихъ заселенія, въ слѣдующемъ порядкѣ:
1) Коренная Финляндія 2) островъ Аландъ 3) Нюландія
4) Тавастландія, 5) Сатакунта 6) Карелія 7) Саволаксъ 8) Эстерботнія 9) Лапландія.

Пока финны жили на Волгѣ, они въ развитіи своеимъ ничѣмъ не отличались отъ полудикихъ племенъ населявшихъ востокъ Россіи. Они жили охотою, одѣвались въ звѣринныя шкуры, ютились въ шалашахъ и землянкахъ. Послѣ переселенія на западъ, благодаря общенію съ болѣе передовыми народами, финны стали понемногу развиваться. Появились бревенчатыя избы, домашняя утварь; финны стали заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ. Звѣроловство служило значительнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Если удавалось убить медвѣдя, то событіе это праздновалось съ особымъ торжествомъ. Приносили медвѣжью голову и вѣшали ее на дерево. Потомъ появлялось и мясо убитаго звѣря, вареное въ горючомъ супѣ. Пиво и медъ лились рѣкой. Устраивались состязанія, стрѣльба изъ лука, борьба, плаваніе, или бѣгъ на лыжахъ, смотря по времени года.

Сосѣдство враждебныхъ народовъ и близость моря, гдѣ нерѣдко появлялись грозные скандинавскіе удальцы, заставляло финновъ быть насторожѣ. Случалось, что выведенныя изъ терпѣнья дерзкими набѣгами, они и сами нападали. Вотъ чѣмъ объясняется искусство въ мореплаваніи, которымъ издавна славятся финны.

Бывало, что въ виду падавшейся опасности со стороны беспокойныхъ сосѣдей, финны соединялись въ союзы; но эти союзы по добровольному соглашению не были еще тѣмъ, что

У моря.

принято называть государствомъ. Правильного общественного управления у нихъ не было. Каждая семья составляла плотно сплоченное цѣлое, гдѣ главою и судьей былъ отецъ семейства.

Изъ ремесль у финновъ особенно процвѣтало кузнечное. Со дна озеръ доставали руду и выдѣливали оружіе, утварь и различныя украшенія.

Финны—язычники, не зная письменности, не оставили бы по себѣ никакого слѣда, если бы не пристрастіе ихъ къ пѣснямъ, которыя, передаваясь изъ устъ въ уста, сохранились и до нашихъ дней. Настоящая жемчужина финской поэзіи—это Калевала, сборникъ народныхъ былинъ, собранный и изданный финньянцемъ Ленротомъ. Благодаря Калевалѣ мы можемъ составить довольно ясное представленіе о вѣрованіяхъ, обычаяхъ и образѣ жизни древнихъ финновъ.

Религія финновъ состояла, какъ и у другихъ племенъ въ періодъ младенчества, въ обоготвореніи природы. Каждое животное, дерево, источникъ, камень почитались жилищемъ божества. Самое могущественное божество былъ богъ Укко, что значить старикъ, дѣдъ. Укко считался повелителемъ воздуха, грозы, вѣтровъ. Онъ представлялся воображенію финновъ одѣтымъ въ сипie чулки, разноцвѣтные сапоги и рубашку, испускавшую искры. Радуга была его боевымъ лукомъ, молнія мечемъ, а громъ голосомъ. Его вліяніе распространялось на все живущее на землѣ. Повелителемъ водъ считался старый Ахти съ бородой изъ травы и въ мантіи изъ пѣны. Ему молились, когда отправлялись на рыбную ловлю. У Ахти и жены его Велламо было множество дѣтей, жившихъ въ моряхъ, озерахъ и водопадахъ. Надъ лѣсомъ властвовалъ старикъ Горіо и жена его Міеллики, лѣсная хзяюшка. Горіо съ бородой коричневаго цвѣта носилъ шубу изъ древеснаго мха и высокую шапку изъ хвои. Въ обители мертвыхъ царилъ мрачный Туони и его жена. Они жестоко мучили тѣхъ, кто имѣлъ несчастье попасть въ ихъ царство.

Богамъ своимъ финны приносили жертвы, преимущественно лошадей; изрѣдка даже и людей. Жертвоприношенія совершались въ избранныхъ, почитавшихся священными, мѣстахъ. Главныхъ праздниковъ было три: новый годъ, который праздновался въ Ноябрѣ, затѣмъ весенній праздникъ и осенній, когда закалывалась неостриженная овца и совершалось пиршество. Жрецовъ у финновъ не было, но были колдуны и заклинатели, наподобіе сибирскихъ шамановъ. Имъ приписывалась власть надъ силами природы.

Кромѣ главныхъ боговъ у финновъ было еще много второстепенныхъ: духи горъ, рѣкъ и проч. За божествами шли

сказочные герои, воспѣваемые въ народныхъ пѣсняхъ. Вейнемайненъ, Ильмаринненъ, Леминкайненъ и другіе.

Спокойный и мудрый Вейнемайненъ по чертамъ своего характера является идеальнымъ финскимъ героямъ. Главная его сила въ пѣснѣ. Нерѣдко онъ проливаетъ слезы, но это не признакъ слабости. По понятіямъ финновъ слезы больше приличествуютъ мужчинѣ чѣмъ смѣху, признакъ легкомыслія.

Кузнецъ Ильмаринненъ ближе стоитъ къ дѣйствительной жизни. Онъ трудолюбивъ, но прозаиченъ и не одаренъ воображеніемъ.

Легкомысленный Леминкайненъ часто попадаетъ въ бѣду, но онъ обладаетъ чувствительнымъ сердцемъ и веселымъ нравомъ. Онъ нѣжно любить свою мать, хотя и причиняетъ ей много горя.

Объ этихъ-то герояхъ и повѣствуетъ Калевала.

Сущность же ея заключается въ изображеніи отношеній, часто враждебныхъ между двумя народами, изъ которыхъ одинъ живеть въ странѣ Калевы (Финляндіи), веселой и ясной; а другой—въ мрачной Похiolѣ, подъ которой многіе подразумѣваютъ Лапландію.

Вейнемайненъ не только герой, онъ почти богъ. Ему повинуются стихіи. Онъ скитаются по морю, создаетъ изъ яйца небо, землю и свѣтила небесныя. Чтобы засѣять землю, онъ вырубаетъ деревья, оставляя одну березу, чтобы птицы могли отдыхать на ней.

Какъ ни всесиленъ Вейнемайненъ, но и у него есть горе. Онъ вѣковѣчный старецъ и дѣвушки не идутъ за него замужъ. Поѣхалъ онъ въ Похiolу сватать дочь злой Loухи, прекрасную Айно. Но Айно, чтобъ не достаться старику, утопилась. Возвращаясь изъ Похiolы, Вейнемайненъ чуть было самъ не погибъ въ морской пучинѣ, но его спасъ орелъ

въ благодарность за березу, оставленную Вейнемейненомъ для отдыха птицамъ.

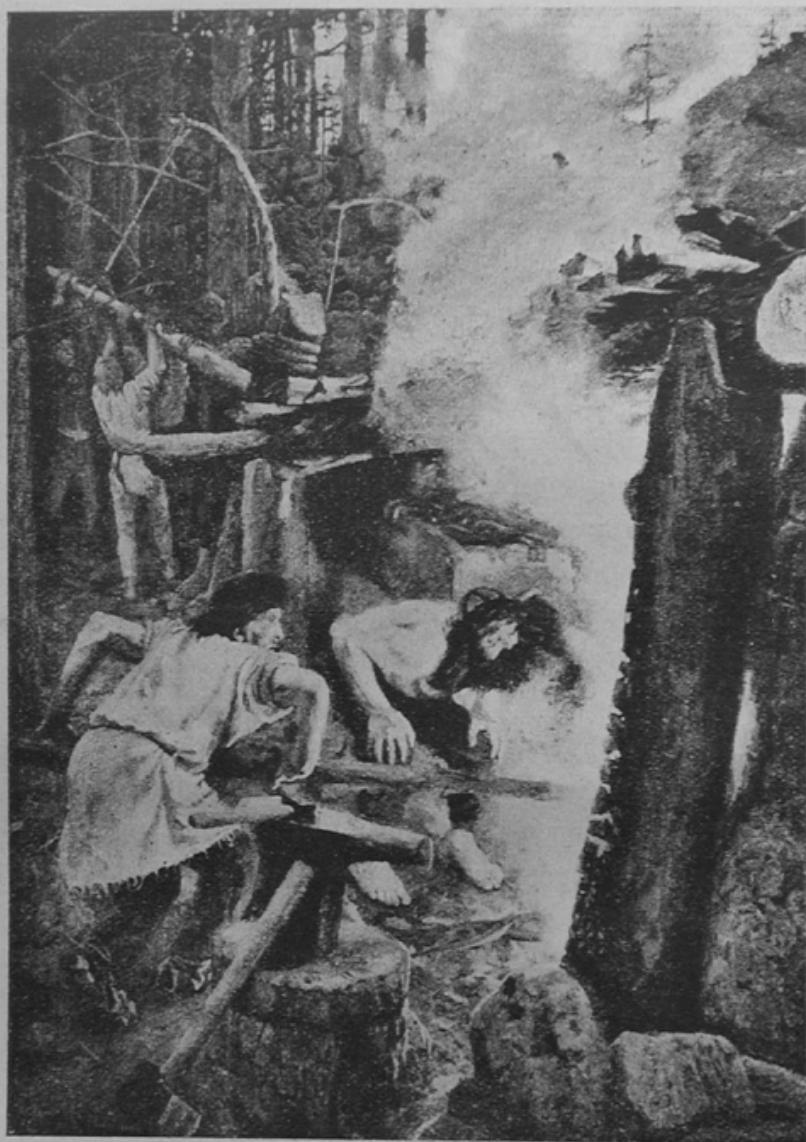
Вейнемейненъ снова ёдетъ въ Похiolу сватать другую дочь Лоухи. Дѣвица задаетъ ему мудреныя задачи: тупымъ ножемъ разрѣзать волосъ, яйцо завязать узломъ, нарѣзать изъ камня бересты, изо льда сдѣлать хлыстикъ, да такъ чтобы не было обломковъ и не сыпались кусочки, наконецъ изъ кусковъ катушки и обломковъ веретена соорудить лодку. Вейнемейненъ исполняетъ все это и невѣста все таки ему отказываетъ. „Поздно вечеромъ однажды,—говорить она,—я пошла на лугъ цвѣтистой; вдругъ я слышу щебетанье; дроздъ запѣлъ тамъ одинокій. Пѣлъ онъ о мечтахъ дѣвичьихъ и о думушкахъ жень юныхъ. Вотъ спросила я туть птичку: Ты скажи-ка мнѣ пѣвунья, спой мнѣ пѣсню чтобъ я знала, жить кому на свѣтѣ лучше, у отца ли жить дѣвицей, иль замужнею женой? И отвѣтила мнѣ птичка: Ясенъ лѣтній день прекрасный, но яснѣе жизнь дѣвицы. Дома дѣвшка свободна, точно ягодка лѣсная“.

Вейнемейненъ ёдетъ домой и на радугѣ видитъ дочь Лоухи. „Въ это время дочь Похiolы, красота земли и моря на дугѣ была небесной, на кругу сидѣла яркомъ въ тонкомъ платьѣ снѣжнобѣломъ серебристой легкой ткани. Ткала платья золотыя, серебромъ ихъ украшала, золотой чепнокъ водила по серебряному берду“.

Вейнемейненъ наконецъ рѣшается отказаться отъ жинтыбы: „Я напрасно время тратилъ и теперь лишь спохватаился, что лишь въ годы молодые надо свататься къ дѣвицамъ; смолоду о свадьбѣ думать“.

Онъ разсказываетъ Ильмариннену, искусному кузнецу, о красотѣ дочерей Лоухи и оба ёдутъ въ Похiolу. Ильмаринненъ просить у Лоухи руку дочери, но Лоухи соглашается

отдать дочь только тогда, когда Ильмаринненъ скучеть ей волшебную мельницу Сампо.

Ильмаринненъ куетъ Сампо.

Ильмаринненъ выковываетъ Сампо, которая одной стороной мелеть муку, другой—выковываетъ деньги.

Въ пѣснѣ о свадьбѣ Ильмариннена упоминается уже о разныхъ народахъ, о которыхъ раньше ничего не говорилось. Чтобъ зарѣзать необычайной величины быка искали сильнаго человѣка „и въ землѣ кареловъ, и въ большой странѣ Суоми, и въ странѣ спокойной русской, и въ землѣ отважныхъ шведовъ и въ Лапландіи обширной“.

Свадебный пиръ Лоухи устроила на славу. Быка зажарили такого, что отъ рога до рога цѣлый день летѣла ласточка и не долетѣла.

Отпуская дѣвушку въ мужній домъ, родные ей даютъ разныя наставленія: „Къ нравамъ новымъ пріучайся, прежнія оставь привычки. Позабудь отцовы ласки, ласки матери и брата. Будь довольна лаской свекра, лаской деверя, свекрови. Кланяйся имъ всѣмъ пониже, словъ хорошихъ не жалѣй тамъ. Сохраняй всегда ты въ жизни добродѣтель, непорочность. Нравы добрые опора, твердая семья основы“.

Въ слѣдующихъ наставленіяхъ рисуется обычай гостепріимства. „Если къ вамъ придетъ кто въ гости, не сердися ты на гостя. Домъ хороший припасаетъ яства разныя для гостя, части лучшія отъ мяса, пироги и все такое. Усади за столъ ты гостя, угощай его усердно. Не жалѣй и словъ хорошихъ, чтобъ доволенъ онъ остался. А какъ станеть уходить онъ, проводи его до двери“.

Мужа наставляютъ беречь жену, ограждать отъ обидъ, не изнурять работой и не упрекать при постороннихъ.

Прощанье дѣвушки съ роднымъ домомъ выражается въ слѣдующей трогательной пѣснѣ: „Вотъ пришла пора разстаться мнѣ съ роднымъ отцовскимъ домомъ, съ дорогими мнѣ мѣстами, гдѣ росла я вольной пташкой, провела всѣ годы дѣтства, гдѣ не знала я заботы, гдѣ не вѣдала печали. Какъ воздать мнѣ при разлукѣ за любовь моей

родимой, за добро отцу родному, за любовь за ласку братцу и моей сестрицѣ милой. Батюшкѣ за все спасибо, за добро, за всѣ заботы. Да и матушкѣ спасибо, что меня дитя качала, молокомъ своимъ вскормила. Да и вамъ спасибо братецъ и сестрицы дорогія за любовь за ласку вашу. Всѣмъ сердечное спасибо, всѣмъ роднымъ, подругамъ, слугамъ, съ кѣмъ доселѣ жила вмѣстѣ, съ кѣмъ росла въ родномъ я домѣ“.

Веселый, легкомысленный Леминкайненъ погибаетъ въ дракѣ. Мать идетъ на берегъ моря и плачетъ о сынѣ. Чувство матери выражается съ особенной прелестью. „Плачетъ мать, и слезы льются по щекамъ ея опавшимъ, со щеки на грудь сбѣгаютъ, а съ груди, вздыхавшей тяжко, на подоль, на складки платья, съ платья на чулокъ спадаютъ, а съ чулка съ узоромъ краснымъ, на башмакъ изъ тонкой кожи, съ башмака же ей подъ ноги. Какъ скатились тѣ слезы потекли тремя ручьями, быстрыми тремя рѣками. На рѣкахъ тѣхъ появились по три бурныхъ водопада, а на каждомъ водопадѣ три утеса показались. Тамъ три выросли березы, на березѣ же на каждой три кукушки куковали“.

Ильмаринненъ плачетъ по умершей женѣ. „Кузнеца объяло горе, тяжело заныло сердце, напролетъ всю ночь онъ плакалъ, проливалъ рѣкою слезы. На душѣ его лежала скорбь, тоска темнѣе дегтя, а печаль чернѣе сажи. Дни и ночи Ильмаринненъ все тоскуетъ, плачетъ горько по женѣ своей погибшей. Ночью глазъ сомкнуть не можетъ, днемъ не Ѣсть не пить бѣдняга и ужъ мѣсяцъ какъ не слышно въ кузницѣ его кованья“.

Вейнемайненъ задумалъ добыть сампо изъ Похіолы и, по его просьбѣ, Ильмаринненъ сковалъ ему мечъ. „На концѣ сялъ тамъ мѣсяцъ, посреди сверкало солнце, рукоять была

вся въ звѣздахъ. Ржалъ на остріи жеребчикъ, наверху сидѣлъ козленокъ, на ножнахъ собачка выла“.

Вейнемейненъ, Ильмаринненъ и Леминкайненъ отправляются вмѣстѣ съ своими людьми для завладѣнія Сампо. Вейнемейненъ очаровываетъ жителей Похіолы игрой на „канtele“ (родъ гусель) „И со всѣхъ сторонъ стремятся и спѣшатъ лѣсные звѣри, чтобы игру послушать старца, подивиться чуднымъ звукамъ. Скачутъ бѣлочки цѣпляясь, съ вѣтки прыгая на вѣтку, подбѣгаютъ горностаи и бѣгутъ съ поляны лоси, радуются даже рыси. Волкъ проснулся на болотѣ, поднялся медвѣдь въ дубравѣ. Волкъ бѣжитъ туда болотомъ, а медвѣдь бѣжитъ дубравой и на изгородь усѣлся, повалилъ ее на землю; на сосну тогда взобрался, чтобы игру оттолъ послушать, подивиться чуднымъ звукамъ. Самъ хозяинъ на Метсолѣ, съ нимъ всѣ жители лѣсные—старцы, юноши и дѣвы поднялись наверхъ на гору, и сама хозяйка лѣса синяя чулки надѣла, подвязала краснымъ бантомъ, прислонилася къ березѣ, чтобы канtele послушать, чтобы внимать той чудной пѣснѣ. Плачутъ юноши и старцы, плачутъ люди холостые, бородатые герои, плачутъ рѣзвые ребята, плачутъ жены и дѣвицы, плачутъ дѣвочки малютки. Такъ лились дивно звуки, такъ игралъ прекрасно старецъ“.

Очарованные игрой Вейнемейнена, похіольцы допускаютъ взять Сампо и вѣчный старецъ съ товарищами уплывать во-свояси. Но Лоухи просыпается, насылаетъ шквалъ на похитителей, и сама въ образѣ орла бросается въ погоню, неся на себѣ цѣлья сонмища войска. Происходитъ битва, Лоухи отражена, но Сампо разбивается въ куски и канtele падаетъ въ море.

Вейнемейненъ возстановляетъ канtele. Онъ беретъ дресинну одинокой березы, оплакивавшей свою долю. На бе-

резъ сидѣла кукушка. У нея изъ клюва выпали золотые и серебряные колки; Струны старецъ свилъ изъ волосъ дѣвушки-невѣсты—и запѣло кантеле слаше прежняго.

Насталъ конецъ дѣятельности Вейнемейнена, вѣковѣчнаго старца. Пришло ему уступить власть сыну Маріетты, кото-раго онъ вѣнчаетъ царемъ кареловъ. И поѣхалъ Вейнемейненъ, старецъ мощный вѣковѣчный, въ своей крѣпкой мѣдной лодкѣ къ странамъ болѣе высокимъ, къ небесамъ висѣвшимъ низко. Тамъ присталь съ своей онъ лодкой, навсегда съ челномъ остался, только кантеле оставилъ, руны, дивные напѣвы къ вѣчной радости народа въ память всѣмъ сынамъ Суоми.“

Не подлежитъ сомнѣнію, что конецъ пѣсни есть языческій пересказъ рожденія Спасителя отъ дѣвы Маріи при появлѣніи котораго языческій богъ исчезаетъ.

Многіе думаютъ, что въ герояхъ Калевалы воспѣваются историческія лица, подвиги которыхъ преувеличены путемъ преданія. Такимъ образомъ, какъ извѣстно, создаются народныя легенды. Финскіе изслѣдователи не раздѣляютъ этого мнѣнія, утверждая, что пѣсни Калевалы основаны на миѳахъ. Намъ нѣть надобности вникать въ подобныя догадки. Калевала имѣеть для насъ ту цѣнность, что даетъ яркую картину повседневнаго быта древнихъ финновъ и знакомить насъ съ глубокой поэтичностью ихъ природы, не смотря на грубую оболочку.

Принятіе Христіанства. Орѣховскій договоръ.

Извѣстно, что финны въ древности не имѣли установленныхъ законовъ и управлялись своими вождями на основаніи понятій о чести и совѣсти. Стоя по развитію ниже сосѣднихъ народовъ, они естественно должны были подпасть ихъ

вліянію. Въ VII стол. шведскій король Иваръ присоединилъ къ прочимъ своимъ владѣніямъ часть области Суоми. Такимъ образомъ первобытную Финляндію съ запада захватило шведское вліяніе; съ востока же проявилось вліяніе русское. Съ усиленіемъ Новгорода вліяніе это особенно ярко выразилось на Карельскомъ племени. Иначе и быть не могло. Спускаясь по Волхову въ Ладожское озеро и затѣмъ по Невѣ въ Финской заливъ, Новгородцы налагали свою руку на ближайшія земли.

За Карелами силу Новгорода испытала на себѣ Емь (Ямь). Новгородскіе князья неоднократно ходили на Емь походомъ, но Руси это племя подчинено, пока, не было и состояло лишь въ числѣ ея данниковъ.

Сынъ Владимира Святого, Ярославъ Мудрый, былъ женатъ на Ингегердѣ, дочери Норвежского короля, и съ этихъ поръ начались сношения Русскихъ съ Норвегіею. Главный путь въ эту страну шелъ черезъ городъ Карелу (Кексгольмъ) всего въ 300 верстахъ отъ Новгорода. Городъ Ладогу съ уѣздомъ Ярославъ далъ женѣ своей Ингегердѣ.

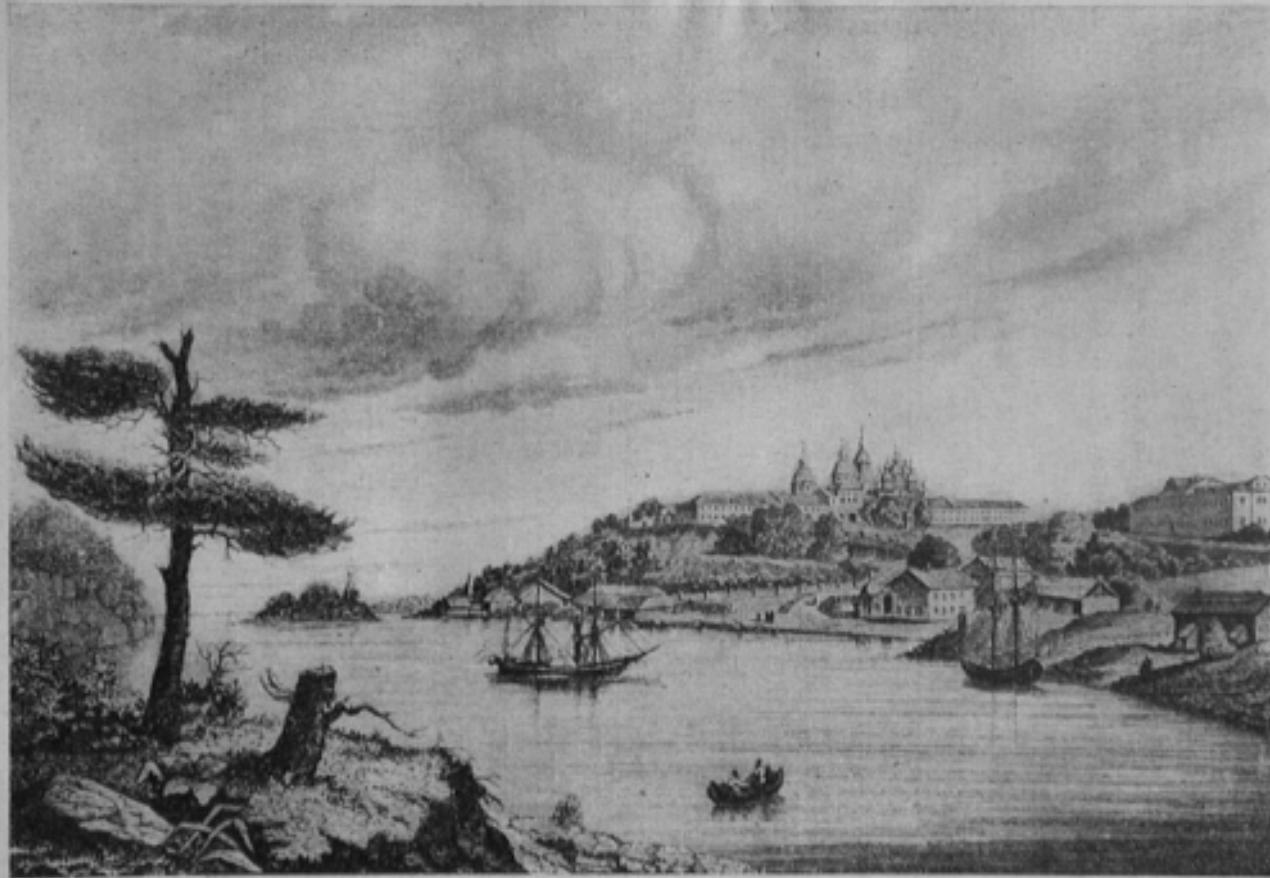
Въ 1142 г. финны, въ количествѣ тысячи человѣкъ, явились съ враждебными намѣреніями у Ладоги, но все до одного были положены на мѣстѣ.

До сихъ поръ на сѣверѣ Русь имѣла дѣло только съ окружавшими ее племенами. Но съ XII вѣка столкновенія эти приобрѣтаютъ болѣе широкій характеръ; въ борьбѣ начинаютъ принимать участіе и шведы въ качествѣ противниковъ Руси. Русь поставила уже довольно твердо ногу въ карельской, восточной части Финляндіи. Теперь, на западѣ этого края являются другія дѣйствующія лица, заморскіе сосѣди, скандинавы. Съ этихъ поръ Финляндія дѣлается предметомъ спора между двумя враждебными народами: шведами

и русскими. Однако же не одна жажда завоеваний руководить противниками. Къ ней примѣшивается благородное побуждение внести свѣтъ Христіанской вѣры въ языческую Финляндію. Въ восточной ея части проповѣдь православія распространяется мѣрами болѣе мягкими, въ западной— шведы насаждаютъ католичество огнемъ и мечемъ.

Насадителями православія въ Финляндіи, также какъ и во многихъ русскихъ владѣніяхъ являются иноки. По преданію въ концѣ X вѣка ¹⁾, въ дни Великаго Князя Владимира, основанъ былъ въ Кареліи, на островѣ Ладожскаго озера Валаамо монастырь. Онъ то и сдѣлался разсадникомъ Православія въ этой странѣ. Основателями его, какъ полагаютъ, были пришедши въ Новгородъ съ первымъ епископомъ его Іоакимомъ, иноки Сергій и Германъ. Славяне они были, или греки—неизвѣстно. Оба подвижника трудились по распространенію православной вѣры въ Кареліи и по охраненію ея отъ западныхъ вліяній. На томъ берегу, гдѣ находится теперь Сердоболь, въ сорока верстахъ отъ Валаама, устроено было Валаамскими иноками двѣнадцать скитовъ. По берегу, до самого Кексгольма, стояли храмы православные. Карелы обоихъ береговъ были православными. Объ успѣхѣ Православія въ Кареліи свидѣтельствуетъ также финскій писатель Кошкиненъ. Онъ говоритъ, что Валаамскому монастырю принадлежало множество имѣній въ погостахъ Кареліи и,

¹⁾ Мнѣніе о существованіи Валаамскаго монастыря въ такое раннее время основывается на мѣстномъ преданіи и на рукописномъ житіи святителя Ростовскаго Абраамія (+ XI в.). По другому мнѣнію, основывающемся на историческихъ фактахъ, поддерживаемому между прочимъ церковными историками митрополитомъ Макаріемъ и проф. Казанской Дух. Академіи П. Знаменскимъ, прибытие на Валаамъ препод. Сергія относится къ 1329 году. Независимо отъ основанія монастыря христианство могло и должно было распространяться въ приладожскомъ краѣ въ X и XI вѣкахъ изъ просвѣщенного въ то время свѣтомъ Христова ученія Новгорода.

Валаамский монастырь въ настоящее время.

что въ то время въ Кареліи было не меньше русскихъ право славныхъ монастырей, чѣмъ католическихъ въ остальной, большей части Финляндіи.

Новгородскіе князья много содѣйствовали распространенію Православія. При Ярославѣ Мудромъ, т. е. въ первой половинѣ XI вѣка, построено было большое число церквей въ разныхъ мѣстахъ Руси.

Еще въ концѣ X в. учреждена была въ Новгородѣ епископія, въ границы которой входила и Карелія. Кромѣ Валаамскаго монастыря дѣлу вѣры послужили и другіе монастыри, расположенные по близости Финляндіи въ Ладогѣ и Тихвинѣ.

Почти одновременно съ проповѣдью Православія въ восточной Финляндіи, началось въ западной—обращеніе финновъ въ католичество.

Около 1150 г. въ той части Швеціи, которая называется Свеаландъ, правилъ король Эрикъ IX Эдвардсонъ, славившійся своею мудростью и благочестіемъ.

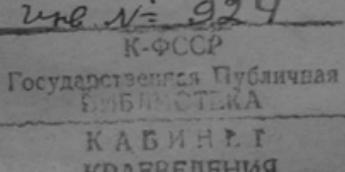
Язычники финляндцы любили своевольничать на моряхъ, омывающихъ соєднія страны. Въ тѣ времена такие подвиги считались удальствомъ и ими хвастались. Долго прибрежные жители сносили варварскія опустошенія финляндцевъ и наконецъ Эрикъ IX, какъ полагаютъ въ 1157 г., въ сопровожденії Упсальскаго епископа Генриха, предпринялъ противъ нихъ крестовый походъ съ цѣлью усмирить ихъ и обратить въ Христіанскую вѣру. Высадившись въ устьѣ р. Аура, близъ Або, крестоносцы встрѣтили большое сопротивленіе и, по обыкновенію, прибѣгли къ насилиямъ. Они насмѣхались надъ вѣрованіями, обычаями и національностью финновъ, жилища жгли, людей убивали. Финны терпѣли пораженіе за пораженіемъ и наконецъ должны были принять крещеніе, которое состоялось при ключѣ „купитца“,

по близости Або. Одержавъ побѣду надъ финнами, Эрикъ палъ на колѣни и со слезами сталъ молиться⁴. Скорблю,— говорилъ онъ—о томъ, что столько человѣческихъ душъ по гибло, не успѣвъ стать сопричастниками Христа.

Съ этой минуты шведы становятся твердой ногой въ юго-западномъ углу Финляндіи и основываютъ тамъ свою колонію, Нюландію. Изъ сличенія времени видно, что почти одновременно Шведы воевали въ юго-западной Финляндіи, а Новгородцы въ восточной ея половинѣ.

Покидая Финляндію, Эрикъ оставилъ тамъ епископа Генриха, который продолжалъ дѣло обращенія язычниковъ. Онъ успѣлъ распространить свою проповѣдь вдоль Ботническаго залива до рѣки Кумо, но въ слѣдующемъ же году былъ убитъ финляндцемъ, крестьяниномъ Лалли. Преданіе говоритъ, что послѣ убийства, Лалли захотѣлъ овладѣть кольцемъ епископа и, чтобы скорѣй покончить, отрубилъ ему палецъ. Палецъ тотчасъ же затерялся въ снѣгу и найденъ былъ только весною. Убийца, не получивъ кольца, снялъ съ епископа шапку и долго щеголялъ въ ней. Шапка и палецъ до сихъ поръ украшаютъ гербъ консисторіи въ Або.

Положеніе вновь основанной христіанской общины въ Финляндіи послѣ Эрика долго было непрочно. Единственная въ Финляндіи крѣпость Або, построенная около этого времени, не могла быть достаточно сильнымъ оплотомъ противъ нападеній язычниковъ, а изъ Швеціи нельзя было ожидать никакой помощи, такъ какъ тамъ, почти сто лѣтъ, шла борьба между двумя королевскими домами, вслѣдствіе чего дѣло завоеванія Финляндіи пріостановилось. Насколько слаба была вѣязь между Швеціей и Финляндіей въ эпоху отъ 1160—1248 г. видно, между прочимъ, изъ того, что въ шведскихъ источникахъ за все это время о Финляндіи вовсе не упоминается.

Шведы и русскіе, распространяя свое вліяніе въ Финляндіи, соперничали между собою и постоянно старались вредить другъ другу. Въ 1164 г. шведы съ финнами напали на Ладогу. Ладожане сожгли свои дома, засѣли въ замкѣ съ своимъ посадникомъ Нѣжатою и послали просить помощи у Новгорода. Князь Святославъ Ростиславовичъ явился съ Новгородскою дружиною и разбилъ шведскій флотъ укрывшійся въ р. Вороную. Въ 1178 г. Карелы проникли въ Нюландію и умертили епископа. Въ 1186 г. новгородцы ходили на Емъ, чтобы помѣшать шведамъ распространять завоеванія; а въ слѣдующемъ 1187 г. карелы съ помощью Новгорода, предприняли нападеніе на самую Швецію. На множествѣ лодокъ они проникли въ озеро Меларъ и разрушили городъ Сигтуна, стоявшій на мѣстѣ нынѣшняго Стокгольма. Въ 1191 г. князь Мстиславъ Давидовичъ „воевалъ финновъ, жегъ селенія, истреблялъ скотъ и уводилъ плѣнныхъ“, а въ 1198 г. сжегъ Або.

Католичество въ шведской части Финляндіи прививалось тут. Въ цѣломъ рядѣ папскихъ посланій говорится, что когда финнамъ угрожаетъ нападеніе непріятельской арміи, они даютъ обѣщаніе быть вѣрными христіанскому ученію и просятъ прислать проповѣдниковъ. Но лишь только непріятель удалится, они тотчасъ же начинаютъ притѣснять проповѣдниковъ и прогоняютъ ихъ. Самыми упорными противниками христіанства были Тавасты и Ямъ. Крещеныхъ дѣтей люди приносили въ жертву идоламъ, взрослыхъ до смерти гоняли вокругъ священныхъ деревъ, священнослужителей осльпляли и калѣчили.

При такихъ условіяхъ католичество не удержалось бы въ Финляндіи, еслибы папы не заинтересовались новой церковью и не посыпали туда епископовъ. Одинъ изъ нихъ,

Өома, человѣкъ энергичный и жестокій, запретилъ финнамъ подъ страхомъ наказанія, входить въ какія бы то ни было спошенія съ язычниками, къ которымъ причислялись и православные. Подъ вліяніемъ епископовъ шведы усиленно крестили финновъ, а у Ями имть въ этомъ дѣлѣ помогали ливонскіе рыцари, ожидавшіе отъ папы за свое усердіе отпущенія грѣховъ.

Новгородцы, опасаясь распространенія папской власти въ ихъ предѣлахъ, старались упрочить греко-rossiйскую вѣру въ Кареліи. Въ 1227 г. совершилось всеобщее крещеніе карелъ. Всльдъ за тѣмъ, Новгородцы съ княземъ Ярославомъ Всееволодовичемъ пошли вглубь Финляндіи. Объ этомъ походѣ лѣтописецъ говоритъ, что князь ходилъ въ такія отдаленные мѣста, гдѣ до того ни одинъ изъ русскихъ князей не бывалъ, и покорилъ всю ту мѣстность. Плѣнныхъ взято столь много, что не могли всѣхъ увести, поэтому нѣкоторыхъ убивали, другихъ отпускали домой. Финны, конечно, мстили новгородцамъ, раззоряя ихъ селенія по берегамъ Ладожскаго озера, но Карелы и Ижоряне одолѣли ихъ.

Татарское нашествіе надолго остановило успѣхи русскихъ въ Финляндіи. На Русь набѣжалася грозная туча въ видѣ 300,000 орды Батыевой. Епископъ Өома воспользовался минутой, и съ благословеніемъ папы Григорія IX, двинулъ на русскихъ большую силу въ союзѣ съ рыцарями ордена меченосцевъ съ цѣллю покорить новгородцевъ и обратить ихъ въ католичество.

Шведскіе полки подъ предводительствомъ Биргера, сына Магнусова, прибыли на Неву къ устью Ижоры (1240) Новгородскій князь, юный Александръ Ярославовичъ съ небольшой дружиной встрѣтилъ шведовъ. Благодаря внезапности и рѣшительности удара, молодой князь, 15 Іюля,

наголову разбилъ шведовъ, и за этотъ подвигъ признательнымъ народомъ былъ названъ Невскимъ. Позднѣе за благочестіе и святость жизни, церковь причислила его къ лику святыхъ.

Биргеръ, теперь уже зять короля Эриха XI (Косноязычнаго), вступилъ въ управлѣніе государствомъ и назначенъ былъ ярломъ, т. е. высшимъ сановникомъ государства. Стаяясь расположить общество въ свою пользу, въ надеждѣ по смерти Эрика стать королемъ, Биргеръ предпринялъ новый крестовый походъ на Финляндію. Осеню 1249 г; съ сильнымъ флотомъ приставъ къ берегамъ Нюландіи, Биргеръ напалъ на Тавастовъ. Тѣмъ, кто соглашался креститься, оставляли жизнь и имущество; непокорныхъ же лишали жизни. При Биргерѣ построена была крѣпость Еменлинна, нынѣшній Тавастгустскій замокъ, сдѣлавшаяся новымъ оплотомъ христіанства въ Финляндіи.

Послѣ смерти Эрика королемъ былъ избранъ сынъ Биргера, Вальдемаръ, за малолѣтствомъ котораго Биргеръ по прежнему остался правителемъ Швеціи. Время Биргера было временемъ усиленія королевской власти. Прежде каждая отдельная область могла издавать и измѣнять законы по своему усмотрѣнію; теперь же издавалъ законы король, и эти законы были обязательны для всего государства. Король же велъ внѣшнюю политику. Въ законодательствѣ Биргеръ сдѣлалъ много полезныхъ измѣненій. Въ особенности замѣчательенъ законъ о наслѣдствѣ. Прежде наслѣдство получали одни сыновья, по выражению „оно шло къ шапкѣ и уходило отъ платка.“ Биргеръ же установилъ, чтобы дочь получала половину того, что доставалось сыну. Онъ отмѣнилъ также „судъ Божій,“ по которому обвиняемый въ доказательство своей невинности, долженъ былъ брать въ руки раскаленное желѣзо, или становиться на него

босой. Онъ же издалъ распоряженіе объ отмѣнѣ права продавать людей въ рабство. Этими и многими другими постановленіями Биргеръ-ярлъ способствовалъ смягченію нравовъ и исправленію понятій, отчего вся жизненная обстановка приняла болѣе благороденныя формы. Появились улучшенія въ жилищѣ, въ одѣждѣ и даже въ домашней утвари.

Покоренные финны, стоявшіе по развитію ниже покорителей, очень скоро усвоили ихъ законы и ихъ общественный строй.

Шведскіе законы сложились въ письменную форму только въ XVII ст. Раньше они были риѣмованы и расپѣвались населеніемъ какъ пѣсни, передаваясь отъ старшихъ къ младшимъ.

Чтобъ упрочить въ новой провинціи свое владычество, шведскіе правители начали заселять берега Финскаго и Ботническаго залива своими коренными подданными, что еще больше помогло распространенію между финнами языка, религіи и обычаевъ шведовъ. Римско-католическая вѣра, ревностно насаждаемая въ Финляндіи, преграждала путь православной церкви, а иногда и отнимала уже завоеванную ею область. Въ Кареліи Православная Церковь сохранилась только въ юго-западной ея части, оставшейся подъ властью Новгородскихъ князей. Изъ краткихъ извѣстій, сохранившихся въ лѣтописяхъ видно, что русскіе князья и пастыри не упускали изъ виду этой страны, посыпая отъ времени до времени священниковъ для обращенія невѣрныхъ, утвержденія обращенныхъ и исправленія богослужебныхъ обрядовъ.

Послѣ смерти Биргера, сынъ его Вальдемаръ свергнутъ былъ братомъ своимъ Магнусомъ, щедро вознаградившимъ всѣхъ тѣхъ, которые помогали ему овладѣть престоломъ. Съ этого времени образовалось въ Швеціи сословіе дворянъ,

которое, также какъ и духовенство освобождено было отъ податей. Раздавая привилегіи знатнымъ, Магнусъ заботился и о простомъ народѣ, охраняя его собственность отъ насилий, которыхъ были тогда въ обычай. За это Магнусъ получилъ прозвище „Ладулось“, что значитъ „замѣкъ житницъ“.

Магнусъ построилъ много монастырей и окончилъ соборъ въ Або. Величественное зданіе и торжественное богослуженіе сильно дѣйствовали на умы населенія и оказывали большую услугу католической проповѣди.

Между тѣмъ карелы, поддерживаемые новгородцами, продолжали тревожить католическое населеніе Финляндіи. Съ той и съ другой стороны дѣлались безпрестанные набѣги, вражда росла и предвѣщала кровавую развязку.

Послѣ смерти Магнуса, за малолѣтствомъ сына его Биргера, сталъ править государствомъ маршалъ Тургильсъ-Кнутсонъ. Умный и талантливый правитель скоро понялъ, что въ борьбѣ Швеціи съ Россіею преобладать будетъ тотъ, кто завладѣеть Невою. Съ цѣллю запереть новгородцамъ Финскій заливъ Кнутсонъ въ 1293 г. построилъ крѣпость Выборгъ. Постройка шла такъ успѣшно, что финны, никогда не видавшіе такихъ твердынь, приписали успѣхъ постройки сверхъестественной силѣ. Новгородцы явились было подъ Выборгомъ, но недостаточныя силы и ранняя весна заставили ихъ отступить съ большими урономъ.

Ставъ прочно въ Выборгѣ, шведы вознамѣрились покорить всю Карелію, вплоть до Ладожского озера, а жителей обратить въ католичество. Съ этой цѣллю Выборгскій гарнизонъ напалъ на Кексгольмъ, захватилъ его и дѣйствительно распространилъ, было, власть шведовъ на всю страну. Прибыли епископы и начали усиленно обращать карель въ католичество. Но успѣхъ шведовъ былъ мимолетенъ. Въ 1295 г.

новгородская рать вмѣстѣ съ карелами оттеснила шведовъ и возвратила Новгороду его достояніе. Кексгольмъ остался въ русскихъ рукахъ со всею областью почти до самаго Выборга.

Въ 1300 г. Кнутсонъ, отпраздновавъ въ Стокгольмѣ свадьбу молодого короля Биргера, отплылъ съ войскомъ въ Финскій заливъ и, проникнувъ въ Неву, заложилъ при устьѣ рѣки Сварты, т. е Черной, близъ нынѣшней Александро-Невской Лавры крѣость, съ хвастливымъ названіемъ Ландскроны¹⁾ (вѣнецъ края); но въ слѣдующемъ году русское войско напало на эту крѣость и разрушило ее до основанія. Теченіе Невы опять осталось въ русскихъ рукахъ. Вскорѣ послѣ того въ Швеціи произошли беспорядки. Королю сумѣли внушить недовѣріе къ Кнутсону, и этотъ человѣкъ, оказавшій такъ много услугъ родинѣ, былъ схваченъ и казненъ въ Стокгольмѣ въ 1306 г.

Борьба шведовъ съ новгородцами продолжалась. Въ отместку за нападеніе на приладожье, новгородцы въ 1318 г. обрушились на Або, сожгли его и разорили церковь. Въ 1322 г. новгородцы подступали къ Выборгу, шведы же пытались овладѣть Кексгольмомъ. Несчастная Финляндія опустошалась сосѣдями и съ востока и съ запада. Новгородцы, опасаясь натиска шведовъ со стороны Невы, рѣшились за переть входъ въ Ладожское озеро. Съ этой цѣлію при князѣ Юрии Даниловичѣ заложена была при истокѣ Невы, на островѣ Орѣховомъ, крѣость Орѣшекъ, нынѣшній Шлиссельбургъ, у шведовъ—Нотебургъ.

Непрерывныя кровавыя столкновенія до такой степени

¹⁾ По Шюберсону Ландскрону построена была при впаденіи р. Охты въ Неву. На этомъ же мѣстѣ стоялъ позднѣе Ніеншанцъ.

утомили враждующихъ, что обѣ стороны стали помышлять о заключеніи прочнаго мира. Уполномоченные обѣихъ державъ сѣхались въ Орѣшкѣ, и 12 Августа 1323 г. былъ заключенъ между русскими и шведами мирный договоръ. Русскіе уступали шведамъ ближайшіе къ Выборгу округа Кареліи: Эйрепя, Яскисъ и Саволаксъ. За русскими же осталась, кромѣ всей Ингерманландіи (нынѣшняя петербургская губернія), приладожская часть Кареліи отъ Невы по западному и сѣверному берегамъ Ладожскаго озера.

Орѣховскій договоръ, столь прискорбный для русскаго чувства, имѣлъ, однако, важное историческое значеніе. Онъ явился документомъ, свидѣтельствовавшимъ о давности и обширности русскихъ владѣній въ Финляндіи.

Но и оставшіяся за Новгородомъ области составляли не малую долю Финляндіи. Сюда входили нынѣшнія: Выборгская, Куопійская и отчасти С. Михельская и Улеоборгская губерніи. Постановленія Орѣховскаго договора послужили основаніемъ и послѣдующихъ договоровъ до временъ царя Михаила Феодоровича.

Этотъ періодъ исторіи Финляндіи ознаменованъ обращеніемъ язычниковъ финновъ въ Христіанство и началомъ гражданскаго устройства. Мѣстами и здѣсь, какъ мы видѣли, Христіанство проповѣдывалось мечемъ, навязывалось силой; но и при такихъ условіяхъ оно было благодѣтельно. Могущественные римско-католическіе епископы пользовались почти неограниченной властью въ Финляндіи. Абосская епархія обнимала почти всю захваченную страну. Въ нее входили: Аландъ, собственно Финляндія, Сатакунта, Нюландія, западная Карелія и Саволаксъ. На сѣверѣ къ епископству принадлежала Эстерботнія, которая стала заселяться позднѣе.

Гражданская власть нерѣдко находилась въ рукахъ чле-

Усадьба крестьянина въ Эстерботніи.

новъ королевскаго дома, управляющихъ страною съ титуломъ герцоговъ.

Населеніе Шведской Финляндіи въ описываемое время сосредоточивалось почти исключительно на югѣ. На сѣверѣ была почти пустыня, по которой бродили лопари, рыбаки и охотники. Заселенію Эстерботніи много способствовали биркарлы—торговое общество, которое вело мѣновую торговлю съ лопарями. По слѣдамъ купцовъ двигались поселенцы тавасты, размѣстившіеся по берегамъ Ботническаго залива. Позднѣе ихъ вытѣснили шведы, которые живутъ тамъ и до сихъ поръ.

Расширеніе правъ Финляндіи. Кальмарская унія.

Орѣховскій договоръ съ княземъ Юріемъ былъ заключенъ отъ имени малолѣтняго короля Магнуса Эрикссона. По достижениіи совершеннолѣтія Магнусъ сталъ продолжать, по примеру своего предшественника, законодательную работу, отразившуюся и на Финляндіи. Но церкви его законодательство не коснулось. Епископы не допускали, чтобы кто нибудь вмѣшивался въ ихъ дѣла.

Новгородцы между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы заняться Карелию и позаботиться объ упроченіи тамъ гражданскаго и церковнаго порядка, отдали ее въ управлѣніе иновѣрцамъ. Стараясь сблизиться съ Литовскимъ княземъ Гедиминомъ, они дали сыну его Норимонту „въ отчину и дѣдину“ не только Ладогу, Орѣшекъ, половину Копорья, но и всю Карелию съ Кексгольмомъ. Норимондъ послалъ туда правителемъ сына своего Александра, а на смѣну ему намѣстниковъ. Эти люди, чуждые православнымъ жителямъ по крови и вѣрѣ, не заботились о нихъ и постоянно оскорбляли своей заносчивостью. Среди православныхъ карель жили также и

католики. Образовались партии и дело дошло до междоусобия. Католики послали въ Выборгъ просить помощи, и шведы двинулись къ Ладогѣ. Александръ бѣжалъ въ Литву, предоставивъ новгородцамъ отстаивать свои владѣнія. Новгородцы вторглись въ Выборгскую область, опустошили ее и добились подтверждения Орѣховскаго договора. Сговорчивости шведовъ не мало способствовала страхъ чумы, которая тогда свирѣпствовала въ Европѣ.

Едва прошло двадцать лѣтъ послѣ Орѣховскаго договора, какъ Магнусъ въ 1348 году пошелъ на Русь ноевымъ походомъ. Тайно цѣлью его было овладѣть берегомъ Ладожскаго озера и Невою; явно же онъ выставлялъ желаніе обратить русскихъ въ католичество. При этомъ онъ предлагалъ даже религиозное состязаніе съ тѣмъ, чтобы то вѣроисповѣданіе, которое окажется лучшимъ, было принято обоими народами. Новгородцы уклонились отъ состязанія, предоставивъ шведамъ обратиться къ константинопольскому патріарху. Тогда Магнусъ послалъ герольдовъ къ новгородцамъ объявить имъ войну и въ тоже лѣто со значительнымъ войскомъ пришелъ на Неву, осадилъ Орѣшекъ, взялъ его и сталъ крестить населеніе въ латинство.

Бѣдствія и опустошенія, произведенные Магнусомъ, его насилия вѣрѣ надолго остались памятными въ Карелии, послуживъ основаніемъ разныхъ сказаний, которые частью занесены въ лѣтописи, частью сохраняются въ устныхъ преданіяхъ карельскихъ селеній и монастырей.

Трудно было новгородцамъ. Великое княженіе, находившееся теперь въ Москвѣ, было далеко и не могло оказать помощи. Однако, новгородцы сами справились со шведами, разбили ихъ и выгнали изъ Орѣшка. Шведская хроника объясняетъ неудачи Магнуса тѣмъ, что король не внялъ

приказаниемъ Богоматери, уничтоживъ только часть язычниковъ, взятыхъ въ плѣнъ; остальныхъ же отпустилъ за большой выкупъ.

Новгородцы, преслѣдуя Магнуса, добрались и до Выборга, гдѣ побили много шведовъ. Наконецъ въ Дерптѣ заключенъ былъ въ 1351 г. миръ, который не принесъ ни русскимъ, ни шведамъ никакихъ выгодъ.

Тѣмъ временемъ неурядицы въ Швеціи до того разрослись, что ей некогда стало думать о новыхъ походахъ. Шведы безпрестанно мѣняли королей и при одномъ изъ нихъ, Хаконѣ, финамъ даровано было право посыпать своего представителя для участія въ избраніи короля. Хотя этимъ правомъ финны ни разу не имѣли случая воспользоваться, но все-таки, въ силу его, Финляндія сдѣлалась официально шведскою провинцію съ опредѣленными правами и обязанностями.

Шведы, недовольные королями, которыхъ сами же выби-
рали, возвели на престолъ герцога Мекленбургскаго, Аль-
брехта. Не поладивъ съ нимъ, они предложили корону до-
чери датскаго короля Маргаритѣ. Эта замѣчательная жен-
щина сумѣла водворить порядокъ въ Скандинавіи. Она обу-
здала дворянство и объединила Швецію, Норвегію и Данію
подъ однимъ скіпетромъ. Этотъ актъ извѣстенъ въ исторії
подъ названіемъ Кальмарской уніи 12 іюля 1397 года. Швед-
ская Финляндія никакого участія въ состоявшемся соглаше-
ніи не принимала и подчинилась ему лишь въ качествѣ швед-
ской провинціи.

Наслѣдникъ Маргариты, плѣмянникъ ея Эрикъ Померан-
скій, дважды посѣтилъ Финляндію и далъ важныя привил-
легіи Выборгу, который успѣлъ сдѣлаться значительнымъ
торговымъ пунктомъ. Между прочимъ, введенъ былъ новый

королевскій судъ взамѣнъ прежняго, устарѣвшаго. Важнымъ нововведеніемъ было раздѣленіе Финляндіи на двѣ части, сѣверную, куда вошли часть собственно Финляндіи, Сатакунта, Эстерботнія и Аландъ; и южную, съ остальной частью собственно Финляндіи, Нюландія, Карелія съ Саволаксомъ и Тавастландія. Вообще на Финляндію стали обращать больше вниманія чѣмъ прежде.

Возстановленный королевой Маргаритой порядокъ длился не долго; кальмарскій союзъ вмѣсто ожидаемой пользы прінесъ горькіе плоды. Короли жили большею частію въ Даніи, а въ Швеціи властолюбіе дворянъ, притѣсненіе народа, мятежи, грабительства и кровопролитія продолжались во все время союза. Королевская власть была унижена до послѣдней степени. Короли смѣяли одинъ другого; одновременно бывало по два короля; порой не признавался никто и во главѣ оказывались болѣе смѣлые и ловкіе проходимцы. При такихъ условіяхъ, иногда, въ пылу раздоровъ, партіи подумывали даже о призываѣ на помощь русскихъ.

Въ это несчастное время политическихъ неурядицъ, дававшихъ полнѣйшую свободу фанатизму, изглажены послѣднія слѣды православнаго исповѣданія въ западной части Кареліи. Увлеченіе католическихъ правителей, королевскихъ намѣстниковъ въ Финляндіи доходило до того, что они подвергали православныхъ финновъ истязанію наравнѣ съ язычниками. Въ Кареліи оставалось еще много коренныхъ язычниковъ, но и крещеные, пребывая подолгу безъ пастырского назиданія, перемѣшивали христіанскіе обряды съ языческими. На всемъ почти пространствѣ карельской земли еще удерживались языческія мольбища карель. Сюда собирались они приносить жертвы и молиться. Женщины призывали шамановъ къ своимъ новорожденнымъ дѣтямъ. Ша-

маны не иначе приступали къ заклинаніямъ какъ потребовавъ, чтобы всѣ священные предметы, иконы, кресты на шеѣ были сняты и вынесены. „Наши боги боятся знаменія небеснаго—говорили они—и не смѣютъ придти“. Православное духовенство, не обладая въ тѣ времена достаточнымъ развитіемъ, нерадиво относилось къ своимъ обязанностямъ и не предпринимало мѣръ къ искорененію язычества. Узнавъ обо всемъ этомъ, новгородскій архіепископъ Макарій послать въ Карелію священника Илію съ грамотою ко всему духовенству. Илія, по приходѣ на мѣсто, долженъ былъ раззорять языческія мольбища, а жителей собирать, совершать вмѣстѣ съ ними молитву и уклонившихся отъ чистоты христіанской жизни наставлять и вразумлять. Проповѣдника сперва приняли недружелюбно, но потомъ само населеніе и особенно дѣти начали помогать ему разрушать мольбища и уничтожать идоловъ. Число христіанъ быстро умножалось и на рубежѣ XV и XVI в. было уже довольно значительно. Въ карельскомъ округѣ было 7 православныхъ приходовъ, а въ Кексгольмѣ нѣсколько церквей.

Архіепископы новгородскіе изрѣдка обозрѣвали карельские приходы своей епархіи, но частыхъ посѣщеній ожидать было нельзя, какъ по дальности разстоянія, такъ и по неудобству переѣздовъ по Финляндіи. Во всей русской Карелии было только два города: Кексгольмъ, гдѣ находился архіерейскій домъ и Выборгъ; а въ небольшихъ селеніяхъ не всегда можно было найти приличный пріютъ для архіерея и его свиты.

Въ то время какъ новгородскіе пастыри заботились объ укрѣпленіи православія въ Кареліи, католическіе проповѣдники въ Шведской Финляндіи распространяли римско-католическую вѣру и въ то же время устраивали училища для

просвѣщенія народа. Самымъ замѣчательнымъ епископомъ за это время былъ Магнусъ II Олаи Тавасть. При немъ основанъ былъ въ Финляндіи женскій монастырь. Мужскихъ было уже пять; тогда какъ въ Кареліи всего два: Валаамъ и Коневецъ.

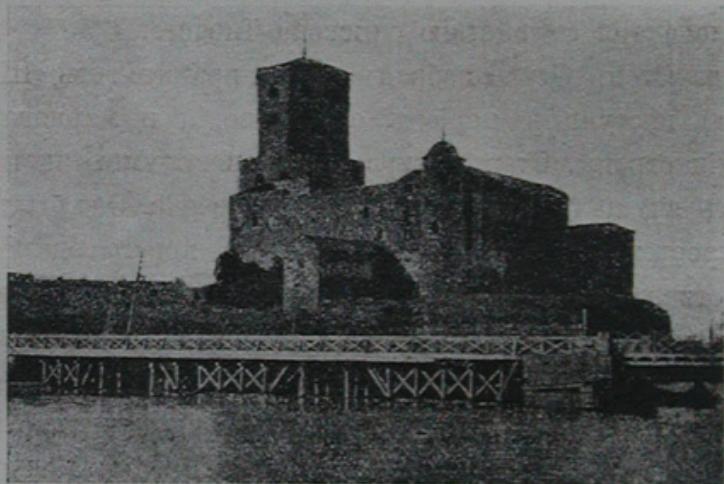
Король Гансъ и Іоаннъ III. Конецъ датскаго владычества.

Кальмарская унія съ самаго начала не отличавшаяся популярностью, дѣлалась все болѣе и болѣе ненавистною шведамъ. Недовольство народа росло, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхнуло возмущеніе. Вспыхнуло оно и въ Финляндіи, (1438) въ сѣверной части Сatakунты, но вскорѣ было подавлено благодаря содѣйствію епископа Таваста.

Когда Стенъ Стуре избранъ былъ правителемъ Швеціи (1471 г.), наступилъ періодъ отдохновенія и мирнаго преуспѣянія страны. Стенъ Стуре своею честностью и прямодушіемъ внушалъ къ себѣ всеобщее довѣріе. Онъ былъ другомъ простого народа; посѣщалъ дома простолюдиновъ и присутствовалъ на ихъ сходкахъ и ярмаркахъ.

Въ Россіи около этого времени произошли события, имѣвшія большое значеніе для Финляндіи. Ослабленная монгольскимъ игомъ, Россія начала мало по малу усиливаться и окрѣпнувъ, снова явилась опасною для Швеціи. Между со сѣдями возобновились враждебныя дѣйствія; шведы опустошили новгородскую землю, русскіе—шведскую Финляндію. Владѣтель Выборгскаго и Тавастгускаго замка, Эрикъ Аксельсонъ, расширилъ для обороны страны укрѣпленія Выборга и обнесъ его каменною стѣной. Затѣмъ, на одномъ изъ острововъ Саймы построилъ крѣпость Олофсборгъ, впослѣдствіи Нейшлотъ. Наконецъ въ 1482 г. заключено было перемиріе на четыре года, которое затѣмъ продолжено еще на пять лѣтъ.

Между тѣмъ явился собиратель земли русской Иоаннъ III, владѣнія котораго доходили до предѣловъ шведской Финляндіи. Новгородъ же и Псковъ пришли въ упадокъ. Датский король Гансъ, вступившій на престолъ послѣ Христіана I, 1481 г. претендовалъ, согласно унії, на престолъ трехъ скандинавскихъ государствъ. Чтобы успѣшиѣ бороться противъ всемогущаго Стена Стуре, Гансъ заключилъ договоръ съ Иоанномъ III для совмѣстнаго дѣйствія противъ шведовъ. Русское войско подъ предводительствомъ князя Данилы ІІІ осенью 1495 г. перешло границу, подступило къ Выборгу и осадило его. У русскихъ были осадныя ма-

Выборгскій замокъ.

шины и длинныя пушки, изъ которыхъ они начали обстрѣливать городъ. Кромѣ того у нихъ былъ еще небольшой флотъ, состоявшій изъ ладей и яхтъ.

Такъ продолжалось шесть недѣль. Съ каждымъ днемъ положеніе осажденныхъ ухудшалось. Русскіе подвигались ближе и ближе; наконецъ имъ удалось разрушить двѣ башни

и сдѣлать брешь въ третьей. 30-го Ноября, въ день Св. Ап. Андрея, русскіе пошли на приступъ. Они уже взошли на стѣну, овладѣли одной изъ башенъ и готовы были ворваться въ городъ, какъ, по преданію, увидали на небѣ крестъ Св. Андрея, и ими овладѣла паника. Въ дѣйствительности же замѣшательство произвели горящія бочки со смолой и дегтемъ выброшенныя на осаждающихъ и взрывъ пороховыхъ бочекъ въ башнѣ. Русскіе отступили и разбрелись по всей Финляндіи. Той же зимой 1496 г. они огнемъ и мечемъ проникли че-резъ Нейшлотъ въ центральную и западную Финляндію и остановились въ двухъ дняхъ пути отъ Або. Шведскій главнокомандующій Сванте-Стуре сидѣлъ въ Выборгѣ съ сорокатысячнымъ войскомъ и, не рѣшившись оказать сопротивленіе, далъ русскимъ уйти съ большой добычей и плѣнными.

Напуганные финны послали просить поддержки шведскаго правительства. Шведы снарядили войско, посадили его на корабли и взяли на счастье знамя Св. Эриха, но наступившіе морозы заставили ихъ отложить походъ. Русскіе же не боялись морозовъ. Іоаннъ III послалъ войско къ Ботническому заливу и это войско раззорило всю землю отъ Карелии до Лапландіи, присоединивъ къ русской Державѣ почти всю нынѣшнюю Улеаборгскую губернію. Когда русскія войска пошли по осени обратно въ Москву, жители покоренной земли послали съ ними посольство, которое отдало страцу свою подъ покровительство Россіи.

Въ октябрѣ 1497 г. Гансъ, другъ Іоанна III вступилъ въ Стокгольмъ и былъ провозглашенъ королемъ Швеціи подъ именемъ Іоанна II, а въ 1504 г. между русскими и шведами заключено было перемиріе на 20 лѣтъ и продлено потомъ на 60. Этимъ кончилась такъ называемая великая рус-

ская война. Финляндія была опустошена, но и русскіе не много выиграли, не успѣвъ нигдѣ встать твердою ногою.

У шведовъ шли постоянныя распри съ Даніей. Датскій флотъ опустошалъ берега Финляндіи. Датчане напали на Або; жителей частью перебили, частью увезли въ плѣнъ, разграбивъ соборъ и городъ. Многострадальный финскій народъ сильно тяготился войной. Жители Аланда отказались платить налоги, пока самъ „всемилостивѣйшій“ король не придетъ къ нимъ на помощь. Недовольство сказывалось во всѣхъ слояхъ населенія.

Въ 1513 г. умеръ король Гансъ и престолъ перешелъ къ сыну его Христіану, этому „сѣверному Нерону“ какъ его называли. Христіанъ—гордился своей жестокостью и въ манифестахъ называлъ себя „королевской немилостью“ и „бичемъ Швеціи“. Тотчасъ по воцареніи онъ принялъ усмирять шведовъ. Многіе изъ выдающихся шведскихъ дѣятелей были схвачены и казнены въ Стокгольмѣ. Поплатились и финны въ лицѣ своихъ лучшихъ людей. Эти казни на улицахъ Стокгольма известны въ исторіи подъ названіемъ „Стокгольмской кровавой бани“. Внутреннія смуты продолжались до появленія Густава Эрикссона Вазы, который и положилъ конецъ датскому владычеству.

Внутренній бытъ Финляндіи въ католическую эпоху.

Финляндія въ средніе вѣка дѣлилась на семь леновъ по числу находившихся въ ней укрѣпленныхъ замковъ. Лены были двухъ разрядовъ: одни давались въ пользованіе крупнымъ вельможамъ; другіе оставались въ распоряженіи короля. Владѣльцы леновъ становились вассалами короля. Они обязаны были содержать на свой счетъ замокъ въ боевой готовности и заботиться объ оборонѣ границъ области. Нѣ-

которые изъ нихъ пользовались большою властью и носили почетный титулъ герцоговъ Финляндіи. Лены, оставшіеся въ распоряженіи короля, управлялись коронными чиновниками. Лены дѣлились на болѣе мелкія единицы: уѣзды и погосты.

Владѣніе землей сельского населенія было въ средніе вѣка общинное; но уже въ XIV в. стало входить въ обычай усадебное пользованіе, т. е. обособленный клочокъ пашень, луговъ и лѣса ¹⁾.

Въ началѣ никакихъ особыхъ правъ на владѣніе землей не существовало. Всякій бралъ себѣ столько, сколько могъ захватить. Количество земли измѣрялось пространствомъ, которое человѣкъ можетъ пройти втечениіи одного дня. Такимъ образомъ, обозначая напр. пространство лѣса говорили: „Лѣсъ пространствомъ въ одного человѣка, въ двухъ и т. д.“.

Такое опредѣленіе владѣній было крайне сбивчиво и часто служило поводомъ къ кровавымъ столкновеніямъ не только между владѣльцами, но даже между цѣлыми областями. Во избѣжаніе споровъ правительство отрядило четырехъ землемѣровъ для размежеванія земель служившихъ яблокомъ раздора. Четыре года странствовали эти люди съ котомками за плечами, по горамъ, болотамъ и лѣсамъ пѣшкомъ, т. к. единицей мѣры земли былъ день ходьбы пѣшаго человѣка. Когда землемѣры представили результаты своихъ изслѣдований, то суды нашли, что изслѣдованія дѣлались неправильно. Лѣтомъ нельзя ходить скоро, тогда какъ зимой на лыжахъ можно пройти гораздо большее пространство.

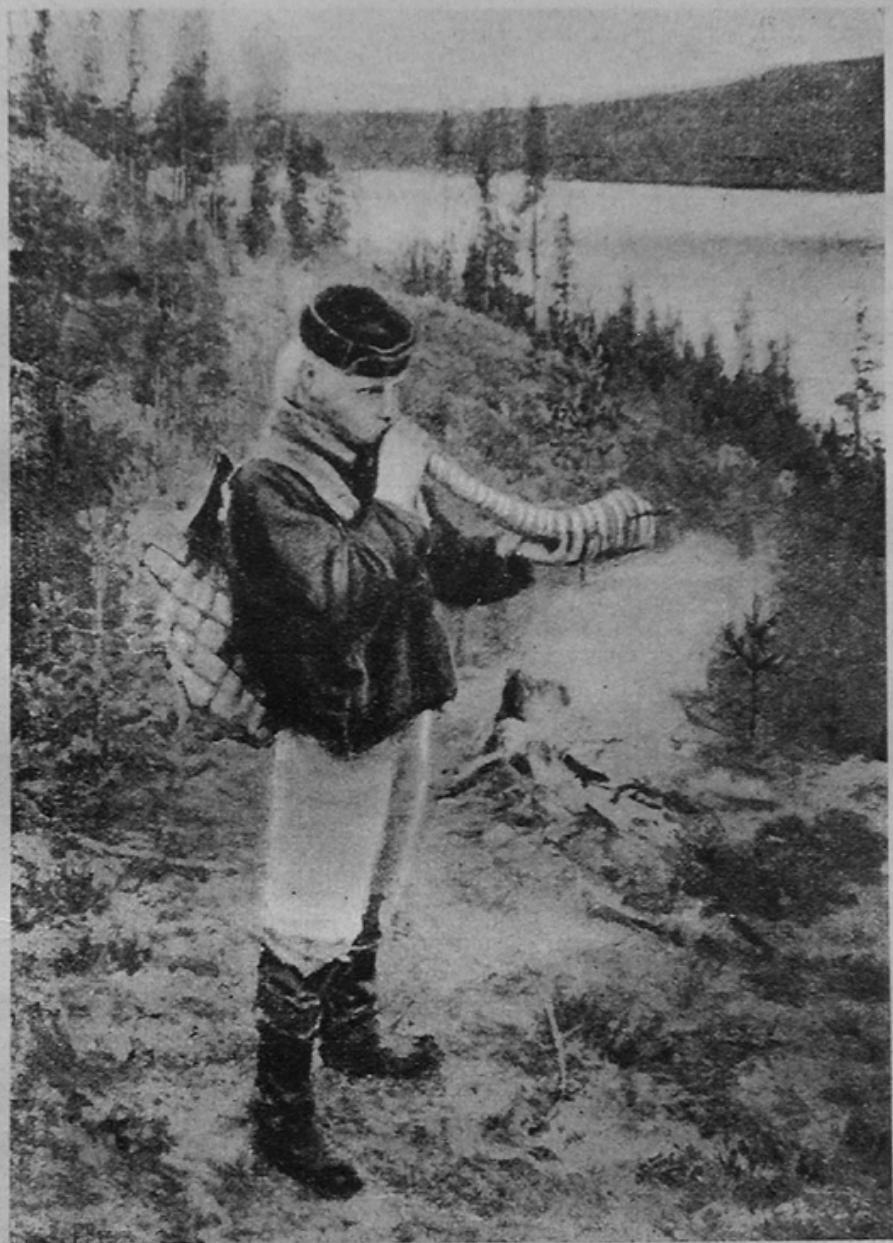
¹⁾ Финскимъ земледѣльцамъ не разъ грозила опасность потерять право собственности на земли. Въ средніе вѣка католические монастыри захватывали обширныя пространства. Съ введеніемъ реформаціи монастырскія земли отобраны были въ казну и потомъ постепенно перешли въ частные руки. Позднѣе, шведскіе короли раздавали земли дворянамъ.

Изъ сказаншаго видно, что въ средніе вѣка почти вся Финляндія къ сѣверу была еще пустынею, обладаніе которой не было подчинено никакимъ опредѣленнымъ правиламъ. Въ XIV в. первый разъ упоминается о сохѣ, какъ единицѣ земельной мѣры. Позднѣе была принята мѣра шведская „tanko“ около шести сажень.

Для рѣшенія судебныхъ дѣлъ средневѣковая Финляндія имѣла суды трехъ разрядовъ: волостной, областной и королевскій судъ. Замѣчательно, что существовавшая въ Европейскихъ странахъ въ средніе вѣка родовая месть у мирныхъ финновъ отсутствовала. Преступленіе разсматривалось не какъ личное оскорблениe, а какъ дѣяніе опасное для всего общества, а потому и каралось оно не самоуправствомъ, а государственною властью. Наказанія назначались суровыя; смертная казнь была не рѣдкость. За нѣкоторыя преступленія рѣзали уши, сдирали часть кожи, живыми закапывали въ землю.

Главными занятіями населенія были по прежнему: земледѣліе, скотоводство, охота и рыбная ловля. Земледѣліе было развито въ собственной Финляндіи Сatakунтѣ и Тавастландіи; скотоводство—въ Нюландіи. Охота была распространена преимущественно въ сѣверныхъ провинціяхъ, рыбная ловля—на островахъ и у прибрежныхъ жителей.

Торговля Финляндіи въ средніе вѣка была значительна. Еще въ языческую пору въ этой странѣ существовало нѣсколько торговыхъ пунктовъ, охотно посѣщаемыхъ иноземными купцами, въ томъ числѣ и русскими. Впрочемъ нѣмцевъ изъ Ганзейскихъ городовъ было всего больше. Купцы прїѣзжали—одни водой на длинныхъ лодкахъ, другіе на саняхъ, запряженныхъ оленями, третыи на лыжахъ съ помощью которыхъ они легко переправлялись черезъ горы.

Пастушекъ.

Торговля производилась по большей части мѣной; деньги употреблялись рѣдко.

Городовъ въ Финляндіи было тогда всего шесть: Або, Ульфебю, Выборгъ, Борго, Раумо и Нодеандаль. Города не подчинялись общимъ для всего государства законамъ, а имѣли свои собственные.

Всѣ финскіе города были въ то время построены на берегу моря. Торговали больше съ ганзейскими городами. Купецъ иностранный, какъ и у новгородцевъ, назывался гостемъ (*gäst*).

Важнымъ препятствиемъ для торговли съ Россіей являлись частыя войны и вызываемыя ими запрещенія торговать. Въ оправданіе своихъ распоряженій начальники Выборга ссылались обыкновенно на то, что правовѣрнымъ сынамъ римской церкви неприлично слабжать враговъ христіанства припасами.

Въ случаѣ войны населеніе было обязано поставлять для королевского флота извѣстное число вполнѣ снаряженныхъ военныхъ судовъ. При осадѣ и оборонѣ замковъ употреблялись метательные орудія. Огнестрѣльное оружіе появилось въ XV в. Пушки и ружья привозились изъ за границы, или дѣлались своими кузнецами; но пороху въ продажѣ не было. Его приходилось выдѣлывать самимъ. Употребляли также копья, которые метали очень ловко. Не менѣе ловко орудовали съ сѣтками. Ихъ набрасывали на голову всаднику и стаскивали его съ лошади. Большую помоѣць оказывали въ войнѣ финскія собаки, которыхъ учили лаять на лошадей и кусать имъ морду. Лошади становились на дыбы и сбрасывали всадника. Русскія лошади очень боялись финскихъ собакъ.

Военная повинность въ средніе вѣка носила характеръ ополченія. Правильно организована была только гарнизонная служба въ замкахъ и служба дворянъ.

Дворянство въ Финляндіи также какъ и въ Швеціи введено было Магнусомъ Ладулосомъ въ 1280 г. Самыми древними изъ финскихъ дворянъ считаются фамиліи Куркъ, Тавасть и Саркилахти.

О происхожденіи фамиліи Куркъ народная легенда говоритъ такъ:

Между биркарлами (торговая товарищество) былъ нѣкто Матвѣй, славившійся своей силой и храбростью. Однажды пришелъ изъ Руси великанъ, по имени Потко и сталъ вызывать желающихъ на единоборство. Шведскій король обратился къ Матвѣю и тотъ, хоть и неохотно, принялъ предложеніе.

Противники встрѣтились на островкѣ озера Весіярви. Когда они пристали къ берегу, то Матвѣй оттолкнулъ лодку своего противника такъ, что она ударила о противоположный берегъ.— „Зачѣмъ ты это дѣлаешь?“ спросилъ Потко.— „Лодка не нужна тому, кто остается здѣсь,“ отвѣчалъ Матвѣй. Потко выхватилъ мечъ и отрубилъ Матвѣю правую руку. Тотъ, истекая кровью упалъ на одно колѣно.— „Ты прыгаешь какъ журавль“ закричалъ презрительно Потко.

— „Я еще могу и летать!“ И схвативъ лѣвой рукой мечъ, Матвѣй закололъ противника. Въ награду за этотъ подвигъ Матвѣй получилъ дворянство и вотчину съ фамиліей Куркъ „Kurki“ по фински значить журавль.

Шведскіе и финскіе дворяне обязаны были нести военную службу, за что они освобождались отъ налоговъ, а такъ какъ дворянъ въ Финляндіи было мало, то и терять приходилось немногого шведскому правительству. Большая часть

земель все же оставалась обложеною податями, почему Финляндія считалась самой выгодной изъ всѣхъ провинцій.

Быть финского дворянства отличался суровой простотой и отсутствиемъ всякой пышности. Въ этомъ отношеніи финские дворяне значительно уступали блеску европейской феодальной аристократіи съ ея турнирами и трубадурами. Ни о турнирахъ, ни о другихъ рыцарскихъ развлеченіяхъ нигдѣ не упоминается кромѣ развѣ излюбленной финскимъ дворянствомъ соколиной охоты. Образованіе дворянства было самое ограниченное; многіе не знали даже грамоты.

Католическая церковь въ средніе вѣка пользовалась большими преимуществами. Земля, принадлежащая церкви была свободна отъ податей. Далѣе, у церкви былъ свой судь, которому подлежали и міряне по нѣкоторымъ преступленіямъ.

Все школьное обученіе находилось въ рукахъ духовенства, главною цѣллю котораго было приготовленіе молодыхъ людей къ духовному званію. Древнѣйшою школою въ Финляндіи была каѳедральная школа въ Або, основанная въ XIII в. Предметами преподаванія въ этой школѣ были: церковное пѣніе, грамматика, реторика и діалектика. Школьники, или, какъ ихъ называли, дѣкны, были въ большинствѣ случаевъ бѣдные юноши, которые нуждались въ частной благотворительности для того, чтобы продолжать ученіе. Отсюда произошелъ своеобразный обычай такъ называемыхъ „дѣкновскихъ хожденій“. Во время каникуль школьеры, съ разрешеніемъ ректора, отправлялись по погостамъ просить милостию, при чемъ нерѣдко позволяли себѣ злоупотребленія, выдавая себя за священниковъ.

Книги были тогда большою рѣдкостью и находились только въ церковныхъ библіотекахъ. Духовенство вѣдало также больницы, пріюты и монастыри.

При такихъ условіяхъ католическая церковь естественно должна была играть и играла видную роль въ жизни финскаго народа; но эта роль была чисто внѣшняя. Нравственное вліяніе церкви въ описываемую эпоху не могло быть сильнымъ. Тогдашнее духовенство по своему образованію и образу жизни едва возвышалось надъ общей массой, особенно духовенство приходское, близко стоявшее къ народу. Такое духовенство не могло внушить народу правильного пониманія той религіи, которой служило. Масса населенія была, конечно, крещена, многие посвящали церкви и исполняли обряды, но о сознательномъ усвоеніи христіанского ученія не могло быть и рѣчи. Вѣра въ языческихъ боговъ продолжала жить въ народѣ своеобразно переплетаясь съ христіанскими понятіями.

Картина быта простого народа въ Финляндіи далеко не привлекательна. Бѣдность, невѣжество, грубость—вотъ отличительныя черты того времени. Дошедши до насъ документы переполнены поступками грубаго насилия, совершенаго подъ вліяніемъ гнѣва или опьяненія.

Господствующимъ языкамъ въ Финляндіи былъ шведскій. На немъ писались бумаги, онъ же былъ разговорнымъ языкомъ высшаго общества. Языкомъ церкви была латынь. Финскій языкъ былъ еще совершенно необработанъ и на немъ не было никакой литературы, что не мѣшало однако развиться своеобразной народной поэзіи въ формѣ импровизаций. Въ это время создались лучшія баллады и легенды изъ которыхъ замѣчательны: Пѣсни о Св. Генрихѣ, О Классѣ Куркѣ, Объ Анники и нѣмецкомъ гостѣ.

Густавъ Ваза и его сыновья 1523—1611.

Густавъ Эриксонъ Ваза родился въ 1496 г. Юношей онъ былъ обманомъ увезенъ въ Данію, откуда бѣжалъ въ 1520 г.

Страшный врагъ датского владычества, онъ старался возбудить въ своихъ соотечественникахъ чувство патріотизма. Сначала онъ не встрѣчалъ сочувствія, но не падая духомъ, продолжалъ свое дѣло. Скитаясь изъ деревни въ деревню, оставленный всѣми, онъ хотѣлъ уже отказаться отъ своего плана, какъ вдругъ пришло извѣстіе о „Стокгольмской кровавой банѣ“. Патріотизмъ шведовъ проснулся. Они примкнули къ Густаву и, послѣ продолжительной борьбы, владычество датчанъ было сломлено и въ 1523 г. Густавъ Ваза провозглашенъ королемъ Швеціи.

Въ Финляндіи война за освобожденіе начата была осенью 1521 г. и окончена спустя два года. Датчане были разбиты на всѣхъ пунктахъ и Кальмарская унія перестала существовать.

Незадолго до этихъ событій Мартинъ Лютеръ началъ въ Германіи борьбу противъ католичества. Его проповѣдь призывала государства и народы къ освобожденію отъ господства папы. Народы, подчинявшіеся этой власти, давно изнемогали подъ тяжестью и потому обращеніе въ лютеранство шло весьма успешно.

Густавъ Ваза выказалъ большое сочувствіе новому учению. Онъ тотчасъ же прекратилъ сношенія съ папой, приказалъ ставить епископовъ безъ его утвержденія, а церковные имѣнія отобрать въ казну. Такая же участіе постигла и финляндское епископство.

Густавъ Ваза.

Король действовалъ очень осторожно. Онъ никому не навязывалъ новой вѣры, но видимо поощрялъ тѣхъ, которые ее принимали. Онъ не содѣствовалъ проповѣдникамъ, но и не мѣшалъ имъ распространять новое ученіе. Не мало помоши оказалъ реформаціи переводъ библіи на шведскій языкъ. На финскій перевель Евангеліе епископъ Агрикола. Тотъ же епископъ издалъ много книгъ на финскомъ языкѣ, сочинилъ азбуку и перевель Лютеровъ катехизисъ. Онъ первый доказалъ, что финскій языкъ способенъ къ дальнѣйшему развитію.

Духовенство какъ нельзя лучше уяснило себѣ желанія короля. Отказавшись отъ католичества, оно не сразу примкнуло къ лютеранству, а старалось сдѣлать переходъ отъ стараго ученія къ новому незамѣтнымъ. Перемѣна религії цѣлой страны совершилась безъ всякихъ потрясеній.

Густавъ Ваза былъ первымъ изъ шведскихъ королей, которому удалось закрѣпить престолъ за своими наследниками; а по тогдашнимъ понятіямъ наследственный король считался неограниченнымъ монархомъ. Вся государственная земля составляла собственность короля, которую онъ могъ распоряжаться по своему произволу. Владѣльцы имѣній пользовались только правами арендаторовъ.

Къ одной изъ темныхъ сторонъ царствованія Густава Вазы относятся злоупотребленія его правителей въ Финляндіи. Владѣтели леновъ и фохты до такой степени притѣсняли и мучили народъ, что онъ даже зимою прятался по лѣсамъ. Крестьяне такъ обнищали, что, по выраженію короля: „трое не могли прокормить одного.“ Вообще правителиничѣмъ не стѣснялись и на требованія закона не обращали никакого вниманія. Крестьяне жаловались королю, король

браниль, вразумляль правителей, лишаль ихъ мѣсть, но злоупотребленія не прекращались.

Особенной жестокостью отличался намѣстникъ Эрикъ Флеммингъ, который нерѣдко выгоняль крестьянъ изъ усадебъ и ихъ земли бралъ себѣ. Память о суровомъ правителѣ Флеммингѣ до сихъ поръ еще жива въ Нюландіи. Въ 1540 г. Флеммингъ залумалъ, было, отложитьсь отъ короля и вошелъ уже въ сношеніе съ герцогомъ Альбрехтомъ Прусскимъ, но заговоръ не удался.

Въ концѣ своего царствованія Густавъ Ваза строго слѣдилъ за дѣйствіями властей въ Финляндіи. Съ этой цѣлью онъ основалъ комиссию, которая должна была предотвращать и прекращать злоупотребленія.

Въ 1550 г., на берегу финского залива, близъ устья рѣки Ванды основанъ былъ новый городъ, которому надлежало сдѣлаться центромъ торговли на финскомъ заливѣ. Жителямъ городовъ: Раумо, Ульфебю, Экенесь и Борго приказано было переселиться въ новый городъ, которому дали название Гельсингфорса. Конечно никому не хотѣлось покидать насиженныхъ мѣсть, но приказъ былъ повторенъ въ такой формѣ, что обѣ ослушаніи не могло быть и рѣчи. Скоро, однако, король замѣтилъ, что Гельсингфорсу не выдержать соперничества съ другими городами и позволилъ переселенцамъ вернуться обратно. Гельсингфорсъ долго оставался ничтожнымъ городкомъ и никто, конечно, не могъ предвидѣть въ немъ будущей столицы Финляндіи.

Торговля въ тѣ времена разрѣшалась только въ городахъ. Въ деревнѣ никто не имѣль права торговать какимъ бы то ни было товаромъ, или обмѣнивать его на деревенскіе продукты, чтобы не нанести ущерба городамъ. Такая мѣра

была стѣснительна для населенія, но власти не обращали на это вниманія.

Весьма важнымъ мѣропріятіемъ Густава Вазы было заселеніе пустынныхъ мѣстностей внутри Финляндіи въ бассейнѣ озера Улео и въ Саволаксѣ. Не стало той дикой Саволакской украины гдѣ, по словамъ народной пѣсни преступникъ могъ скрываться многіе годы, пока само время не вымолитъ ему прощенія.

Такое спѣшное заселеніе пустынныхъ областей Финляндіи вызвано было необходимостью противодѣйствовать русскому вліянію, которое въ тѣхъ мѣстахъ успѣло уже сильно развиться. Особенно ощутительно стало оно со времени основанія Соловецкаго монастыря (1429), который много содѣйствовалъ распространенію Православія въ сѣверномъ краѣ и поморья.

Тѣмъ временемъ умеръ Иоаннъ III, собиратель земли русской. Могущество Россіи, освободившейся отъ татарского ига, не переставало возрастать. Шведы тоже, отдѣлавшись отъ внутреннихъ раздоровъ и Кальмарской уніи, замѣтно окрѣпли подъ мудрымъ управлениемъ Густава Вазы. Тѣмъ не менѣе они завистливо смотрѣли на ростъ Россіи и въ половинѣ XVI в. отношенія между обѣими державами снова обострились. Поводъ къ столкновенію было достаточно. При неопределенноти границъ близкіе сосѣди безпрестанно нарушали ихъ: пахали чужую землю, косили на ней сѣно, ловили въ чужихъ водахъ рыбу. За такія нарушенія сосѣди мстили другъ другу. „Почали шведы села жечь“, говорить Никоновская лѣтопись. „Дѣтей боярскихъ убивали, сына боярского горломъ на коль посадили“. Посланный Иоанномъ IV чиновникъ къ Густаву Вазѣ былъ задержанъ, что подало поводъ къ новому кровопролитію. Русскіе заняли нѣ-

которая мѣстности Финляндіи вооруженnoй рукой, но шведы побили ихъ. (1555 г.) Адмиралъ Багге осадилъ Орѣшекъ, жегъ и раззорялъ селенія, но никакихъ выгодъ не достигъ и возвратился въ Финляндію. Въ слѣдующемъ году русскіе подъ Выборгомъ побѣдили шведовъ и забрали такое множество пленныхъ, что мужчинъ продавали по гривнѣ, а дѣвицъ по пяти алтынъ.

Престарѣлый король, встревоженный извѣстіями, поспѣшилъ въ Финляндію и самъ руководилъ обороной. Въ послѣдніе годы жизни Густаву удалось заключить перемиріе съ Россіей на 40 лѣтъ.

Чувствуя приближеніе смерти Густавъ Ваза собралъ дѣтей и представителей народа и сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Кто такой былъ я, когда ополчился на такого могущественнаго короля какъ Христіанъ? Но Богъ помогъ мнѣ совершить это дѣло и сдѣлалъ меня своимъ избранникомъ, черезъ котораго являлъ свое могущество втеченіи болѣе, нежели сорока лѣтъ... Я знаю что для многихъ я былъ суровымъ монархомъ; но настанетъ время, когда сыны швеціи охотно вырвали бы меня вновь изъ нѣдръ земли, если бы это было возможно“.

Густавъ Ваза умеръ въ сентябрѣ 1560 г.

Герцогъ Иоаннъ. Великое Княжество Финляндское.

Преемникомъ Густава Вазы, по завѣщанію, объявленъ былъ старшій сынъ его, Эрикъ. Второй сынъ, Иоаннъ, еще при жизни отца получилъ въ ленъ Финляндію съ титуломъ герцога финляндскаго; младшему, Карлу, присвоенъ титулъ герцога Зюдерманландскаго.

Вслѣдствіе отдаленности Финляндіи отъ метрополіи и постоянныхъ злоупотребленій ея властей, Герцогу Иоанну

дана была въ этой странѣ неограниченная власть съ тѣмъ однако, чтобы Финляндія никогда не была отдѣлена оть Швеціи и, чтобы въ случаѣ воцаренія законнаго монарха, Иоаннъ принесъ ему присягу въ вѣрности.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Эрика XIV, положено было начало шведскому владычеству въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Эстляндіи и Лифляндіи. Это обстоятельство повело къ разрыву Эрика съ Польшой и съ Иоанномъ, который самъ мѣтиль на Лифляндію. Проживая въ Або, Иоаннъ окружилъ себя царской роскошью. Появились турниры, музыка, карты—увеселенія певиданныя до того въ Финляндіи. Увлеченный честолюбивыми замыслами, которые поддерживали два приближенныхъ къ нему финна Флеммингъ и Хорнъ, Иоаннъ задумалъ отдѣлить Финляндію оть Швеціи и, образовавъ изъ нея особое государство, сдѣлаться въ немъ Государемъ. Чтобы заручиться союзникомъ, онъ женился на сестрѣ польского короля, Екатеринѣ Ягеллонкѣ.

Вскорѣ, однако, планы финляндскаго герцога рушились. Королевское войско обложило Або, городъ капитулировать, Иоаннъ и его жена были взяты въ плѣнъ и увезены въ Швецію (1563).

Въ томъ же году началась война съ Даніей, известная подъ названіемъ 7-лѣтней сѣверной войны. Эрикъ искалъ содѣйствія Грознаго; Грозный же соглашался не иначе, какъ подъ условіемъ присылки ему Екатерины, жены заключеннаго герцога, въ чёмъ, разумѣется, ему было отказано. Вскорѣ въ Стокгольмѣ произошелъ переворотъ; Эрикъ былъ свергнутъ и престолъ занялъ Иоаннъ. Онъ тоже былъ не прочь дружить съ русскими, но Грозный продолжалъ упрямиться и не хотѣлъ признавать его королемъ. Снова началось кровопролитіе. Русскіе обошли Выборгъ и опустошили страну

вплоть до Гельсингфорса; шведы подъ командою де-ла-Гарди раззоряли Ладожскую область и Ингерманландію. Въ 1581 г. дѣйствія шведовъ на югъ Финскаго залива сопровождались болѣшимъ успѣхомъ. Де-ла Гарди овладѣлъ Эстляндіей, Кексгольмомъ и городами Ингерманландіи. Иванъ городомъ, Ямомъ и Копоремъ. Затѣмъ заключено было перемиріе, при чёмъ русскіе утратили всѣ захваченныя шведами города.

Гордый достигнутыми успѣхами и признателный финскимъ войскамъ и ихъ предводителямъ, значительно спо-собствовавшимъ успѣху войны, Ioannъ далъ Финляндіи титулъ Великаго Княжества, а себя велѣлъ именовать, сверхъ прочихъ титуловъ, великимъ княземъ Финляндіи.

Несмотря на расположение короля, который восхвалялъ вѣрность и преданность престолу финского населенія, говоря, что это лучшая изъ областей входящихъ въ составъ Швеціи, финнамъ при этомъ королѣ жилось не только не легче, но пожалуй еще тяжелѣе. Когда они просили защиты противъ набѣговъ русскихъ, имъ отвѣчали, что финны должны сами оборонять свою страну. Оборона противъ могущественного сосѣда требовала, конечно, напряженія всѣхъ наличныхъ силъ; а если прибавить къ этому притѣсненія своихъ же дворянъ, да безчинства шведскихъ солдатъ, то положеніе бѣдного народа покажется попстинѣ трагическимъ.

Трудно себѣ вообразить какая распущенность царила въ шведскихъ войскахъ, между которыми много было наемныхъ иностраннныхъ солдатъ. Часто случалось, что они, во время похода, отказывались идти дальше и даже угрожали смертью офицерамъ, если имъ не платили своевременно жалованья.

Изъ современныхъ лѣтописей видно, какія страданія испытывалъ финскій народъ. Дворяне, получившіе при Ioannѣ особыя привилегіи, притѣсняли крестьянъ безъ мило-

сердія. Тоже дѣлали и чиновники. „Какой нибудь фохтъ или уѣздный писарь прослуживъ одинъ годъ, уже желалъ имѣть большой дворъ, лошадей, корабль, серебряную посуду, и все это онъ выжималъ изъ крестьянъ“. Крестьяне не разъ жаловались королю. Король пытался защитить крестьянъ, но это ни къ чему не вело.

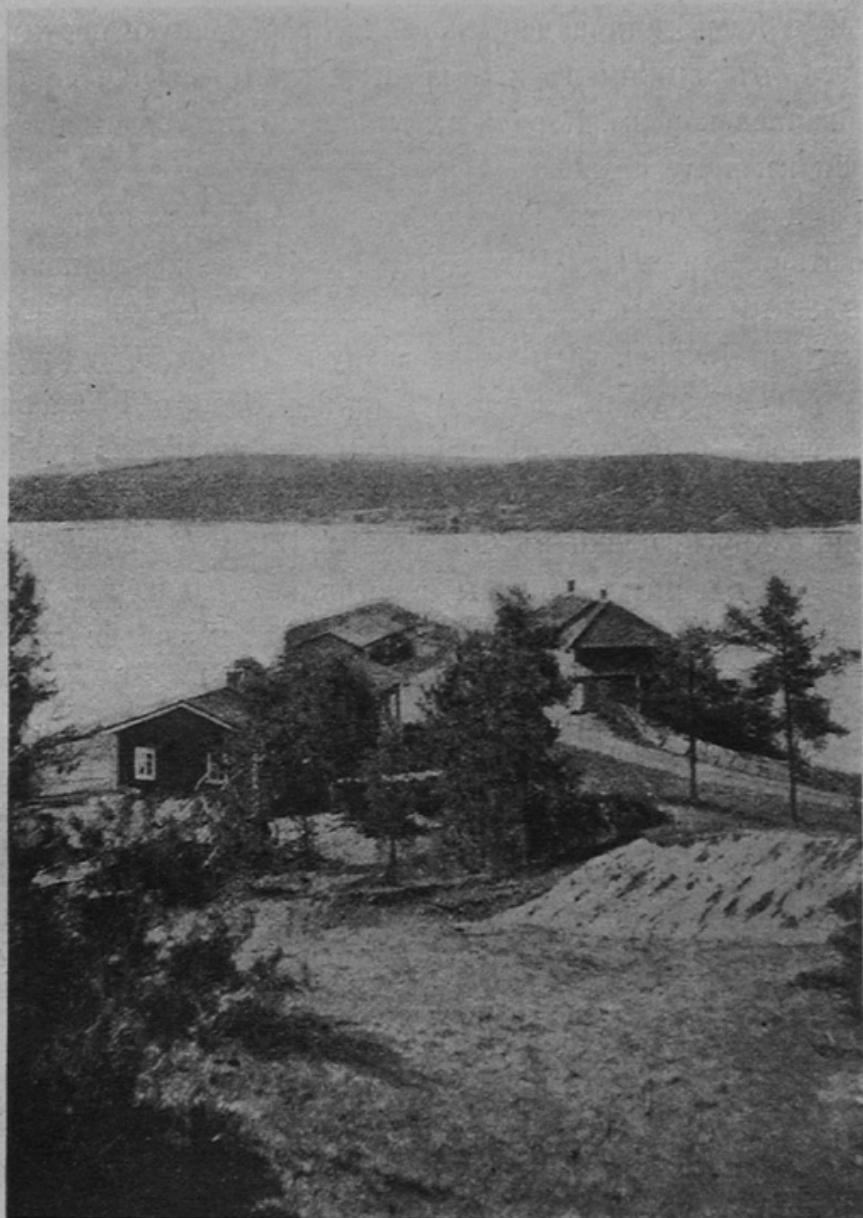
Въ царствование въ Россіи Федора Ioannovicha непріязненные отношенія между Швеціей и Россіей не прекращались. Въ 1589 г. шведы опустошили волости монастырей Соловецкаго и Печорскаго и взяли казну въ полмилліона рублей.

Зимою 1590 г., въ жестокую стужу, Федоръ Ioannовичъ и Годуновъ двинулись съ главными силами по берегу Финскаго залива и овладѣли крѣпостями: Ямь и Копорье, отправивъ другіе полки въ Финляндію. Видя отчаянное положеніе осажденныхъ, шведы поспѣшили заключить перемиріе, при чемъ Ямь, Копорье и Ивангородъ возвращены были русскимъ.

Перемиріе продолжалось не долго. Шведы пытались сокрушить господство русскихъ на Бѣломъ морѣ и съ помощью финскихъ крестьянъ раззорили Печенгскій монастырь, убивъ около сотни иноковъ. Явился князь Волконскій и разбилъ ихъ. На слѣдующій годъ отряды русскихъ войскъ, посланные въ Финляндію, покрыли страну развалинами отъ Або до Выборга.

Безпощадное кровопролитіе утомило наконецъ обѣ націи; и лѣтомъ 1595 г. у Тявзина, близъ Нарвы, подписанъ былъ договоръ, по которому шведы удерживали Эстляндію съ Нарвой, а Русские получали обратно Карелію съ Кексгольмомъ и Ингрію.

Царь Федоръ тотчасъ же по заключеніи мира, послалъ въ Кексгольмъ Епископа, чтобы очистить тамъ православіе

Съверная Карелія.

отъ слѣдовъ иновѣрія. Онъ учредилъ Карельскую епископію, и викарій Сильвестръ получилъ наименованіе епископа Карельского и Орѣшскаго. Что же касается внутренняго устройства края, то еще отъ прежняго времени остались слѣды русскаго владѣнія настолько глубокіе, что ихъ не изгладило и шведское владычество.

По сообщенію Коскинена Карелія при основаніи Выборга дѣлилась на 14 судебныхъ округовъ. Позднѣе, когда Новгородская земля была раздѣлена на пятину, Карелія вошла въ составъ Вотской пятини. По вѣдомостямъ 1550 г. въ ней существовало пять церковныхъ греко-рѣсійскихъ погостовъ (т. е. православныхъ). По писцовымъ книгамъ XVI в. значится еще пять.

Земли въ Кареліи дѣлились по старинной новгородской системѣ на сохи и обжи. Соха *) содержала 30 обжъ и обложена была оброкомъ въ 10 р. Этотъ порядокъ укоренился такъ сильно, что шведы, при всемъ своемъ стараніи, не могли измѣнить его.

При русскомъ владычествѣ земли въ Кареліи давались въ вотчину русскимъ дворянамъ. Такъ въ XVI в. упоминаются князья Путятины, Мещерскіе, Нелединскіе, Пушкины и другіе. Крестьяне не допускались къ владѣнію землей, но личною свободою они пользовались и свободно переходили съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца къ владѣльцу, обязываясь барщиною или оброкомъ. Договоры съ помѣщиками они заключали въ Юрьевъ день (26 (Ноября).

Дубинная война.

Іоаннъ, король шведскій умеръ еще до заключенія Тявзинскаго мира, въ 1592 г. Сынъ его Сигизмундъ былъ уже ко-

*) Соха предполагаетъ пространство пашни, требующей для обработки поля человѣка съ тремя лошадьми.

ролемъ польскимъ; младшій, Іоаннъ, еще малолѣтень, и потому управлениe государствомъ приняли на себя Карль, герцогъ Зюдерманландскій и государственный совѣтъ. Еще при жизни Іоанна въ Швеціи снова появились католические проповѣдники. Король, находясь подъ вліяніемъ жены своей, католички, сочувственно относился къ нимъ. При немъ установилась какая то особая религія, смѣсь лютеранства съ католичествомъ. Карль, какъ ревностный протестантъ понялъ, какой опасностью католичество угрожаетъ государству, и съ согласія государственного совѣта созвалъ въ Упсалѣ церковный съездъ, на которомъ лютеранскоe ученіе торжественно было провозглашено государственной религіей Швеціи и Финляндіи.

Сигизмундъ, король польский, считавшій себя послѣ смерти отца также королемъ шведскимъ, постоянно противодѣйствовалъ распоряженіямъ дяди. Въ странѣ образовались враждующія партіи, одна—за Карла, другая за Сигизмунда. Въ числѣ ревностныхъ сторонниковъ послѣдняго находился намѣстникъ Финляндіи Класъ Флеммингъ, и ни въ чемъ не повинные финны за это пострадали.

Въ Швеціи Карлу удалось скоро подавить партію Сигизмунда, но не такъ обстояло дѣло въ Финляндіи. Флеммингъ не хотѣлъ признавать герцога и открыто работалъ въ пользу Сигизмунда. Дворяне скоро ему уступили, а между крестьянами росло недовольство, которое грозило перейти въ возмущеніе.

Мы уже видѣли какъ тяжело жилось финскимъ крестьянамъ еще при Іоаннѣ; послѣ же его смерти стало еще хуже. Флеммингъ готовился къ борьбѣ съ Карломъ и на внутреннее управлениe не обращалъ вниманія. Чиновники этимъ пользовались и немилосердно притѣсняли народъ; жалобы

на нихъ оставались безъ послѣдствій. При такихъ обстоятельствахъ финны невольно обращали взоры на Швецію, гдѣ въ лицѣ Карла надѣялись найти заступника. Эстерботніцы, первые, обратились къ Карлу за помощью. Они ходили по улицамъ Стокгольма, громко жаловались на Флемминга и грозились передаться русскимъ, если имъ не будетъ оказана помощь. Взбѣшенный герцогъ сжалъ свой кулакъ и сказалъ: „Я не знаю другого средства, какъ то, чтобы вы сами за воевали себѣ миръ. Васъ такъ много, что вы легко можете прогнать притѣснителей, еслиничѣмъ другимъ, такъ кольями и дубинами.

Тяжелые мозги финновъ не сразу выработали планъ дѣйствій. Кой гдѣ, однако, стали вспыхивать мелкие мятежи словно предвѣстники общаго взрыва.

Въ Ноябрѣ 1596 г. планъ восстанія былъ готовъ. Рѣшили составить ополченіе и идти на Або и въ другія мѣста, чтобы распространить восстаніе по всей Финляндіи. Вооруженіе восставшихъ было самое необыкновенное: у кого дѣдовское ружье, у кого лукъ; многіе были вооружены просто дубинами и топорами, вслѣдствіе чего и самое восстаніе получило въ исторіи название „дубинной войны“...

Собравшееся войско образовало армію въ нѣсколько тысячи человѣкъ, и если бы оно, вмѣсто того, чтобы разбрасываться по странѣ, держалось вмѣстѣ, оно могло бы составить грозную силу.

Флеммингу, конечно, ничего не стоило, съ помощью регулярнаго войска, разбить крестьянскую армію, что онъ и сдѣлалъ. Крестьяне милостиво были отпущены по домамъ; пострадали только зачинщики.

Послѣ того мятежъ вспыхивалъ въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи, но въ концѣ концовъ народное войско пришло

къ убѣжденію, что борьба бесполезна и успокоилось. Отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ въ этой борьбѣ поплатилось жизнью.

Послѣ смерти Флемминга намѣстникомъ былъ назначенъ единомышленникъ его Столармъ. Первымъ дѣломъ новаго намѣстника было отдать русскимъ Кексгольмъ и тѣмъ упрочить миръ на восточной границѣ.

Карлъ между тѣмъ добился разрѣшенія двинуть войско въ Финляндію, чтобы сломить партію Сигизмунда. Онъ овладѣлъ Аландомъ, явился подъ стѣнами Або и взялъ его.

Сигизмундъ рѣшился, наконецъ, самъ прибыть въ Финляндію, чтобы поддержать своихъ приверженцевъ. Съ этой минуты начинается вооруженная борьба между Сигизмундомъ и Карломъ, кончившаяся торжествомъ послѣдняго. На сеймѣ въ Стокгольмѣ, въ 1599 г., представители народа объявили Сигизмунда лишеннымъ престола.

Но такъ какъ Столармъ не зналъ еще о низложеніи Сигизмунда, то военные дѣйствія со стороны Финляндіи продолжались. Герцогъ Карлъ двинулся туда съ арміей и флотомъ, разбилъ главный корпусъ финскихъ войскъ, взялъ Нейшлотъ и Выборгъ и въ Октябрѣ 1599 г. вся Финляндія была уже въ его рукахъ.

Овладѣвъ Финляндіей, герцогъ началъ сводить счеты съ своими врагами. Многіе дворянѣ были казнены; иные приговорены къ пожизненному заключенію. Между осужденными находился сынъ Флемминга, юноша Иоаннъ. Его молодость возбуждала всеобщее участіе и Карлъ не рѣшался казнить сына заклятаго врага своего. Подозревавъ его къ себѣ, онъ обѣщалъ ему помилованіе съ тѣмъ, чтобы онъ оставилъ Сигизмунда и поступилъ къ нему на службу. Юноша отказался но все-таки, ставъ на одно колѣно, просилъ пощадить его.

„Почему ты не становишься на оба колѣна?“—спросилъ Карль.—„Эту честь я предоставляю Богу и королю“,—отвѣчалъ юноша. Эти слова послужили ему смертнымъ приговоромъ.

Послѣдствія борьбы двухъ родственниковъ были ужасны для Финляндіи. Страна была опустошена такъ, что потребовались столѣтія, чтобы привести ее въ порядокъ. Доведенное до отчаянія рядомъ неурожайныхъ годовъ, болѣзнями и наконецъ чумою, населеніе начало выселяться въ Швецію и Россію. Множество финновъ переселилось въ Ингерманландію и положило начало нынѣшнимъ финнамъ въ Царско-сельскомъ, Шлиссельбургскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ. Ихъ нѣть только въ Ладожскомъ, потому что г. Ладога по Столбовскому договору остался за Россіей. Въ эти смутныя времена Россія легко могла бы овладѣть Финляндіей, если бы для нея самой не наступили тяжкія испытанія.

Въ Швеціи, между тѣмъ, воцарился новый король. Герцогъ Карль, за отказомъ племянника своего Іоанна отъ престола, согласился принять корону и быть коронованъ подъ именемъ Карла IX.

На россійскомъ престолѣ возсѣдалъ царь Василій Шуйский. Тѣснимый съ одной стороны поляками, съ другой—самозванцемъ, онъ обратился за помощью къ шведскому королю. Въ Февралѣ 1609 г. заключенъ былъ союзъ, въ силу котораго, шведская армія, состоявшая кромѣ финновъ и шведовъ изъ всякаго наемнаго сброда, вступила подъ предводительствомъ Якова Делагарди въ Новгородъ, гдѣ соединилась съ русской арміей подъ начальствомъ молодого Скопина Шуйского. Вначалѣ, дѣйствія были блестящи. Три области освободились отъ сторонниковъ самозванца и союзники отправились освобождать Смоленскъ. Но тутъ

наемные войска покинули русскихъ и гетманъ Жолкевскій одержалъ рѣшительную победу. Поляки устремились на Москву и провозгласили Владислава царемъ русскимъ. Шведы рѣшили также воспользоваться затрудненіями Россіи и изъ друзей превратились въ враговъ. Въ 1611 г. Делагарди взялъ Кексгольмъ, Ладогу и Новгородъ. Новгородцы признали своимъ покровителемъ короля шведского и чуть не посадили на русскій престолъ шведского королевича... Но исходъ этихъ бѣдствій наконецъ наступилъ. Народное чувство и любовь къ отечеству заговорили. По призыву Минина и подъ предводительствомъ Пожарского поднялся весь русскій народъ, прогналъ поляковъ и избралъ на царство Михаила Романова (1613).

Пока происходили описываемые события въ Россіи, Карль IX объѣзжалъ Финляндію и занимался ея устройствомъ. Онъ не переставалъ обличать и наказывать злоупотребленія правящихъ лицъ, но зло настолько вкоренилось, что уничтожить его было трудно. Много нововведеній было сдѣлано въ Эстерботніи, гдѣ основаны два города—Улеаборгъ и Ваза. Даже на отдаленную Лапландію обращено было вниманіе. Финскій народъ цѣнилъ благія намѣренія Карла, его желаніе облегчить положеніе низшихъ классовъ, и прозвалъ его „добрѣмъ королемъ“. Карль задумалъ также соединить озеро Сайма съ моремъ, посредствомъ канала; Но за смертью строителя работы остановились. Карль IX умеръ въ 1611 году.

Густавъ II-Адольфъ. Столбовскій миръ.

Густавъ II-Адольфъ вступилъ на престолъ 16-ти лѣтнимъ юношей. Считая Новгородъ своею собственностью, онъ ежеминутно ожидалъ прибытія пословъ для переговоровъ объ

избраніи его брата Карла-Филиппа въ цари. Делагарди сидѣлъ въ Новгородѣ и бездѣйствовалъ. Финскіе солдаты прозвали его „лѣнивымъ Яковомъ“ и шутя говорили. „Лѣто уходитъ, зима уходитъ, только лѣнивый Яковъ не уходитъ“.

Густавъ II Адольфъ.

Шведы, узнавъ объ избраніи московскимъ царемъ Михаила Романова, ударили на Новгородскую область. Густавъ-Адольфъ взялъ Гдовъ, пытался овладѣть Псковомъ, но безуспешно. Однако обѣ стороны желали мира. Россія угрожала Польша, Швеція—Данія. Уполномоченные обоихъ государствъ съѣхались въ селѣ Столбовѣ, между Ладогою и Тихвиномъ. Цѣлый годъ длились переговоры и па-

конецъ, въ 1617 г. подписанъ былъ новый договоръ. Россія получала обратно Новгородъ, Ладогу, Гдовъ, Руссу, Порховъ. Шведамъ же предоставлены были взятые ими на побережье финского залива Иванъ—городъ, Ямъ, Копорье, Карельская область съ Кексгольмомъ, Ингерманландія съ Орѣшкомъ и островами на Финскомъ заливѣ. Въ тоже время Россія отказывалась отъ древнихъ своихъ правъ на Эстляндію и Лифляндію. Съ уступкою Орѣшка для Россіи былъ запертъ входъ въ Ладожское озеро. Все приобрѣтенное Россіею въ теченіи столѣтій, цѣною потоковъ крови, было утеряно. Упоенный успѣхомъ, Густавъ-Адольфъ поставилъ на новой

границѣ каменный столбъ съ латинской надписью гласившей что Россія навѣки отодвинута отъ Балтійскаго моря. „Россіи теперь не перешагнуть этотъ ручеекъ“,—говорилъ король.

Однако-же она перешагнула его; и черезъ столѣтіе съ небольшимъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ столбъ съ хвастливой надписью, возникла новая русская столица.

Уступая Карелію Шведамъ, русское правительство выговарило неприкосновенность въ томъ краѣ православія. Русскимъ людямъ и монашествующимъ предоставлено было оставаться за шведами, или со всѣмъ имуществомъ перейти въ Россію. Изъ Русскихъ — никто не остался; изъ карель — значительная часть переселилась въ губерніи Новгородскую и Тверскую. Священникамъ приказано было остаться, но епископовъ въ Финляндію не назначали; Карельская епархія была закрыта.

Присоединенная къ Швеціи Карелія образовала Кексгольмскій округъ поставленный Густавомъ-Адольфомъ, равнѣ съ прибалтійскими провинціями, въ особое положеніе, выразившееся въ томъ, что населеніе его не имѣло права посыпать своихъ представителей въ сеймъ. Это обособленное положеніе, а также разница въ обычаяхъ, религіи и гражданскомъ устройствѣ мѣшали этой области слиться съ остальными частями государства. Шведскія власти мало интересовались Кареліей и народъ началъ разворачиваться. Грабежи и насилия совершились безнаказанно. Власти на все смотрѣли сквозь пальцы; старались не допускать дальнѣйшаго выселенія, а выселившихся переманивали обратно. Вернулись шайки негодяевъ, которыхъ пользуясь оказывающимъ покровительствомъ, безнаказанно безчинствовали. Дѣла вѣры шли къ упадку; новое правительство насильственно обращало карель въ лютеранство. Хотя Густавъ-

Адольфъ и обѣщалъ вѣротерпимость, но на дѣлѣ поступалъ совсѣмъ иначе. Онъ приказалъ Выборгскому епископу учредить въ Кареліи нѣсколько лютеранскихъ приходовъ. Когда умиралъ православный священникъ, то правительство старалось принудить прихожанъ избирать на его мѣсто лютеранского пастора. Лютеранскія книги, въ томъ числѣ катехизисъ лютера, были переведены на финскій языкъ и отпечатаны на казенный счетъ. Король щедро награждалъ прихожанъ, выучившихъ этотъ катехизисъ, а отпавшихъ отъ православія освобождалъ отъ податей. Потомъ всѣхъ говорившихъ по фински уже прямо записывали въ число лютеранъ. Этими мѣрами достигли того, что изъ полутораста тысяч православныхъ въ Кареліи остались вѣрны православію едва тысячу двадцать.

Такіе поступки совершились, такъ сказать, подъ-шумокъ; официаlально же дозволено было сноситься съ Новгородскою митрополіею. Митрополитъ разрѣшалъ строить новые церкви, посыпалъ антиминсы, поставлялъ священниковъ и діаконовъ. Русскіе іерархи всѣми силами старались поддерживать малую карельскую церковь; но... митрополитъ былъ далеко, а лютеранскоe духовенство близко; понятно, что сила вліянія была на сторонѣ послѣдняго.

Остальная Финляндія по прежнему находилась подъ гнетомъ чиновниковъ и дворянъ. Особой жестокостью отличался сынъ Акселя Леонхвуда, первого графа финляндскаго. Онъ запиралъ крестьянъ въ башню и предавалъ ихъ ужаснымъ пыткамъ. Лифляндскіе дворяне получившіе помѣстья въ Финляндіи обращались съ крестьянами съ такою же жестокостью какъ со своими крѣпостными на родинѣ.

Густавъ-Адольфъ нѣсколько разъ посѣтилъ Финляндію, знакомясь съ внутреннимъ бытомъ этой страны. Знамена-

тельно было его второе посещение, когда онъ собралъ представителей сословий для совмѣстнаго обсужденія наиболѣе важныхъ дѣлъ. Въ рѣчи при открытии сейма (1616) король выразилъ сожалѣніе, что государственные дѣла не позволяли ему до сихъ поръ заняться Финляндіей, какъ онъ того хотѣлъ. Предостерегая финновъ противъ Сигизмунда, онъ свою рѣчь заключилъ такъ: „Пребывайте и впредь въ той вѣрности, которую вы до сихъ поръ отличались, а я съ своей стороны буду заботиться о вашемъ благосостояніи; да поможетъ мнѣ Богъ!“.

Послѣ сейма король уѣхалъ въ Або, гдѣ продолжалъ довольно долго заниматься финскими дѣлами. Ему удалось прекратить нѣкоторыя злоупотребленія, но существенной пользы онъ принести не могъ. Высшіе чиновники и дворянѣ, привыкшіе къ самовластію, не боялись даже короля.

Царствованіе Густава-Адольфа было для Швеціи временемъ большихъ преобразованій, не оставшихся безъ значенія и для Финляндіи. Преобразованія распространились и на дѣла церкви. Епископъ Ротовіусъ усердно занимался своей епархіей и не мало послужилъ дѣлу народнаго образованія. Къ причастію стали допускаться только знающіе грамоту, а безъ причастія нельзя было вступать въ бракъ. Въ Финляндіи было уже пять кафедральныхъ школъ, а при Ротовіусѣ были открыты во многихъ мѣстахъ начальныя училища и приготовительныя школы. Такъ какъ королю не нравилось господство латинскаго языка въ школахъ, то въ Або, въ 1630 г. основано было училище съ преподаваніемъ общеобразовательныхъ предметовъ.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣлъ Густава-Адольфа была выработка устава для сейма (риксдага) съ участіемъ народныхъ представителей. Королю предоставлено было право

предлагать законы, которые потомъ обсуждались на сеймѣ сословными представителями, „земскими чинами“ какъ ихъ называли. Но король могъ и не согласиться съ рѣшеніемъ сейма.

Главнымъ предметомъ обсужденія сеймовъ того времени были налоги для надобностей войны, которая велась безпрерывно. Особенно много жертвъ стоила Финляндіи 30-лѣтняя война. Густавъ-Адольфъ, въ союзѣ съ Франціею, вмѣшался въ борьбу, вспыхнувшую въ Германіи между протестанствомъ и католичествомъ. Вторгнувшись въ Саксонію, шведскій король одержалъ блестательную победу, при чемъ особенно отличилась финская кавалерія. Послѣ этой битвы король всегда ставилъ финляндцевъ на самое почетное мѣсто, впереди праваго фланга. Непріятель называлъ финскихъ воиновъ „хаккапелитеръ“, потому что во время боя они ободряли себя крикомъ: „хаккау-пелле“—руби съ плеча. Во время этой войны финляндцы участвовали во всѣхъ походахъ. Привыкшіе къ лишеніямъ, одѣтые въ сермяжные кафтаны или нагольные тулузы, финны такъ хорошо приспособились къ военному дѣлу, что нисколько не тяготились пребываніемъ заграницей. „Наши ребята“,—писалъ одинъ изъ современниковъ,—такъ обжились въ этой прекрасной странѣ, что не скоро захотятъ вернуться въ свой Саволаксъ.

Во время Лифляндской войны имъ часто приходилось довольствоваться заплеснѣвѣлымъ чернымъ хлѣбомъ для своего пивного супа; здѣсь же они пьютъ прохладительный напитокъ изъ вина и хлѣба, употребляя вмѣсто чаши каску“.

Въ общемъ, 30-лѣтняя война принесла большія выгоды Швеціи, которая значительно расширила свои владѣнія и заняла положеніе первенствующей державы на сѣверѣ. Но этотъ блестящій успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣною, и особенно дорого заплатила за него Финляндія. Если на долю ея арміи и пришла значительная часть боевой славы, то

населеніе должно было нести всю материальную тяжесть войны. Особенно тяготили населеніе частые рекрутскіе наборы, которые къ тому же были неравномѣрны. Безъ всякой, видимой причины одни лены давали больше рекрутъ, другие меньше. Вообще же, относительно пространства, Финляндія давала гораздо болѣе рекрутъ чѣмъ Швеція. Въ одномъ 1639 г. ихъ было выставлено Финляндію 2048. Вся же вооруженная сила страны состояла изъ 18,000 ч., что было чрезвычайно обременительно для населенія, не превышавшаго 300,000.

Столкновенія съ Россіею пока не возобновлялись. Напротивъ того, дружба между Михаиломъ Федоровичемъ и Густавомъ-Адольфомъ приняла размѣры до того небывалые. Шведы получили большія льготы въ торговлѣ съ Россіею, а въ 1631 г. ко двору московскому назначенъ былъ посолъ.

Перъ Брахе. Абосская академія.

Густаву-Адольфу наслѣдовала шестилѣтняя дочь его Христина, за малолѣтствомъ которой правили государствомъ пять высшихъ сановниковъ. Финляндія раздѣлена была на четыре провинціи: 1) Абосскую, заключавшую въ себѣ собственно Финляндію, Сатакунту и Аландъ; 2) Тавастландію; 3) Выборгскій, Нейшлотскій и Кюменогорскій лены, и 4) Эстерботнію. Во главѣ управлениія стояли Лансхевдинги, (губернаторы). Кексгольмскій ленъ оставался, какъ и прежде, на особомъ положеніи.

Перъ Брахе.

Шведское правительство, истощенное войною, сильно нуждалось въ деньгахъ. Поэтому всѣ налоги, несмотря на мирное время, остались въ Финляндіи въ прежнемъ размѣрѣ. Но, такъ какъ и этого оказалось недостаточно, то въ 1638 г. правительство стало продавать дворянамъ казенные земли, не только свободныя, но и такія, которые находились въ арендномъ владѣніи крестьянъ. Снова начались притѣсненія и жестокія противъ крестьянъ мѣры. Если крестьяне жаловались, владѣльцы имѣ мстили и запирали въ крѣпости. Крестьянскія усадьбы стали быстро пустѣть и правительство вынуждено было обратить на это вниманіе. Въ Финляндію назначенъ былъ губернаторомъ Перъ Брахе, человѣкъ умный и честный. Путешествуя по Финляндіи и изучая условія ея жизни, онъ нашелъ, что страна эта одарена естественными богатствами и могла бы процвѣтать, еслибы ея жители не предавались лѣнности и пьянству. Его удивляло то обстоятельство, что тѣ же самые финны, которые въ Швеціи и за границей работаютъ за троихъ, у себя дома дѣлаются лежебоками и пьяницами. Изучая подобное явленіе, Брахе скоро понялъ причину его. Необеспеченность жизни и собственности отнимала у крестьянина всякую энергию. Стоило ли заботиться объ улучшениіи хозяйства, когда помѣщикъ, по своему произволу, могъ отнять у него все имущество.

Брахе съ жаромъ приступилъ къ преобразованіямъ. Нуждаясь въ образованныхъ и добросовѣстныхъ чиновникахъ. Брахе обратилъ особое вниманіе на развитіе низшаго и средняго образованія. Потомъ онъ сталъ хлопотать объ основаніи въ Або высшаго учебнаго заведенія, академіи, которая и была открыта въ 1640 г.

Открытіе академіи, переименованной впослѣдствіи въ университетъ, сопровождалось большой торжественностью.

По улицамъ шествовала процессія по заранѣе установленному церемоніалу. Въ ней участвовали: епископы, ректоръ, городскія власти, профессора и студенты. За ними несли на подушкахъ регаліи академіи: ключи ректорскую мантю изъ малиноваго бархата, печать и два серебряныхъ жезла. „При чёмъ,“—говорить лѣтописецъ,—„на сушѣ и на морѣ барабаны и трубы гремѣли, горы же и зданія звукъ отражали и какъ бы похвалу испускали.“

Пріемъ въ академію былъ обставленъ средневѣковой театральностью. На повичковъ падѣвали платье, сшитое изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ, черный плащъ, шапку съ ослиными ушами. Потомъ, начернивъ имъ лицо и въ углы рта вставивъ по клыку, ихъ гнали какъ стадо въ академическую залу, где ждало цѣлое общество, которое издѣвалось падь ними. Потомъ депозиторъ (назначенное для этой цѣли лицо) валилъ ихъ на полъ и вырывалъ клыки, приговаривая, что такимъ образомъ науки вырвать изъ нихъ все дурное. Затѣмъ депозиторъ окачивалъ своихъ мучениковъ ведромъ воды и вытирая лицо жесткой тряпкой. Этимъ оканчивалась церемонія принятія. Послѣ этого студенты должны были полгода служить старшимъ и затѣмъ уже считались свободными.

Чтобы привлечь студентовъ въ академію, Брахе старался увеличивать число школъ, обставляя ихъ какъ можно лучше. Въ финскихъ гимназіяхъ того времени введена была система преподаванія, которой тщетно добиваются многіе педагоги нашего времени. Ученики дѣлились не по классамъ, а по предметамъ, такъ что каждый могъ проходить предметы въ томъ отдѣленіи, которое больше соответствовало его силамъ; иначе говоря, въ одномъ предметѣ ученикъ могъ быть сильнѣе, въ другомъ слабѣе, что вовсе не мѣшало его движенію впередъ.

Со временем открытия абосской академии замѣтно начала развиваться литература. Большинство сочинений писалось по латыни; шведскій языкъ среди ученыхъ стоялъ на второмъ планѣ; финскій сталъ развиваться много позднѣе.

Около этого времени появилось на шведскомъ языке сочиненіе Мессеніуса, „Стихотворная хроника Финляндіи и ее жителей.“ Изъ произведеній, на финскомъ языке, крупнейшимъ считается полный переводъ Библіи, исполненный особой комиссией по распоряженію правительства.

Большой наплывъ шведскихъ ученыхъ и шведской молодежи въ академію выдвинулъ на сцену шведское влияніе. Всѣ важныя должности перешли мало по малу въ руки шведовъ. Финскіе же дворяне, привлекаемые выгодами службы въ столицѣ, переселялись туда, лишая свое отечество интеллигентныхъ работниковъ.

Несмотря на то, что въ краѣ возникло ученое учрежденіе, невѣжество долго господствовало даже среди образованного сословія. Всѣ вѣрили въ колдовство и чернокнижіе. Абосская академія присудила къ смертной казни студента Эоленіуса за сношенія съ сатаною. Въ доказательство этого факта приводились необыкновенные успѣхи студента въ латинскомъ языке и легкость, съ которой онъ обучалъ этому предмету товарища. Брахе не утвердилъ приговора.

У другого студента нашли тетрадку съ нелѣпыми выписками какихъ то правилъ относительно сношеній съ нечистымъ духомъ. Проканцлеръ Гезеліусъ, самъ человѣкъ ученый, и во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, произнесъ надъ студентомъ смертный приговоръ; но Брахе не утвердилъ и его.

Относительно внутренняго управления, Брахе сдѣлалъ много важныхъ нововведеній. Онъ упорядочилъ воинскую

повинность, почтовое сообщение, размежевание и оценку земель и многое другое. Стараниями Брахе были основаны въ Финляндіи новые города; внутри страны: Тавастгустъ, Нейшлотъ, Вильманстрандъ. У Финского залива Векклаксъ, переименованный потомъ въ Фридрихсгамъ. Въ восточной съверной части: Сердоболь, Каяна, Брахестадъ, Кристинестадъ и Якобстадъ. Гельсингфорсъ перенесенъ ближе къ морю.

Финны были довольны своимъ губернаторомъ, и онъ ими покинувъ свой постъ, Брахе не переставалъ интересоваться Финляндіей и отстаивать ея интересы. Финны постоянно обращались къ нему за совѣтомъ и помощью и всегда находили поддержку.

Королева Христина, ставъ во главѣ государства, мало интересовалась Финляндіей. Вместо того, чтобы поддерживать низшіе классы, она раздавала, въ неслыханномъ до толѣ количествѣ, земли графамъ и баронамъ, чѣмъ создала для отечества своего большія затрудненія въ будущемъ¹⁾. Перъ Брахе получилъ также обширное графство въ Финляндіи, гдѣ онъ и жилъ, отечески заботясь о своихъ крестьянахъ. Большинство же аристократовъ жило въ Швеціи, а въ имѣнія посыпало управляющихъ, которые не церемонились съ крестьянами. Начались народные волненія. Наконецъ Христина, убѣдившись, что не можетъ управлять государствомъ, отказалась въ 1654 г. отъ престола въ пользу своего двоюродного брата Карла Густава Цвейбрюкенскаго. Послѣ этого она покинула Швецію, перешла въ католицизмъ и остатокъ жизни провела въ Римѣ, занимаясь науками.

¹⁾ Вычислено, что $\frac{2}{3}$ казенной земли въ Финляндіи отданы были въ частное владѣніе. Въ Кексгольмскомъ ленѣ казенной земли совсѣмъ не осталось.

Православіе, находясь подъ управлениемъ лютеранского духовенства, очевидно не могло процвѣтать. Въ Кареліи и Ингерманландіи населеніе стало себѣ просить епископа изъ Россіи для посвященія іереевъ. Ему отвѣтили на это, что королевѣ было бы унизительно выпрашивать епископовъ для своихъ подданныхъ. Пусть де они выбираютъ себѣ священниковъ, а лютеранскій суперъ-интенданть Нарвы и Ніеншанца посвятить ихъ, лишь бы избранные священники присягнули на вѣрность шведскому престолу. На дѣлѣ же оказалось, что Христина ничего подобнаго не требовала и о присягѣ пока замолкли.

Карль X и Карль XI. Редукція. 1654—1697 г.

Воинственный Карль-Густавъ изумлялъ весь міръ своими побѣдами. Въ его рукахъ уже оказались Варшава, Познань и Краковъ. Блестящія побѣды шведовъ заставили призадуматься царя Алексѣя Михайловича и его совѣтниковъ. Шведы могли навсегда запереть русскимъ выходъ въ Балтійское море, чего русскій царь, очевидно, не могъ допустить. При томъ невыгодный для Россіи столбовый договоръ лежалъ у царя на сердцѣ тяжелымъ бременемъ. Воспользовавшись минутой, когда шведамъ грозила Голландія, Алексѣй Михайловичъ въ 1656 г. двинулся на Ливонію, взять нѣсколько городовъ, въ Сердоболѣ завладѣль нѣсколькими непріятельскими судами, осадилъ Орѣшекъ и Кексгольмъ. Этотъ шагъ поставилъ Финляндію въ затруднительное положеніе, т. к. почти всѣ ея войска находились въ отечествѣ, а православные карелы съ приближеніемъ русскихъ войскъ массами переходили на ихъ сторону.

Шведы стали поспѣшно усиливать финское войско, призывая подъ ружье даже гимназистовъ и учениковъ низшихъ

школъ. Между тѣмъ средства, отпущенныя сеймомъ на войну, истощились. Швеціи угрожала Давія, и Карль сталъ искать возможности помириться съ русскими. Въ 1658 г. заключено было на три года перемирие, а въ 1661 г. миръ въ Кардисѣ. Русскіе получили Дерпти и нѣсколько городовъ; прочія же границы оставлены по Столбовскому договору. На мѣсто выбывшихъ карель переселены были въ Кексгольмскій ленъ лютеране изъ Нюландіи и Саволакса, вслѣдствіе чего составъ карельскаго населенія значительно измѣнился.

Не удалось царю Алексѣю Михайловичу овладѣть Балтійскимъ моремъ и Ливоніею. Исполнить этотъ завѣтъ суждено было сыну его Великому Петру. Онъ съ лихвой возвратилъ Россіи все то, что ей принадлежало еще во времена новгородскихъ князей.

Воинственный Карль, расширяя и упрочивая владычество Швеціи, совершенно разстроилъ ея финансы. Крестьяне, которыхъ изнуряли непосильными налогами, лишая ихъ, въ то же время, возможности расширять свои хозяйства, стали требовать возвращенія дворянскихъ земель въ казну. Къ пимъ примкнули горожане, духовенство и даже мелкое дворянство. Королю, въ виду беспрестанныхъ воинъ, неудобно было ссориться съ дворянами и онъ отмалчивался. Комиссія по „редукціи“ (возвращеніе земель въ казну) работала вяло, а Финляндіи она совсѣмъ не коснулась.

Карль X царствовалъ всего шесть лѣтъ, и умеръ оставивъ наследникомъ четырехлѣтняго сына Карла XI. Достигнувъ совершеннолѣтія, Карль сталъ усердно заниматься дѣлами, въ особенности редукціей, которая пошла при немъ быстрымъ ходомъ. Такъ какъ крупное дворянское землевладѣніе невыгодно вліяло на численность финской арміи, то редукція въ Финляндіи дѣлала большие успѣхи. Финскіе

крестьяне горячо привѣтствовали свое освобождѣніе отъ дворянского произвола. Мало по малу они окрѣпли и стали пріобрѣтать вліяніе на общественный дѣла. Армія увеличилась съ 4000 до 10,000 человѣкъ, что составляло нѣсколько болѣе четверти всей шведской арміи.

Разсчитывая на преданность народа, Карлъ рѣшилъ окончательно сломить гордость аристократіи. На риксдагѣ 1682 г. Карлъ провелъ редукцію казенныхъ земель. На томъ же и послѣдующихъ риксдагахъ Карлъ XI, при поддержкѣ недворянскихъ сословій, установилъ полное самодержавіе королевской власти. Государственный совѣтъ потерялъ всякое значеніе, а въ 1693 г. земскіе чины объявили, что король есть самодержецъ, который самостоятельно править страной, издаетъ законы и ни передъ кѣмъ за свои дѣйствія не отвѣтственъ.

Пріобрѣтенную такимъ образомъ обширную власть Карлъ XI старался употребить на пользу государства. Онъ вводилъ порядокъ въ различныя отрасли государственной жизни и безжалостно каралъ чиновниковъ за злоупотребленія. Продолжительный миръ сильно поднялъ промышленность и земледѣліе. Были приняты мѣры къ возстановленію покинутыхъ усадебъ, тысячами разбросанныхъ по Финляндіи. Лицамъ, которые брались за разработку такихъ усадебъ, даны были различныя льготы. Бѣглые солдаты и преступники за такую же дѣятельность получали прощеніе. Количество обработанной земли стало быстро увеличиваться; основались многіе поселки.

Послѣдніе годы царствованія Карла XI были омрачены неурожаемъ, отъ которого сильно пострадала Финляндія. Крестьяне массами бѣжали въ города и падали отъ истощенія. На улицахъ валялось множество труповъ. Вычислено,

что за два года отъ 1695—97 гг. Финляндія потеряла 100,000 человѣкъ.

При Карлѣ XI положено начало общей грамотности въ Финляндіи. Епископы Гезеліусы, старшій и младшій много работали надъ религіознымъ просвѣщеніемъ народа; и несмотря на это, вѣря въ колдуновъ и вѣдьмъ была въ полной силѣ. Въ Эстерботніи и на Аландѣ происходили на вѣдьмъ сильныя гоненія. Ихъ подвергали жестокимъ пыткамъ и нерѣдко сжигали на кострѣ.

Литература какъ научная, такъ и народная носила преимущественно духовный характеръ. Большой популярностью пользовалась: „Радостная пѣснь объ Иисусѣ“, Матвѣя Саламніуса, изложенная по фински просто и трогательно.

Общій строй жизни отличался по прежнему крайней простотой. Города состояли, почти исключительно, изъ низенькихъ домиковъ, окрашенныхъ въ красную краску. Обыкновеннымъ жилищемъ поселенца была курная изба.

Положеніе православія въ Финляндіи было по прежнему шатко. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Карла XI подтверждены были шведскимъ правительствомъ права и привилегіи данныхъ Густавомъ-Адольфомъ православнымъ. „Позволено имъ и храмы строить и священниковъ выбирать изъ своихъ, либо изъ за рубежа“. Но все это оставалось только на бумагѣ. Въ дѣйствительности же, хотя шведы и не прибѣгали къ насильственному обращенію православныхъ въ лютеранство, но нерѣдко именемъ короля обѣщали милости тѣмъ, кто захочетъ принять евангелическую вѣру или дѣтей своихъ въ ту вѣру крестить. Въ то же время обнародованъ былъ указъ, освобождающій отъ повинностей тѣхъ, кто принималъ Лютерово ученіе. Всѣ, говорившіе по фински, отчислялись къ лютерanskимъ приходамъ. Въ 1636 г. епископъ.

Гезеліусъ написалъ увѣщаніе къ финнамъ, которые еще придерживались русской церкви, но увѣщаніе его осталось безъ послѣдствій.

Только тѣ Ингры, которые жили ближе къ Финляндіи, поддались шведскому вліянію. Жившіе же внутри края православные финны и карелы оказали сопротивленіе. Они обратились за помощью къ новгородскому Митрополиту. Послѣдній доносилъ патріарху, что православные Швеціи „многажды слезно просятъ“, чтобы въ ихъ мѣстахъ церкви строить и пресвитеровъ ставить, чтобы имъ не отстать отъ закона.“ Правительство съ своей стороны напоминало шведамъ ихъ обѣщанія. Шведы прибѣгали къ дипломатическимъ уверткамъ и все оставалось по старому.

Въ 1685 г. возобновлена была Карельская епархія въ качествѣ новгородского викаріата. Епископы носили титулъ карельскихъ и ладожскихъ. Потомъ епархія была закрыта и открыта вновь въ 1708 г. Епископы въ Финляндіи не жили, а управляли епархией изъ Новгорода.

Карельские священники, также какъ и пасторы, жалованья не получали, а пользовались десятиною, т. е. десятою частью всего, что уродится у каждого прихожанина изъ хлѣба, овощей и домашнихъ животныхъ.

Судьба карельскихъ монастырей, по раззореніи этой страны шведами, была самая печальная. Изъ иноковъ Валаамскаго монастыря одни погибли отъ шведскаго оружія, другіе, по царскому указу, удалились въ Старую Ладогу въ Никольский монастырь, взявши съ собой церковную святыню и монастырскую казну. Но когда шведы раззорили и этотъ монастырь, умертвивъ многихъ старцевъ Валаамскихъ, остальные перешли въ Тихвинскій монастырь, но и здѣсь ихъ обидѣли литовцы, отнявъ у нихъ послѣдніе пожитки.

Строитель Валаамскій, Сильвестръ, жаловался царю, что имъ прокормиться нечѣмъ. Въ это время стоялъ пустынъ другой ладожскій монастырь, Васильевскій, (нынѣ сельская церковь) за которымъ числилось, нѣсколько вотчинъ. Царь московскій отдалъ его Валаамскимъ инокамъ. О святыиѣ Валаамской—моцахъ преподобныхъ Сергія и Германа извѣстно только, что они вынесены были съ острова иноками; но гдѣ сохранялись во время шведского владычества, обѣ этомъ нѣть свѣдѣній. Участіе иноковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ перенесеніи святыхъ мощей обратно, даетъ поводъ думать, что они сохранялись въ Бѣлозерскомъ монастырѣ.

Городъ Або.

Періодъ исторіи финскаго народа, обнимающій царствованіе Густава-Адольфа, Христіпы, Карловъ X и XI зовется финляндскими историками эпохой величія. Здѣсь очевидно имѣется въ виду выдающееся положеніе, которое заняла въ это время Швеція въ ряду европейскихъ державъ. Для

Финляндії же эта эпоха является временемъ тяжкихъ бѣдствій. Мы видѣли, чого стоили Финляндії военные успѣхи Швеціи. Непосильные налоги, рекрутчина, раздача земель дворянству и неурожай въ конецъ разорили финскій народъ. Только при Карлѣ XI почувствовалось нѣкоторое облегченіе. Утѣшительныя явленія мы видимъ только въ области народнаго образованія. Сюда относятся: основаніе Абосской академіи и попытки ввести общую грамотность.

ВЕЛИКАЯ СЪВЕРНАЯ ВОЙНА.

Полтавскій бой. Карлъ XII 1697—1709.

Карлу XI наслѣдовалъ 15-лѣтній сынъ его Карлъ XII. Собравшійся въ Ноябрѣ 1697 г. риксдагъ, не смотря на молодость короля, провозгласилъ его совершеннолѣтнимъ. Скоро обнаружилось, на сколько опрометчиво было подобное рѣшеніе. Властолюбивый и своенравный юноша-король не пожелалъ короноваться по обычаямъ своихъ предковъ, заявивъ, что такая церемонія совершенно лишняя, т. к. корона и безъ того принадлежитъ ему по праву рожденія. Въ коронѣ и со скипертомъ въ рукѣ Карлъ поѣхалъ въ соборъ, гдѣ архіепископъ помазалъ ему елеемъ чело. Тѣмъ дѣло и кончилось. Лишь немногіе видѣли въ этомъ пренебреженіи къ стариннымъ обычаямъ угрозу будущему; народъ же ликовалъ и радовался. Радовались и финны, получивъ извѣщеніе сейма о воцареніи „молодого съвернаго льва.“ Дѣйствительно, Карлъ XII, по многимъ свойствамъ своимъ могъ внушать симпатію. Онъ обладалъ яснымъ умомъ, былъ храбръ и отличался чистотою нравовъ. Къ сожалѣнію, онъ унаслѣдовалъ отъ отца рѣзкость характера, которая нерѣдко переходила границы. Любимыми забавами короля были:

охота, верховая ъзда и воинскія упражненія. Пристрастіе къ послѣднимъ тревожило государственныхъ людей Швеціи и невольно наводило на мысль, что миру, которымъ страна такъ долго пользовалась, скоро наступить конецъ. Опасенія еще усилились, когда обнаружилось, что Россія на которую шведы, до сихъ поръ, мало обращали вниманія, начала проявлять усиленную дѣятельность. Никому тогда и не снилось, что этой Державѣ предстоитъ играть видную роль въ судьбахъ Швеціи и Финляндіи.

Петръ I также какъ и его предки сознавшій необходимость для Россіи выхода къ морю, стремился къ этой цѣли всѣми силами души. Изъ за южнаго моря онъ воевалъ съ Турціею, изъ за сѣвернаго—готовился воевать съ Швеціею. Когда созданный имъ флотъ былъ готовъ, онъ заключилъ союзъ съ королями польскимъ и датскимъ противъ Швеціи. Польша сожалѣла о потерѣ Лифляндіи, Дапія объ уступленныхъ Швеціи провинціяхъ, Россія не могла примириться съ отторженіемъ своихъ древнихъ владѣній въ Ингрии и Кареліи.

Союзники ожидали только благопріятной минуты, чтобы привести свой планъ въ исполненіе; и когда на шведскій престолъ вступилъ молодой король, союзники рѣшили, что благопріятная минута наступила. Успѣхъ казался тѣмъ болѣе несомнѣннымъ, что между ліфляндскимъ дворянствомъ господствовало сильное неудовольствіе противъ шведскаго правительства.

Возвратившись изъ заграничнаго путешествія и заключивъ миръ съ Турціею, Петръ, въ Августѣ 1700 г., объявилъ Швеціи войну, двинувъ войска къ Нарвѣ. Давія и Польша открыли дѣятельность еще раньше. Карлъ XII, который съ юношеской пылкостью увлекался забавами, мало интересуясь госу-

дарственными дѣлами, удивилъ всѣхъ своею рѣшительностью. Въ то время, когда въ совѣтѣ обсуждались средства помириться съ сосѣдями, король неожиданно явился въ собраніе, отвергъ всѣ планы къ примиренію и рѣшительно объявилъ, что оружіемъ намѣренъ отразить непріятеля. Горячность короля увлекла его подданныхъ и военная дѣйствія начались. Быстро оттѣснивъ королей Дании и Польши, Карлъ обрушился на русскихъ и нанесъ имъ подъ Нарвой сильное пораженіе. Отдавая справедливость военному таланту своего соперника, Петръ говорилъ: „Шведы дали намъ хороший урокъ; постараемся имъ воспользоваться“.

Пока шведы упивались побѣдами, финны терпѣли бѣдствія. Въ періодъ времени отъ 1700 — 1708 г., Финляндія была истощаема наборами. Количество войска доходило до 40,000, числа громаднаго для такой маленькой страны. Землевладѣльцы оставались безъ работниковъ, страна — безъ защиты. Финны Ингерманландіи начали дѣлать набѣги на пограничныя русскія владѣнія, грабить и жечь селенія. Командующій финскими войсками, вынужденный принять мѣры строгости, сталъ наказывать грабителей смертью. Король же находилъ, что это лишнее; пусть-де грабятъ врага на здоровье. Такое потворство короля, повело къ образованію партизанскихъ шаекъ, получившихъ название „Кивикесъ“, по имени своего вождя. Карлу нужно было этими шайками обеспечить свой тылъ, а пострадаютъ ли финны за свои безчинства, или нѣтъ, до этого не было королю никакого дѣла.

Считая нарвское пораженіе рѣшительнымъ для русскихъ, Карлъ XII обратился на Августа, короля польскаго. Петръ, вѣрный своему союзнику, послалъ ему вспомогательное войско; самъ же занялся укрѣплениемъ городовъ, могущихъ служить оплотомъ противъ шведовъ. Между тѣмъ фельдмар-

шаль Шереметьевъ тревожилъ шведовъ въ Лифляндіи и Ингерманландіи, одержавъ надъ ними, въ началѣ 1702 г., значительную победу при Эрастфери, близъ Дерпта. Мало по малу вся Лифляндія перешла во власть русскихъ.

Имѣя конечною цѣллю занятіе Ингерманландіи, Петръ отправился въ Олонецкую губернію, чтобы оттуда сдѣлать неожиданное нападеніе на шведовъ и возвратить дѣдовское наслѣдство „земли отчичъ и дѣдичъ“, какъ онъ выражался. „Карлъ предполагалъ, что Петръ находится въ Архангельскѣ, а онъ уже былъ на Ладожскомъ озерь и 11 Октября 1702 г. овладѣлъ Нотебургомъ (Орѣшекъ) переименованнымъ въ Шлюссельбургъ.

Въ слѣдующемъ году, весною, Петръ взялъ крѣпостцу Ніэншанцъ (по русски Канцы) при впаденіи въ Неву рѣчки Охты. Здѣсь жило много русскихъ купцовъ; былъ даже православный приходъ.

Овладѣвъ Невою, Петръ разъединилъ Эстляндію и Лифляндію съ Швеціею и всталъ на порогъ Финляндіи. Отечеству своему онъ доставилъ неисчислимые выгоды. Съ одной стороны—выходъ въ Балтійское море; съ другой—легкость и удобство внутреннихъ сообщеній. Желая навсегда закрѣпить господство русскихъ на этихъ мѣстахъ, Петръ рѣшилъ основать здѣсь обширный приморскій портъ и торговый городъ. Непроходимыя болота, дремучie лѣса, близость непріятеля не устрашили царя. 16 Мая 1703 г., на одномъ изъ невскихъ береговъ, (по фински Янисари¹) положено было основаніе Петербурга. Нѣсколько лѣть спустя, именитый шведъ, посѣтивъ, словно изъ водъ возникающую столицу, съ удивленіемъ воскликнулъ: „Неужели это то самое печальное и пу-

¹⁾ Заячій островъ.

стынное мѣсто, которое еще недавно было кормовымъ по-
мѣстьемъ барабанщика карельскихъ драгунъ? Теперь же
здѣсь возвышаются великолѣпные дворцы и зданія. Невольно
въ сердцѣ закипаетъ досада“.

Для защиты столицы со стороны моря, Петръ построилъ
на островѣ Котлинѣ (Ретусари) крѣпость Кронштадтъ¹⁾ и
затѣмъ отправился въ Москву, гдѣ народъ съ восторгомъ
встрѣтилъ его.

Финны, предвидя нападеніе на Финляндію, пытались, во
время отсутствія царя, тревожить его столицу. Майдель,
стоявшій съ своимъ отрядомъ у Сестры—рѣки, покушался
напасть на Петербургъ, но не получивъ подкрѣпленія, дол-
женъ былъ отступить. Попытка съ моря не болѣе имѣла
успѣха.

Петръ I.

Пока Петръ устраи-
валъ столицу, воена-
чальники его отбили
у шведовъ Ямъ (Ям-
бургъ) и Копорье.
Позднѣе взяты были:
Дерптъ и, наконецъ,
въ 1704 г. Нарва.

Рѣшительность, съ
которою Петръ утвер-
ждалъ свое господство
при Финскомъ заливѣ,
сильно¹⁾ встревожила
европейскія прави-
тельства. Государ-

¹⁾ Вначалѣ выстроена была только сторожевая башня Кроншлотъ.

ственныи мужи Швеции неиступно просили своего короля оставить безсильнаго врага Августа и обратить свое оружие на другого, который съ каждымъ днемъ становился опаснѣе". Мы разбили русскихъ,—писалъ королю умирающій президентъ Совѣта Оксеншерна,—но побѣжденные учатся побѣждать". Карлъ, съ присущей ему надменностью, на мнѣніе своихъ совѣтниковъ не обратилъ вниманія.

Между тѣмъ, успѣхи русскихъ на западѣ продолжались. Въ 1705 г. овладѣвъ Курляндіей, русскіе проникли въ Литву, заняли Вильно и Гродно. Въ 1706 г. Петръ, признавая необходимымъ обезопасить новую столицу со стороны Финляндіи, послалъ къ Выборгу 20,000 корпусъ и велѣлъ обложить его. 23 Октября началось бомбардированіе и продолжалось четыре дня. Въ этотъ промежутокъ времени брошено было въ городъ 1097 ядеръ; но такъ какъ осенне время отнимало возможность привезти артиллерію, а партизанскія шайки перехватывали обозы, то 28 числа, того же мѣсяца осада была снята и русская армія отступила. Финны вздохнули съ облегченіемъ. Приближалась зима, и было основаніе надѣяться, что на слѣдующій годъ Петръ займется новыми планами и оставить въ покое Финляндію.

Шведскій король, мало интересуясь событиями въ Финляндіи, обдумывалъ уже новый планъ нападенія на Россію. Увеличивъ свое войско до 43,000, онъ, въ 1707 г., двинулся къ Гродно и обложилъ его. Въ Финляндіи генералъ Либеркъ, собравъ 15,000 корпусъ, готовился разрушить труды русскаго царя на Невѣ и черезъ Ингрію вторгнуться въ Новгородскую область. Царь, желая отвратить отъ своихъ подданныхъ бѣдствія непріятельскаго нашествія, готовъ былъ примириться съ врагомъ цѣною хоть одной гавани на Балтій-

скомъ морѣ; но, заносчивый Карлъ, на бѣду свою, заупрямился и объявилъ, что заключить миръ только въ Москвѣ.

Шведскій король, убѣдившись, что въ Литвѣ ему не ослить русскихъ, вошелъ въ сношенія съ гетманомъ Мазепою, который, замышляя измѣну противъ своего Государя, обѣщалъ предать всю Малороссію въ руки Шведовъ.

Карлъ XII.

Слѣпо вѣря въ свой жребій, Карлъ XII въ 1708 г. двинулся въ Україну. Зима въ этотъ годъ была жестокая; шведскіе и финскіе отряды сильно страдали отъ мороза. Къ веснѣ у Карла насчитывалось не больше 18,000 войска. И съ этимъ то ничтожнымъ отрядомъ онъ осмѣлился осадить Полтаву гдѣ и нашелъ себѣ погибель. 27 Іюня 1709 г. произошла подъ Полтавой жестокая битва. Къ 11 часамъ

Карлъ былъ, уже окончательно, разбитъ, раненъ, и едва спасшись отъ плѣна, бѣжалъ въ Турцію.

Полтавская битва была поворотнымъ пунктомъ въ судьбѣ Швеціи; она сокрушила ея могущество. Напрасно ожидали шведы возвращенія своего короля и, вмѣстѣ съ тѣмъ, новыхъ порядковъ и новой жизни. Карлъ продолжалъ проживать въ Турціи, науськивая ее на Россію.

Завоеваніе Финляндіи. 1710—1714.

Овладѣвъ побережьемъ Финского залива, Петръ, въ 1710 г. направилъ главныя свои силы къ Финской границѣ, разсчи-

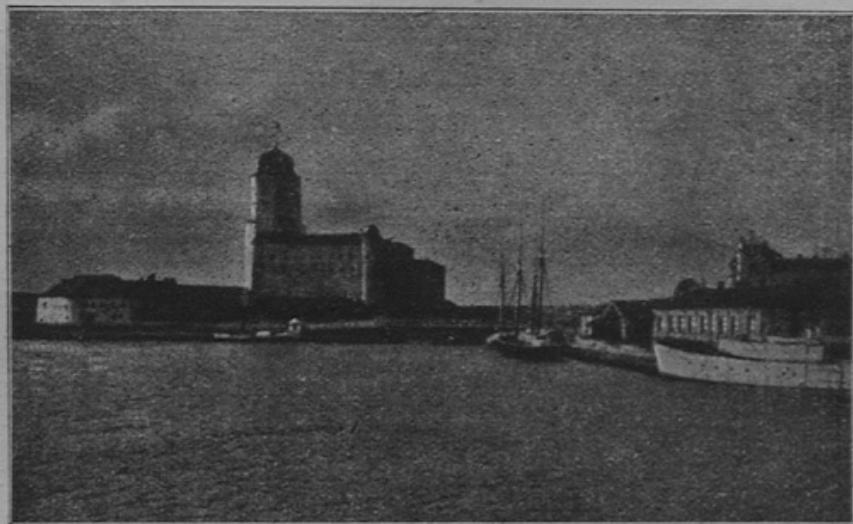
тывая взять Выборгъ и открыть себѣ путь въ Финляндію. Настала минута, когда финны должны были собрать послѣднія силы для отчаянной борьбы.

Въ послѣдніе три года русскія войска не тревожили Выборга и страна оставалась, сравнительно, въ покоѣ. Но явилось другое, тяжелое бѣдствіе: неурожай слѣдовавшіе одинъ за другимъ. Въ 1708 г. населеніе Саволакса до того бѣдствовало, что многіе крестьяне поступали въ драгуны, только ради пропитанія. Жестокая зима, погубившая многихъ подъ Полтавой, не мало и въ самой Финляндіи унесла народу. Изъ Швеціи, вмѣсто помощи, пришелъ приказъ послать къ Ревелю продовольствіе и тысячу солдатъ. Легко себѣ представить, каковы были эти солдаты изъ среды голодающаго народа.

Въ оправданіе шведовъ можно сказать, что они сами находились въ безвыходномъ положеніи. Казна была пуста, дефицитъ доходилъ до нѣсколькихъ миллионовъ. Жалованье чиновникамъ было сокращено въ значительной степени, а т. к. они не могли питаться воздухомъ, то прибѣгали къ вымогательствамъ, которыхъ не въ силахъ былъ остановить ни отсутствующій король, ни безвластный государственный совѣтъ. Дѣла находились въ отчаянномъ положеніи. За отсутствіемъ короля, созвать риксдагъ было нельзя, Совѣтъ бездѣйствовалъ и Выборгъ былъ предоставленъ своей участіи.

Въ Мартѣ 1710 г. Апраксинъ съ флотомъ явился подъ Выборгомъ и началось бомбардированіе. Сначала осаждающіе терпѣли отъ холода и недостатка продовольствія, Апраксинъ готовъ уже былъ снять осаду, какъ вдругъ, 9 Мая, Петръ съ эскадрою, пробившись съ трудомъ черезъ льды, явился подъ Выборгомъ, снабдилъ осаждающихъ продовольствіемъ и вернулся въ Кронштадтъ, приказавъ Апраксину взять Выборгъ во чтобы то ни стало.

Прибытие въ Финский заливъ шведского флота не могло спасти осажденныхъ. Финны, видя, что имъ однімъ придется бороться, призвали къ оружію всѣхъ, способныхъ носить его: школьніковъ, студентовъ и ополченцевъ. Насколько мужественна была защита Выборга видно изъ того, что онъ держался цѣлыхъ два мѣсяца. Наконецъ, въ Іюнѣ, въ стѣнахъ пробита была брешь и русскія войска, по перекинутому мосту, вошли въ крѣпость. На слѣдующій день Петръ, въ сопровожденіи гвардіи, совершилъ черезъ брешь торжествен-

Г. Выборгъ.

ный вѣзда въ городъ. Выборгъ, служившій четыреста лѣтъ оплотомъ Финляндіи, сдѣлался, теперь, оплотомъ русской столицы.

Послѣ капитуляціи Выборга, жители принесли присягу русскому царю. Указъ о покореніи Выборгскаго округа прочитанъ былъ въ церквахъ, и населеніе мало по малу успокоилось. Изстрадавшемуся народу было все равно какому скіпетру покориться, лишь бы имѣть возможность вздохнуть

свободно. Пятьсотъ человѣкъ изъ полковъ Выборга, Кареліи и Саволакса, потерявъ надежду на лучшее будущее, добровольно перешли на царскую службу.

Участи Выборга подвергся и Кексгольмъ. Съ нимъ вмѣстѣ перешло въ русскія руки обладаніе Ладожскимъ озеромъ.

Паденіе Выборга распространило панику въ западной Финляндіи. Указомъ короля, присланнымъ изъ Бендеръ, приказано было жителямъ завоеванныхъ мѣстностей уходить уничтожая имущество и оставляя за собою пустынью. Бѣжалъ, кто только могъ, по указаніямъ и повелѣнію своего правительства. Между прочимъ, этимъ приказомъ воспользовались епископы: Абосскій Гезелюсъ младшій и Выборгскій Лундъ. Всѣ они, подъ предлогомъ дѣлъ, уѣхали въ Стокгольмъ и остались тамъ. Что же касается крестьянъ, то имъ трудно было уйти далеко. Они скитались съ мѣста на мѣсто и, наконецъ, убѣдившись, что русскіе не дѣлаютъ имъ вреда, возвращались на старыя гнѣзда. Нужда, голодъ, болѣзни, эти неизбѣжные спутники войны, встрѣчали ихъ повсюду. Къ довершенію бѣдствій явилась страшная гостья, черная смерть, которая въ короткое время сильно опустошила страну.

Бѣдствія Финляндіи заставили, наконецъ, Стокгольмское правительство призадуматься. Финляндецъ Арвидъ Хордъ, засѣдавшій въ Совѣтѣ, хлопоталъ о постройкѣ въ Финляндіи крѣпостей и о назначеніи новаго главнокомандующаго. Талантливый графъ Ниродъ смѣнилъ бездарнаго Либекера; но этимъ и ограничились заботы Швеціи о Финляндіи. Подкрѣпленій шведы дать не могли; всѣ силы ихъ были заняты защитою собственнаго отечества и Нироду, волей неволей, пришлось довольствоваться только тѣмъ, что онъ могъ извлечь изъ Финляндіи. Онь собралъ, что было можно, изъ партизанскихъ шаекъ, образовалъ правильные отряды и при

всемъ стараніи могъ довести чиленность финской арміи только до 8,000 челов. Карль, между тѣмъ, продолжалъ посыпать изъ Бендеръ неудобополнимые указы вродѣ того, чтобы снабдить финновъ продовольствіемъ, простить имъ налоги и такъ далѣе. Всѣ эти распоряженія, конечно, оставались безъ послѣдствій.

Неудачи Петра при Прутѣ подбодрили финновъ. Ниродъ организовалъ свое сборное воинство такъ умѣло, что могъ изрядно беспокоить остававшіяся въ Финляндіи русскія войска. Онь возмечталъ, было, отнять у русскихъ Выборгъ, но не успѣлъ привести этотъ планъ въ исполненіе. Судьба не благопріятствовала финнамъ. Въ 1712 г. Ниродъ заболѣлъ и умеръ. Дѣла снова пойали въ руки Либекера, отъ кото-раго не ожидали ничего хорошаго.

Въ то время, какъ Финляндія несла на своихъ плечахъ всю тяжесть войны, въ Швеціи, по приказу короля, затѣвался походъ противъ Помераніи и Польши. Стенбокъ съ 18,000 отрядомъ отправился въ Рюгенъ, но, не могъ одолѣть соединенныхъ силъ Россіи и Саксоніи и былъ разбитъ. Въ это самое время, Петръ шагъ за шагомъ овладѣвалъ Финляндіей. Еслибъ, хоть половина отряда Стенбока предоставлена была Финляндіи, весьма возможно, что жребій войны бытъ былъ бы другой.

Въ концѣ Апрѣля 1713 г., болѣе 200 судовъ галернаго флота выступили изъ Петербурга подъ главнымъ предводительствомъ генераль-адмирала, графа Апраксина, у котораго подъ командой состоялъ самъ царь въ чинѣ контръ-адмирала. Гельсингфорсъ, важный по своей прекрасной гавани, Борго и другіе пункты южной Финляндіи были ближайшей цѣлію похода.

Въ ночь на 11 Мая, когда русскіе, высадившись на за-

падную сторону Гельсингфорса, готовились напасть на него, городъ запылалъ со всѣхъ сторонъ. Генералъ Армфельдъ, не видя возможности защищаться съ тѣмъ отрядомъ, который былъ у него подъ командой, самъ зажегъ городъ. По взятии Борго, Петръ отправился въ Петербургъ, чтобы прислать, въ помогу Апраксину, кавалерію и поторопить вооруженiemъ корабельнаго флота. Вскорѣ командинующій этимъ флотомъ, адмиралъ Крюйсъ, вступилъ подъ паруса, а Апраксинъ тѣмъ временемъ успѣлъ перейти отъ Борго къ Гельсингфорсу и вытѣснить изъ тамошней гавани нѣсколько непріятельскихъ кораблей. Въ началѣ Августа вернулся и царь.

Бездарный Либекеръ, неумѣвшій сосредоточить свое войско для отпора русскимъ, безцѣльно подвергалъ его опасности. Мелкіе отряды, настигаемые конницею, гибли или попадали въ плѣнъ. Русскіе, по всему южному берегу Финляндіи, встрѣчали только опустѣлые деревни и села. Въ самомъ Або, столицѣ Финляндіи, они, къ немалому удивленію, не нашли ни войскъ, ни жителей; все было пусто. Страхъ загналъ всѣхъ во внутренность страны. Въ числѣ добычи, полученной въ этомъ городѣ, самымъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для Петра была университетская библіотека, немедленно отправленная въ Петербургъ.

6-го Октября, Апраксинъ, узнавъ, что Армфельдъ сосредоточиваетъ силы въ окрестностяхъ Тавастгуса, отправился туда и послѣ упорной битвы одержалъ побѣду, закончившую дѣйствія русскихъ въ 1713 г.

Вся южная Финляндія была очищена отъ шведовъ. Осталось только уничтожить ихъ морскія силы, что и сдѣлалось теперь главною задачею русскаго царя.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1714 г. русскіе флоты, галерный и корабельный, оставили Кронштадтъ. Первымъ начальствовалъ

Апраксинъ, вторымъ, самъ Петръ. Русскій галерный флотъ достигнувъ Твереминде, залива между Гельсингфорсомъ и Або, наткнулся на шведскій флотъ, загородившій ему путь противъ мыса Гангута (Гангеудъ). Шведскій адмиралъ Ватрангъ, обманутый ловкими маневрами русскихъ, раздѣлилъ свой флотъ на три части, что было очень выгодно для нападающихъ. Царь велѣлъ своимъ галерамъ пробиваться сквозь непріятеля. Сама природа, казалось, содѣствовала русскимъ. Наступила совершенная тишина и шведскіе корабли стояли какъ на якорѣ. Тогда русскіе, передъ разсвѣтомъ, 27 Іюля, быстро промчались на греблѣ мимо изумленнаго шведскаго адмирала и стремительно ударили на часть его флота, бывшую подъ начальствомъ адмирала Эреншильда. Отчаянная битва, начавшаяся около двухъ часовъ, продолжалась до пяти. Оба непріятеля дрались упорно; русскіе, одушевляемые присутствиемъ своего государя, шведы—возбуждаемые отчаяніемъ и чувствомъ оскорблennой гордости. Въ самомъ дѣлѣ, имъ, привыкшимъ пользоваться заслуженной славой опытныхъ моряковъ, тяжело было уступить первенство новичкамъ. Постѣ упорной обороны, шведскія суда одно за другимъ спустили флаги. Контръ-адмиралъ Эреншильдъ, весь израненный, бросился въ море, но былъ поднятъ русскими матросами и доставленъ на галеру царя. Петръ, уважая храбрость противника, оказывалъ ему всевозможное вниманіе.

Пораженіе шведскаго флота рѣшило участъ Гельсингфорса; городъ былъ взятъ и вся Нюландія очутилась въ рукахъ русскихъ. Дорога въ Або была открыта.

Русскій флотъ отправился въ Або и взялъ его; потомъ занялъ Аландъ. Жители острова выселились почти поголовно и островъ Аландъ въ теченіи семи лѣтъ оставался пустыннымъ.

Послѣ пораженія при Гангутѣ и взятіи русскими Аландъ, шведы упали духомъ. Считая Финляндію окончательно потерянною, они бросились защищать свою столицу. Финны отступали вглубь страны, но Апраксинъ и Голицынъ преслѣдовали ихъ по пятамъ. Послѣ пораженія, нанесеннаго имъ подъ Тамерфорсомъ и взятіи Нейшлота, почти вся Финляндія до Вазы и въ томъ числѣ Аландскіе острова была во власти Россіи. Русскіе, находясь отъ шведского берега въ 50 верстахъ, грозили самому Стокгольму.

Карлъ, между тѣмъ, продолжалъ жить въ Турціи, мало заботясь о страданіи своихъ подданныхъ. Неудивительно, что въ общественномъ мнѣніи произошла, въ отношеніи его, большая перемѣна. Стали поговаривать объ ограниченіи власти короля. Что касается финновъ, для которыхъ особа короля продолжала оставаться священной, то они особенно роптали на генераловъ. Генералы, конечно, не отличались талантами, но съ другой стороны со столь малыми силами немного они могли и сдѣлать. Честь борьбы исключительно принадлежитъ народу, не жалѣвшему ни жизни, ни имущества ради защиты отечества. Однако, и въ Финляндіи критика нашла себѣ мѣсто, особенно когда епископъ Гезеліусъ въ своемъ окружномъ посланіи писалъ, явно намекая на короля: „Тѣхъ, которые на войну смотрять какъ на времяпровожденіе, а на пролитіе крови какъ на забаву—поражаетъ гнѣвъ Божій“.

Народъ жаждалъ мира и, между тѣмъ, все болѣе и болѣе становилось яснымъ, что король его не желаетъ и что онъ единственная ему помѣха. Неудовольствіе продолжало рости. Финнамъ казалось обиднымъ, что король не является къ нимъ на помощь зная, что ихъ страна, шагъ за шагомъ переходитъ въ руки непріятеля.

Неудовольствіе въ Швеціи высказывалось еще сильнѣе. Арвидъ Хорнъ, Гезеліусъ и другіе выходцы изъ Финляндіи старались разжигать его. Члены Совѣта рѣшились наконецъ просить младшую сестру Карла, Ульрику-Элеонору, принять участіе въ управлениіи и въ ту минуту какъ она заняла свое мѣсто въ Совѣтѣ, рѣшено было созвать риксдагъ. Собравшіяся 14 Декабря сословія требовали, чтобы принцесса взяла на себя починъ заключенія мира съ Россіею, даже безъ разрѣшенія короля. Совѣтники, опасаясь паденія правительства, на такую мѣру не рѣшились. Они послали нарочнаго къ королю, чтобы просить его вернуться, и получили отвѣтъ, въ которомъ Карлъ высказывалъ такъ мало наклонности къ миру, что совѣтники, въ предупрежденіе народныхъ волненій, не рѣшились показать земскому чинамъ письмо короля. Когда пришло извѣстіе о послѣдней побѣдѣ русскихъ, правительство не приняло еще никакого рѣшенія.

Въ политическомъ мірѣ считали Швецію окончательно уничтоженною. Въ возвращеніе Карла никто не вѣрилъ и западныя державы стали намекать на необходимость избрать ему наслѣдника. Претендентовъ на престоль было два: Карлъ-Фридрихъ, принцъ Голштейнъ-Готторпскій, сынъ старшей сестры Карла XII, и младшая сестра короля, Ульрика-Элеонора. Голштинскій министръ Герцъ вель съ Петромъ I переговоры, относительно брака Голштинского принца съ его старшей дочерью. Еслибъ Карлъ не вернулся, принцъ долженъ былъ вступить на шведскій престоль; въ противномъ же случаѣ предлагалось русскому царю отдать завоеванную имъ Финляндію герцогу во владѣніе. Изъ этихъ переговоровъ видно, насколько слаба была связь Швеціи съ Финляндіей. Въ случаѣ войны или мира, Финляндія отбрасывалась какъ ненужный придатокъ.

Вскорѣ брачнымъ переговорамъ положенъ быль неожи-
данный конецъ и надежды на миръ рушились. Карлъ XII,
узнавъ о дѣйствіяхъ своего Правительства, прислалъ грозное
повелѣніе: распустить немедленно государственные чины и
не вступать, безъ его вѣдома, ни въ какіе переговоры ни
съ друзьями, ни съ врагами.

Несчастія не только не внущили Карлу благоразумной
уступчивости, но еще болѣе обострили упорство его характера.
О заключеніи мира онъ и не думалъ; объ освобожденіи Фин-
ляндіи тѣмъ менѣе. Въ головѣ короля роились другіе планы
и странѣ предстояло еще цѣлые семь лѣтъ находиться въ
неопределенномъ положеніи.

Занятіе Финляндіи русскими. 1714—1721.

Продолжительная война и послѣдовавшее затѣмъ занятіе
страны иноземцами, создали такую путаницу, что разобраться
въ ней историку очень трудно. Тѣмъ не менѣе описание по-
добного времени, являясь свидѣтельствомъ жизненности
финского народа, представляетъ интересъ громадный.

Паника овладѣвшая населеніемъ, при быстромъ движениіи
русскихъ войскъ, была настолько велика, что люди бѣжали
въ лѣса и пустыни, или скрывались за финской арміей въ
мѣста болѣе безопасныя. Слѣдуетъ замѣтить, что паника была
небезосновательна. По законамъ войны того времени нано-
сить какъ можно больше вреда врагу, будь онъ воинъ, или
мирный житель, считалось чуть ли не обязательнымъ.

При такихъ условіяхъ начальствующія лица не всегда
были въ силахъ удержать солдатъ отъ грабежа и насилий
особенно въ первые годы, хотя, по свидѣтельству самихъ
финновъ, военачальники за такія дѣла по головкѣ не гла-
дили, прилагая въ тоже время всѣ старанія, чтобы успо-

коить населеніе. Съ этой цѣлію распространяли прокламаціи, въ которыхъ уговаривали жителей не бояться, вернуться въ свои жилища, обѣщая имъ покровительство и защиту. Но тамъ, гдѣ жители оказывали сопротивленіе властямъ, или явную враждебность, съ ними не церемонились; ни возрастъ, ни положеніе не избавляли ихъ отъ возмездія.

Больше всего содѣйствовало успокоенію умовъ назначеніе въ начальники Финляндіи, князя Михаила Михайловича Голицына. Память о немъ будетъ всегда жить въ сердцахъ благодарныхъ финновъ. Современники считаютъ Голицына превосходнымъ полководцемъ и человѣкомъ съ обширнымъ умомъ и мягкимъ характеромъ. Пребываніе его въ Финляндіи стяжало ему болѣе высокую славу, чѣмъ всѣ кровавые лавры битвъ.

Едва поутихла буря войны, какъ Голицынъ постарался водворить въ странѣ порядокъ и оградить безопасность жителей. Ни одна жалоба, достигшая до его слуха, не оставалась неразобранныю и неудовлетворенною. Въ скоромъ времени введено было и въ южныхъ провинціяхъ правильное управлениe. Жители приводились къ присягѣ русскому царю и жизнь мало по малу входила въ свое русло. Только въ Эстерботнѣ было неспокойно. Тамъ по прежнему дѣйствовали жестокіе законы войны. Слова безсилны передать страданія, которыя вынесли за это время несчастные жители. Высчитано, что въ одномъ округѣ Лиминга 2124 человѣка убиты и 454 взяты въ плѣнъ. Мало того, эти мученики должны были бороться не только съ людьми, но и съ звѣрями. Волковъ развелось такъ много и они сдѣлались до того дерзки, что бросались на людей среди бѣла дня.

Въ 1716 г. пала Каяна, послѣднее укрѣпленіе Финляндіи.

Положение на съверѣ было крайне неопределеное. Многія мѣстности, по нѣскольку разъ въ году, мѣняли владѣтелей; то онѣ принадлежали русскимъ, то шведамъ. Береговая полоса также охвачена была пламенемъ войны и Армфельдъ посланъ ей на помощь. Русскій казацкій маюръ, шедшій съ отрядомъ навстрѣчу финнамъ, былъ разбитъ, и только потому не попалъ въ плѣнъ, что финскіе крестьяне переправили его по льду въ русскій лагерь. Въ благодарность за этотъ поступокъ, царь велѣлъ щадить Улеаборгъ, который, раньше, предположено было сжечь и окрестности опустошить, чтобы лишить возможности шведскую армію, стоявшую на границѣ, получать продовольствіе.

Въ южныхъ частяхъ Финляндіи обстоятельства находились въ лучшемъ положеніи. Духовенству, не пожелавшему оставить родины, даны были приходы съ обязательствомъ слѣдить за поступленіемъ налоговъ и поведеніемъ прихожанъ. Съ измѣнниками побѣдители жестоко расплачивались. Ихъ казнили, или заключали въ крѣпости. Умиротворенію края много повредили финскіе партизаны, которые съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла, врывались въ занятая русскими округа и возмущали народъ, говоря, что финны не обязаны вѣрностью врагу, который скоро долженъ будетъ покинуть страну. Но, т. к. со стороны шведского правительства не было попытокъ отвоевать Финляндію, то странія партизановъ оставались безъ результата и только ухудшили положеніе несчастнаго финскаго народа. Тамъ гдѣ появились партизаны, русскіе безжалостно жгли деревни и лѣса, чтобы лишить мятеjниковъ защиты.

Въ 1717 г. русскими учреждено было правильное управление завоеваннымъ краемъ. При этомъ сдѣлана большая разница между округами, которые Петръ Великій хотѣлъ

оставить за собою и тѣми, которыя намѣревался возвратить Швеціи. Лены Кексгольмъ, Выборгъ, а также Саволакъ были вскорѣ послѣ завоеванія присоединены къ Россіи, и въ этихъ округахъ, особенно въ Выборгскомъ, пожаловано много имѣній русскимъ дворянамъ. Въ остальные же округа былъ назначенъ генераль-губернаторъ и четыре губернатора или лагмана. Нюландскій имѣлъ мѣсто жительства въ Гельсингфорсѣ, Товастландскій—въ Борго, Сatakунтскій—одинъ въ Бьернборгѣ и одинъ въ Вазѣ—для Эстерботніи. Эти области обложены были налогами на содержаніе русского войска и гражданского управления.

Въ новыя правительственные учрежденія выбирались люди, знакомые съ шведскими порядками, напр: эстляндскіе и лифляндскіе дворяне, шведскіе офицеры на русской службѣ. Генераль-губернаторомъ былъ назначенъ шведъ, графъ Дугласъ, попавшій въ плѣнъ подъ Полтавой; но этотъ выборъ оказался неудачнымъ. Дугласъ, до заключенія мира занимавшій такой высокій постъ, былъ грубъ и жестокъ. Его без tactности приписываютъ бѣдствія, которыя страна терпѣла за это время.

Замѣчательно, что всѣ эти люди, служившиѣ прежде Швеціи, никакъ не старались о благосостояніи вѣренаго имъ края. Исключая эстляндца Штакельберга, всѣ возбудили къ себѣ такую ненависть, что должны были подать въ отставку. Только Штакельбергъ настолько полюбился въ Эстерботніи, что и по возвращеніи этого округа Швеціи, населеніе просило его остаться и перейти на шведскую службу.

Трудно было упорядочить судебное вѣдомство. Судьи, какъ и прочие чиновники, разбрѣжались и найти достаточное число людей знающихъ законы, представлялось почти невозможнымъ. Однако въ 1718 г. удалось и это.

Богослужение подъ открытымъ небомъ.

Церковные дѣла были въ такомъ же упадкѣ какъ и все остальное. Хотя русскіе щадили церкви и только немногія изъ нихъ сдѣлались жертвой пламени, но во многихъ приходахъ, за отсутствіемъ пасторовъ, богослуженіе не совершалось. Кой-гдѣ въ пустыняхъ бѣглецы призывали священнослужителя пастушескимъ рожкомъ и онъ совершалъ службу подъ открытымъ небомъ. Удостовѣрено, что за 4 года, болѣе ста духовныхъ лицъ бѣжали въ Швецію. Одни погибли, другіе навсегда остались тамъ.

Мало по малу русское правительство стало возстановлять покинутые приходы. Особенно успѣшило шло дѣло въ мѣстности занятой Голицынымъ. Благодаря ему, основано было духовное управление въ Або и возстановлено двѣ школы: въ Або и Раумо. Что же касается остальныхъ школъ и университета, то они, въ это смутное время, пустовали.

Содѣйствуя просвѣщенію, Голицынъ давалъ паспорта нѣкоторымъ молодымъ людямъ, дозволяя имъ отправиться въ Швецію для окончанія образованія.

Недостатокъ учителей, книгъ и учебныхъ пособій тормозили возстановленіе школъ. Въ 1719 г. появилась азбука, вырѣзанная на дощечкахъ. Можно было подумать, что изобрѣтеніе Гуттенберга было финнамъ неизвѣстно.

Мало по малу населеніе ободрилось и начало возвращаться къ прежнимъ занятіямъ. Вслѣдствіе того, что заграничная торговля, въ военное время, почти прекратилась, цѣна на соль поднялась такъ wysoko, что прибрежные жители принялись вываривать ее изъ морской воды. Стала воскресать промышленность, а потомъ и земледѣліе. Во многія запущенные усадьбы вернулись земледѣльцы и стали воздѣлывать землю. Хорошій урожай придалъ имъ еще болѣе бодрости. Не мало содѣйствовало подъему духа ограж-

депе личности и имущества. Расквартированные въ разныхъ округахъ русскія войска содержались въ строгой дисциплине.

Возвращеніе шведскаго короля въ отечество не произвело въ быту финскаго народа никакой перемѣны. Король не выказывалъ намѣренія отвоевывать Финляндію у страшнаго врага, побившаго его подъ Полтавой. Переговоры съ Россіею о мирѣ, начатые 12 Мая 1718 г., также не подвигались впередъ. Петръ согласился возвратить шведамъ Финляндію, требуя отъ нихъ уступки Ингрии, Лифляндіи, Эстляндіи и Кареліи съ Выборгомъ. Карлъ, подпавшій вліянію своего первого министра Герца, голштинца родомъ, упорствовалъ.

Пока тянулись переговоры, Карлъ, собравъ 30,000 армію, предпринялъ походъ въ Норвегію. Финляндіи приказано было выставить девятитысячный отрядъ. Норвежскій походъ былъ трагическимъ эпилогомъ бурной жизни Карла XII. При осадѣ крѣпости Фридрикстенъ, онъ былъ убитъ пулею наповалъ. Мгновенно обстоятельства измѣнились; осада была снята и шведская армія отступила въ предѣлы отечества.

Отступленіе финскаго отряда было очень несчастливо. Армфельдъ, начальникъ отряда, повелъ его черезъ горы, кратчайшимъ путемъ. Въ сильную стужу, въ самый день новаго 1719 г. войско было застигнуто снѣжной бурей и сбились съ пути. Около 3,000 человѣкъ замерзли или погибли отъ голода. Норвежскіе горцы, пробѣгая на лыжахъ по горамъ послѣ бури, находили груды труповъ, а растерянные предметы амуниціи указывали путь, по которому шли несчастные воины. Даже въ послѣдующее десятилѣтіе можно было видѣть на скалахъ омытые дождемъ и выбѣленные солнцемъ скелеты.

Карль XII, неумѣренными проявленіями неограниченной власти возбудилъ недовольство всего населенія противъ королевскаго самодержавія и, тѣмъ не менѣе смерть его была болѣшимъ несчастіемъ для Швеціи. Она прервала мирные переговоры и предоставила государство, уже изнуренное вѣшними войнами, на жертву политическимъ партіямъ. Молодой герцогъ голштинскій, сынъ старшей сестры Карла XII, несмотря на свои права, былъ устраненъ отъ престола и Ульрика-Элеонора, супруга наследного принца Гессенъ-Кассельскаго, согласившись на ограниченіе монархической власти, получила корону.

Между тѣмъ, шведы помирились со своими западными врагами и въ надеждѣ на этихъ новыхъ друзей стали оттягивать переговоры о мирѣ. Петръ, освѣдомившись о намѣреніи Швеціи заключить союзъ съ Англіею, послалъ сказать шведамъ, что въ случаѣ затяжки въ переговорахъ, они увидятъ въ самой Швеціи болѣе 40,000 полномочныхъ, которые огнемъ и мечемъ ускорять дѣло.

Уполномоченные обѣихъ державъ сѣхались въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ на Аландѣ, но наступилъ уже Іюль, а шведы еще ни на чёмъ не рѣшили. Петръ, узнавъ, что шведы нарочно тянуть время намѣреваясь съ помощью союзниковъ удовольствовать его только уступкою Ингрии съ Нарвою и нѣкоторой части Карелии, рѣшился привести свою угрозу въ исполненіе.

Адмиралъ Апраксинъ пустился съ галернымъ флотомъ отъ Аландскихъ острововъ къ берегамъ Швеціи и распросранилъ ужасъ и опустошеніе повсюду. Конные партіи казаковъ появились въ виду самой столицы. Ея окрестности запыдали. Шведы, черезъ посредство королевы, запросили мира, обѣщая согласиться на всѣ условія; но едва Петръ

отозвалъ Апраксина и самъ уѣхалъ въ Петербургъ, настроение умовъ въ Швеціи измѣнилось. Господствующая партія находила союзъ съ Россіею на предложенныхъ условіяхъ унизительнымъ и старалась заключить союзы и соглашенія съ врагами Россіи противъ нея. Тѣмъ временемъ Ульрика-Элеонора поссорилась съ своими совѣтниками и наскучивъ быть орудіемъ партії, возложила корону на главу супруга своего, который и признанъ былъ королемъ, подъ именемъ Фридриха I.

Новый король, миролюбивый по природѣ, готовъ былъ заключить миръ, но у него не было на это ни власти, ни силы. Люди же, захватившіе государственную власть, никакъ не могли согласиться между собою. Англійскій союзный флотъ неожиданно появился у Стокгольма и вмѣстѣ со шведскимъ пошелъ къ Ревелю. Голицынъ, стоявшій въ Финляндіи, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и послалъ эскадру съ 5,000 пѣхоты къ шведскимъ берегамъ. Городъ Умсо съ селеніями, верстъ на пять въ окружности, превращенъ былъ въ пепель. Вслѣдъ за тѣмъ князь Голицынъ со своими галерами напалъ, при островѣ Гренгамѣ, на шведскую эскадру и послѣ жестокаго боя овладѣль четырьмя фрегатами, которые, почти въ виду возвратившагося изъ Ревеля соединенного флота, съ торжествомъ отправилъ въ Петербургъ.

Наконецъ шведы, извѣрившись въ помоши союзниковъ, пришли къ убѣждѣнію, что только уступкою требованіямъ русскаго царя могутъ спасти отечество отъ дальнѣйшихъ бѣствій. Въ апрѣлѣ 1721 г. въ Ништадѣ съѣхались уполномоченные обѣихъ державъ, и спустя нѣсколько мѣсяцѣвъ дѣло было приведено къ благополучному концу. 30-го Августа заключенъ былъ мирный договоръ, по которому за Рос-

сієй оставались: Лифляндія, Эстляндія, Ингерманландія, часть Кареліи съ городомъ Кексгольмомъ и городъ Выборгъ. Финляндія возвращалась Швеціи. Кромѣ того, Петръ обязался заплатить два миллиона ефимковъ въ вознагражденіе, какъ полагаютъ, владѣльцевъ имѣній, розданныхъ русскимъ вельможамъ въ завоеванномъ краѣ.

Великодушіе побѣдителя удивляло недальновидныхъ современниковъ. На самомъ же дѣлѣ, оно было только мудрой предусмотрительностью. Война съ Швеціею длилась долго; какъ Царь, такъ и народъ пуждались въ отдыхѣ. Блестящія побѣды Петра возвратили съ избыткомъ русской Державѣ все то, что было утеряно ею по Столбовскому договору. Дальнѣйшія притязанія могли отозваться невыгодно на отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ. Главная цѣль Петра была достигнута; выходъ къ морю открытъ. Теперь выступали на сцену другіе, не менѣе важные интересы.

Тою же осенью русскіе войска стали очищать округа, возвращенные Швеціи. Пленные шведы отпущены были въ свое отчество. Многіе, впрочемъ, успѣли уже обжиться въ Россіи и навсегда остались въ ней. Одни вступили въ службу, другіе посвятили себя практической или научной дѣятельности. Между пленными было не мало людей образованныхъ, послужившихъ Россіи своими знаніями.

Изъ Ништадского договора наиболѣе замѣчательный пунктъ 7, о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Швеціи и объ охранѣ шведскаго правительства отъ подобного вмѣшательства со стороны кого бы то ни было. Этимъ пунктомъ Стокгольмская власть отдавала себя подъ ежечасную опеку Россіи, потому что обязательство предупреждать постороннее вмѣшательство составляло уже само по себѣ неизбѣжное и законное вмѣшательство. Русскій царь являлся какъ бы

охраною шведской конституції, ограничивавшей королевскую власть. Шведские уполномоченные, желая предотвратить интриги, отъ которыхъ постоянно страдало правительство, согласились на эту мѣру, не обдумавъ послѣдствій. Стѣсненіе королевской власти, доведенной Стокгольмскимъ правительствомъ почти до нуля, погубило монархію Густава Вазы. Шведское государство, простиравшее иѣкогда свое вліяніе до Рейна, Новгорода и Карпатъ, оказалось замкнутымъ Ботническимъ заливомъ.

По 9-му пункту Петръ обѣщалъ содержать и защищать привилегіи, права и обычаи всѣхъ жителей завоеванныхъ земель, не стѣснять евангелическаго вѣроисповѣданіе и свободы совѣсти съ тѣмъ однако, чтобы и греко-rossiйское вѣроисповѣданіе свободно и безъ всякаго стѣсненія исправляемо быть могло.

Въ 1722 г., по возвращеніи наслѣдія предковъ, Ингріи и Кареліи и по окончаніи покоренія Лифляндіи, Петръ задумалъ въ память этихъ завоеваній основать монастырь на берегу Невы въ томъ мѣстѣ, гдѣ, при впаденіи рѣки Черной одержана была, за 470 лѣтъ передъ тѣмъ, побѣда надъ шведами Александромъ Невскимъ. Такимъ образомъ возникла Александро-Невская лавра. Незадолго до смерти Петръ Великий повелѣлъ перенести мощи Святого, почивавши во Владимірѣ, въ новую усыпальницу, что и было совершено при торжественной обстановкѣ. Самъ царь принималъ участіе въ церемоніи.

Еще до заключенія Ништадского договора, Петръ обратилъ вниманіе на Карельские монастыри, которые во время шведскаго владычества находились въ запустѣніи. По его приказанію возобновлены въ 1718 г. монастыри Валаамскій и Коневскій. Съ переходомъ же Кареліи въ русскія руки, мо-

настырямъ возвращены были ихъ вотчины, за исключениемъ тѣхъ, которые перешли въ частные руки.

Послѣ заключенія Ништадтскаго мира, Православная церковь въ Финляндіи снова поступила въ вѣдѣніе русской духовной власти. Со временемъ появленія въ Финляндіи русскаго побѣдоноснаго войска, въ завоеванныхъ городахъ начали учреждаться военные церкви; селились съ семьями отставные солдаты, русскіе торговцы и ремесленники; появились усадьбы русскихъ помѣщиковъ; нѣкоторые изъ нихъ переселили изъ внутреннихъ губерній крѣпостныхъ крестьянъ. Это умножило число членовъ православной церкви, повело за собою ближайшее ознакомленіе финновъ съ православіемъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ бракахъ напримѣръ съ православными, побуждало присоединяться къ православію. На широкомъ пространствѣ до р. Кюмени, въ средней части Финляндіи съ Нейшлотомъ и во всей Кареліи господствовало Православіе.

Въ одной древней рукописи подъ названіемъ „Оповѣдь“, принадлежащей Валаамскому монастырю, сообщается преданіе о посѣщеніи Валаама Апостоломъ Андреемъ. По преданію, Св. Апостолъ благословилъ горы, истребилъ капища Волоса и Перуна, обратилъ къ вѣрѣ Христовой идолѣскихъ жрецовъ и островитянъ язычниковъ, и поставилъ пастырями новообращеннаго стада Христова нѣкоторыхъ сопутствовавшихъ ему учениковъ.

Въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ петербургскаго края есть сказаніе о посѣщеніи Апостоломъ Андреемъ той мѣстности, гдѣ находится теперь Петербургъ. Это сказаніе было признано за истину даже Петромъ Великимъ и записано такъ: „Отъ Друзина (Грузина) Св. Апостоль Христовъ Андрей Первозванный имѣлъ шествіе рѣкою Волховомъ и озеромъ

Нево (Ладожскимъ) и рѣкою Невою, сквозь мѣста царствующаго града С.-Петербурга въ Варяжское море“¹⁾).

Послѣдній періодъ шведскаго владычества.

1721—1809.

Положеніе Финляндіи послѣ войны. Усиленіе власти сословныхъ представителей.

Обезсиленный войною финскій народъ началъ понемногу осматриваться. Условія существованія его были уже не тѣ, что прежде. Продолжительныя бѣдствія оставили раны, которыя едва ли могли зарубцеваться. Страна обезлюдѣла, обѣднѣла. Уцѣлѣвшее населеніе частію разбрелось по разнымъ мѣстамъ, частію попало въ иноземное подданство. Отношенія между людьми были нарушены. Финляндія оказалась между двумя государствами совершенно различными по характеру, обычаямъ и государственному устройству. Хотя часть, оставшаяся за Швеціей была гораздо больше той, которая отошла къ Россіи, но тѣмъ не менѣе положеніе Финляндіи было сильно ослаблено. Выборгъ, центръ торговли, и Кексгольмъ, втеченіи столѣтій составлявшіе съ Финляндіей одно цѣлое, теперь были отрѣзаны и подъ именемъ русской Финляндіи присоединены къ Россіи. Сверхъ того перемѣна въ отношеніяхъ сосѣднихъ державъ вызывала серьезныя опасенія за будущее. Россія, благодаря генію своего Монарха, стала въ ряды европейскихъ державъ; Швеція же, напротивъ, потеряла среди нихъ завоеванное ею при прежнихъ короляхъ мѣсто Финляндія, находясь между двухъ огней, всегда могла ожидать быть объятою пламенемъ. При такихъ условіяхъ маленькой финской народъ легко могъ исчезнуть, если-бъ онъ не обладалъ

¹⁾ «Свѣтъ» 1903 г.

большимъ запасомъ силъ, которая помогли ему вынырнуть изъ пучинъ на поверхность.

Вскорѣ по заключеніи мира шведское правительство приступило къ устроѣству провинцій, бывшихъ нѣкоторое время подъ иностраннмъ управлениемъ. Въ ту же осень учреждены были комиссіи, которая и начали дѣйствовать. Раздѣленіе на четыре лена осталось прежнее, но нѣсколько видоизмѣненное. Съ потерей Выборга образованъ былъ ленъ Кюменогорскій, въ который вошли Саволаксъ и Сѣверная Карелія. Возстановлены были епископства; въ восточную, получилъ назначеніе Гезеліусъ младшій. Духовенство, бѣжавшее въ Швецію, возвратилось и получило прежня мѣста. Труднѣе было призвать къ жизни учрежденія, дѣятельность которыхъ была совершенно прервана, а именно Абосскую академію (университетъ). Но и это уладилось. Въ ноябрѣ 1722 г. сбрались ея разрозненные члены и отпраздновали открытіе. Знаменитый уроженецъ страны, Арвидъ Хорнъ, назначенъ былъ канцлеромъ.

Разумѣется, не всѣ вернулись на родину. Одни умерли, другіе устроились въ Швеціи или въ Россіи. Но и вернувшіеся не веселую встрѣтили картицу: сгорѣвшіе дома, заросшія поля, погибшіе или пропавшіе безъ вѣсти родственники. Кто не досчитался супруговъ, кто дѣтей, кто родителей. Въ Петербургъ посланы были чиновники для разслѣдованія о пропавшихъ лицахъ, но результатъ оказался ничтожнымъ. Пространство, охваченное пожаромъ, было велико, а статистика находилась въ младенчествѣ. Полагаютъ однако, что погибло около половины населенія. Убыль населенія повела за собою запустѣніе усадебъ, которое было особенно замѣтно на Аландѣ. Когда на Аландъ стали возвращаться жители, и въ приходѣ Салтвика въ первый разъ совершилось

богослуженіе, изъ угла вылетѣла тетерька, свившая себѣ гнѣзда въ пустой церкви.

Первое время, нужда въ Финляндіи была очень велика. Земледѣльцамъ нечѣмъ было заѣвать полей. За неимѣніемъ лошадей землю приходилось обрабатывать лопатами. Опус-

Сельская церковь.

тѣвшая шведская казна не могла оказать существенной помощи.

Еще въ 1719 и въ 1720 г. риксдагъ сильно ограничили королевскую власть. Но окончательную обработку новая форма правленія получила только на риксдагѣ 1723 года.

Король обязывался слѣдовать той формѣ Правленія, какую выработаетъ риксдагъ, уже безъ согласія короля. Словія освобождались отъ присяги королю, еслибы онъ сталъ поступать противно постановленіямъ риксдага; затѣмъ, король не могъ безъ риксдага ни заключать мира, ни начи-

пать войны. Положено было собираться сословіямъ каждые три года, а въ случаѣ надобности и чаще. Въ промежуточное же время дѣлами завѣдывали выбранные изъ депутатовъ шестнадцать совѣтниковъ; король же имѣлъ два голоса. Совѣтъ являлся исполнителемъ политики господствующей партии риксдага. Хотя, выборъ депутатовъ производился по прежнему изъ четырехъ сословій, но въ дѣйствительности власть находилась въ рукахъ трехъ. Изъ нихъ выбирались члены въ тайный комитетъ, вѣдавшій внѣшнюю политику и особо важная государственная дѣла. Сюда крестьянское сословіе совсѣмъ не допускалось, также какъ не допускалось оно въ финансовое управление страны.

Изъ сказанного видно, что установившееся въ Швеціи, такъ называемое, народное правительство было всего менѣе народнымъ. Власть сосредоточилась въ рукахъ дворянства и вліяніе другихъ сословій было ничтожно. Ограничение королевской власти, имѣвшее, будто бы, цѣллю предохранить населеніе отъ произвола Правительства, доведено было до такого размѣра, что эта власть сдѣлалась пустымъ звукомъ. Въ народѣ, и въ особенности въ крестьянствѣ, сроднившемся съ понятіемъ о королевскомъ достоинствѣ, какъ о символѣ власти, новая форма правленія была непопулярна. Такимъ образомъ, равновѣсие государственного организма было нарушено и, во избѣженіе народныхъ волненій, совѣтники признали за лучшее не объявлять народу о томъ, что король, безъ согласія совѣта, ничего решить не можетъ.

Что касается Финляндіи, то новые порядки всего менѣе отвѣчали ея интересамъ. Долго не соглашались финны признавать силу указа не подписанного королемъ. Въ самой природѣ королевской власти они видѣли опору для слабыхъ; а

по сравненіи съ Швеціею, Финляндія, конечно, была стороною слабою.

Слабость эта была особенно чувствительна въ выборномъ началѣ. По составу своему финны могли поставить на риксдагъ только восьмую часть того числа, которое поставляли шведы. Стокгольмъ поставлять почти столько же, сколько вся Финляндія. Вдобавокъ у Финляндіи былъ недостатокъ въ дворянскихъ родахъ; а тѣ, которые были, частью обжились въ Швеціи и потеряли связь съ родиной, частью затруднялись дороговизной жизни въ Стокгольмѣ и уклонялись отъ выборовъ. При такихъ условіяхъ финны, конечно, не могли оказывать большого влиянія на политическія дѣла, тѣмъ болѣе, что достиженіе высшихъ и влиятельныхъ должностей возможно было только для депутатовъ риксдага. Разумѣется финское дворянство было недовольно и жаловалось на властолюбіе шведовъ.

Нельзя сказать, однако, чтобы шведы вовсе не заботились о Финляндіи. На риксдагѣ 1723 г., первомъ послѣ войны, о ней много говорилось. Образованы были двѣ комиссіи, которые, втечениіи двухъ лѣтъ, разыѣзжали по странѣ и на мѣстѣ собирали свѣдѣнія.

Чтобы способствовать подъему экономическихъ силъ страны, нужны были деньги. Разрѣшепъ былъ сборъ во всѣхъ церквахъ Швеціи и Финляндіи. Но послѣдней, отъ этого мало было пользы. Изнуренному краю не изъ чего было давать, а деньги собранныя въ Швеціи, или на ея же нужды. Экономическое развитіе особенно тормозилось стѣсненіями въ торговлѣ и высокими пошлинами. Въ 1729 г., т. е. 8 лѣтъ спустя по заключеніи мира, торговля Финляндіи находилась еще въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ слѣдующее лѣто, известное подъ названіемъ „огненнаго“ свирѣпствовали страш-

ные лѣсные пожары. Густой дымъ, проникая изъ внутренней страны къ берегамъ, застипалъ море и быль причиной многихъ кораблекрушений.

Тѣмъ не менѣе, благодаря трудолюбію и выносливости народа, страна начала мало по малу оживать. Финскій народъ быль уже не тотъ, что прежде. Страданія развили его, а равнодушіе шведовъ въ годины бѣдствій ослабило его тяготѣніе къ правящей нації. Финны поняли, что имъ нужно позаботиться самимъ о себѣ.

Еще въ 1725 г., когда комиссіи разъѣзжали по странѣ для выясненія экономического положенія, финны изъявили желаніе, чтобы всѣ правительственные постановленія и королевскіе указы издавались для нихъ на финскомъ языке. На риксдагѣ 1731 г. они просили назначать къ нимъ судей и чиновниковъ знакомыхъ съ финскимъ языкомъ, или, въ крайнемъ случаѣ, присоединять къ нимъ переводчиковъ. Духовенство требовало, чтобы всѣ постановленія, читаемыя въ церквахъ, были переведены на мѣстный языкъ. На двухъ риксдагахъ обсуждалось право финского языка, но, въ дѣйствительности, все ограничилось только красивыми фразами. На риксдагѣ 1738 г. слышались уже жалобы на чиновниковъ, не желающихъ знать финского языка. На этотъ разъ, Финляндія была представлена довольно полно. Явились депутаты даже отъ Кареліи. Риксдагъ 1738 г. замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ выдвинулась воинствующая партія, ставшая у кормила правленія и надѣлъ замиреніемъ краемъ снова нависла туча. Естественно, что воинственная партія не расположена была потворствовать притязаніямъ финновъ. Въ тайномъ комитетѣ обсуждался вопросъ о языкахъ, и предсѣдатель абосскаго гофгерихта (высшаго суда) шведъ Окфельмъ, заявилъ, что принципъ шведской политики состоять всегда

въ томъ, чтобы не разъединять, а сливать Швецію съ Финляндіей, въ силу чего послѣдняя и управляетя шведскими законами. Если поддерживать финскія притязанія, то Финляндія дойдетъ, пожалуй, до того, что сдѣлается отдѣльнымъ государствомъ, или каждый ленъ самостоятельной республикой. Всѣ депутаты риксдага согласились съ Окфельмомъ и ходатайство финновъ о языке положено было подъ сунко.

Между финнами много было недовольныхъ. Поговаривали даже, что наиболѣе беспокойный элементъ грозить соединиться съ русскими и побить шведовъ. Дѣйствительно находились люди мечтавшіе, не на шутку, о самостоятельности, которую, казалось имъ, легче получить черезъ русскихъ, чѣмъ черезъ шведовъ.

Въ провинціяхъ, перешедшихъ во власть Россіи, сословный составъ финского народа значительно понизился. Всѣ дворяне остались на шведской службѣ; Выборгъ изъ крупнаго торгового центра превратился въ простой пограничный городъ. Народное представительство уничтожилось и на мѣсто его водворилось провинциальное управление частью изъ мѣстныхъ, частью изъ русскихъ чиновниковъ; но въ общемъ, коренному населенію жилось недурно. Ему облегчены были налоги и втеченіи многихъ лѣтъ оно не поставляло ре-крутъ. Такія льготы, послѣ многолѣтней изнурительной войны, помогли населенію окрѣпнуть и воспрянуть духомъ. Въ вѣроисповѣданіи населеніе также не терпѣло притѣсненій; крестьяне продолжали пользоваться свободой.

Въ виду того, что имѣнія пожалованныя русскимъ вельможамъ даны были безъ людей, Графъ Чернышевъ, первый переселилъ въ Финляндію двѣнадцать семей своихъ крѣпостныхъ, образовавъ изъ нихъ русскую колонію.

Воинственные замыслы шведовъ.

Само собою разумѣется, что ослабленной Ништадскимъ миромъ Швеціи приходилось, относительно вѣшней политики, дѣйствовать съ большою осмотрительностью; и если государство, втечение двухъ десятилѣтій, счастливо избѣжало осложненій, то этимъ оно обязано мудрости выдающагося государственного человѣка, финляндца Арвида Бернгарда Хорна, который, въ качествѣ канцлера, завѣдывалъ вѣшней политикой.

Отношенія къ Россіи, бывшія по вѣшности удовлетворительными, начали замѣтно охлаждаться, благодаря политикѣ Екатерины I, поддерживавшей права голштинского принца на шведскій престолъ. Предвидя опасность, Хорнъ долженъ былъ поискать поддержаніи въ другомъ мѣстѣ. Въ эту пору Европа раздѣлилась на два лагеря: Австрія вошла въ союзъ съ Испаніей, а Франція съ Англіей. Россія примкнула къ первому лагерю, Швеція же склонялась ко второму; и на риксдагѣ 1726 г. послѣднее направленіе получило перевѣсъ. Хотя партія голштинского принца была подавлена и страна, повидимому, успокоилась, но на дѣлѣ, сѣмѧ вражды было посѣяно и при благопріятныхъ обстоятельствахъ неминуемо должно было дать ростки.

Въ 1733 г., послѣ смерти польского короля Августа II, Россія и Австрія поддерживали его сына, Августа III. Франція же была за Станислава Лещинскаго, выдавшаго свою дочь за Людовика XV. Франція собиралась объявить войну Австріи и сыпала деньгами, разсчитывая побудить Швецію дѣйствовать противъ русскихъ. Воинственная партія ждала только случая, чтобы отвоевать потерянныя провинціи; но пока она собиралась, русскіе заняли Данцигъ и появились на Рейнѣ.

Дѣло Лещинскаго было проиграно и Россія пріобрѣла большее вліяніе въ Польшѣ. Шведы могли считать себя счастливыми, что не ввязались въ рискованную борьбу.

Воинственная партія, извѣстная въ исторіи подъ названиемъ „шляпъ“ въ отличіе отъ миролюбивой партіи „шапокъ“, косо смотрѣла на Хорна, сдерживавшаго ея порывы, и скоро объединилась подъ знаменемъ интригана Гилленборга и его сообщниковъ, графовъ Тессина и Левенгаупта. На риксдагѣ воинственная партія одержала полную победу, и престарѣлый Хорнъ подалъ въ отставку. Пять совѣтниковъ послѣдовали его примѣру и ихъ вакансіи замѣщены были сторонниками „шляпъ“ съ предсѣдателемъ Гилленборгомъ.

Перемѣна въ составѣ совѣта повела за собою перемѣну въ политикѣ. Шведское правительство, подъ вліяніемъ торжествующей партіи, повело переговоры съ Турціей противъ Россіи. Ландмаршалъ гр. Тессинъ въ рѣчи, принятой риксдагомъ съ восторгомъ, выразилъ, что шведы готовы предпочесть войну самую жестокую постыдному Ништадскому миру. Въ Финляндію посланы были два полка; правительство усиливало флотъ. Но обстоятельства неблагопріятствовали „шляпамъ“; Россія помирилась съ Турціей, а Франція не давала денегъ. Безъ посторонней же помощи Швеціи не вынести было тяжести войны. Въ виду этихъ обстоятельствъ, некоторые совѣтники стали склоняться къ миру, и Гилленборгъ съ своей партіей очутился въ очень щекотливомъ положеніи. Вскорѣ, однако, события измѣнились, а вмѣстѣ съ ними измѣнилось и направленіе европейской политики.

Въ Октябрѣ 1740 г. умерла Анна Ioannovna и на русскій престолъ вступилъ младенецъ Ioannъ Antonovichъ съ правительницей Анной Леопольдовной. На Австрійскій престолъ взошла молодая Marія Terезія. Добрымъ сосѣдямъ, въ осо-

бенности Франции, очень хотѣлось лишить ее наслѣдства, а чтобы помѣшать Россіи поддерживать права наслѣдницы, Франція старалась натравить на нее Швецію. Продажность шведского сейма сдѣлалась беззастѣнчивою; французское золото лилось рѣкою въ карманы „шляпъ“. Поэтому, „шляпъ“ считали сторонниками Франціи, а „шапокъ“—Россіи, хотя, послѣднія умѣли только брать деньги и давать обѣщанія, которыхъ за недостаткомъ вліянія не могли сдержать.

Слабое петербургское Правительство было на руку воинствующей партии. „Шляпы“ рѣшили, что настоящая минута благопріятна для возвращенія потерянныхъ провинцій. „Въ худшемъ случаѣ,— говорили шведы,— мы можемъ потерять Финляндію. Собственно же Швеція, охраняемая флотомъ, не подвергается никакой опасности“.

На риксдагѣ 1740—41 г., война была рѣшена. Слабовольный король Фридрихъ сначала противился войнѣ, но и онъ, наконецъ, уступилъ. Въ послѣднюю минуту, раздались голоса за Финляндію, которой снова приходилось быть театромъ военныхъ дѣйствій, но эти голоса, какъ и слѣдовало ожидать, оказались вопіющими въ пустынѣ. Левенгауптъ заявилъ, что Финляндія только выиграетъ, т. к. вмѣстѣ съ войскомъ прибудутъ къ ней и деньги и продовольствіе. Въ Февралѣ 1741 г. командующій войсками Финляндіи, Буденброкъ, получилъ приказаніе двинуться съ арміей къ русской границѣ.

Какъ только рѣшеніе риксдага стало известно въ Финляндіи, начался сильный ропотъ. Страна еще не совсѣмъ оправилась отъ предыдущей войны, а въ этотъ 1740 г. сняла плохую жатву и ей угрожалъ голодъ. Особенно роптали крестьяне, но и дворянѣ тоже. Были и между государственными чинами Финляндіи сторонники войны, но такихъ па-

считывалось немногого. Большинство же возмущалось, говорило, что будущность Финляндии приносится въ жертву честолюбію „шляпъ“ и ненавидѣло эту партію всей душой. Но воинствующія „шляпы“ были настолько сильны, что сторонникамъ мира пришлось замолчать.

Междуд финнами были горячія головы, которых утѣшали себя мыслью, что въ случаѣ отторженія Финляндии отъ Швеціи, ихъ страна заживетъ особою жизнью, въ качествѣ самостоятельного государства. Старались ли эти люди вмѣшать въ свои интриги русскихъ дипломатовъ—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ партія „шапокъ“ благопріятствовала Россіи; „шляпы“ это знали и зорко наблюдали за дѣйствіями своихъ противниковъ.

Въ Стокгольмѣ схваченъ былъ нѣкій Гилленштерна, молодой чиновникъ, выходившій ночью изъ дома русскаго резидента, Бестужева. Гилленштерна былъ родственникомъ Хорна, и этого было достаточно, чтобы возбудить подозрѣнія. Воинствующая партія объявила, что Хорнъ съ друзьями продаютъ свое отечество Россіи. Образована была особая карательная комиссія и заподозрѣнныя лица болѣе или менѣе пострадали.

Воинствующая партія горѣла желаніемъ, скорѣе объявить Россіи войну. До какого безумія доходили эти люди, можно судить по секретнымъ постановленіямъ на случай заключенія мира послѣ воображаемыхъ побѣдъ: „Если русскіе попросятъ мира,—говорилось въ первомъ пунктѣ, дать имъ предварительно перемиріе, но не иначе какъ съ возвращеніемъ Кареліи, Кексгольма, Выборга, Нотеборга, Петербурга съ Кронштадтомъ и теченія Невы. При заключеніи мира требовать: Эстляндіи, Лифляндіи, Ладожскаго края съ пограничной линіей по Свири и Онежскому озеру до Бѣлаго моря. По второму

пункту, если шведское оружие будет не столь победоносно, то требовать возстановленія границъ 1700 г. Если же, паче чаянія, шведы будут разбиты наголову, то и тогда не заключать мира иначе, какъ по первому пункту, гдѣ говорится о перемирії". „Лишь бы Господь Богъ оставился нейтральнымъ,—кричали „шляпы“, а мы-то ужъ добьемся успѣха".

Объявленіе войны въ Стокгольмѣ сопровождалось звуками трубъ и литавръ. Всеобщее возбужденіе было до того велико, что захватило даже женщинъ. Дѣвицы знатныхъ фамилій, Ливенъ и Бонде играли въ этомъ случаѣ выдающуюся роль.

Достигнувъ цѣли и подвергнувъ свою родину всѣмъ случайностямъ войны, „шляпы“ воображали, что для могущества Швеціи наступаетъ новая эра. Въ какой степени исполнились эти честолюбивыя мечты, покажутъ послѣдующія события.

Война 1741—43 г.

Шведское Правительство, поторопившись объявленіемъ войны, не озабочилось ни составленіемъ плана компаний, ни заготовкою для войскъ продовольствія. Шведамъ казалось, что они однимъ махомъ разобьютъ русскихъ наголову и поставить ихъ въ границы Столбовскаго договора. Шведская армія состояла изъ 10,000; къ ней прибавили подкрѣпленіе въ 7,500 финскихъ солдатъ. Главнокомандующимъ назначенъ былъ сеймовый маршалъ, графъ Левенгауптъ, про которого говорили, что онъ мечтаетъ о финляндской коронѣ. Но такъ какъ Левенгауптъ считался искуснымъ полководцемъ, то на невыгодные для него слухи не обратили вниманія. Хотя таланты маршала и были преувеличены но, въ данное время, онъ все же былъ популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Швеціи,

что не помѣшало ему годъ спустя погибнуть на плахѣ. Помощникомъ Левенгаупта былъ Будденброкъ.

Съ первыхъ же шаговъ обнаружились безтолковыя распоряженія „шляпъ“. Главнокомандующаго безъ нужды задерживали въ Стокгольмѣ, и какъ ни умолялъ онъ отпустить его скорѣе къ армїи, прошло съ объявленія войны не менѣе четырехъ недѣль прежде, чѣмъ ему позволили уѣхать. Только недѣлю передъ тѣмъ армія заняла позиціи.

Русскій дворъ давно уже былъ освѣдомленъ о приготовленіяхъ Швеціи и потому принялъ соотвѣтствующія мѣры. Большой корпусъ былъ посланъ въ русскую Карелію; другой находился въ Ингерманландіи, чтобы при первой надобности двинуться въ Финляндію. Главное начальство надъ войскомъ поручено было фельдмаршалу Ласси, ближайшимъ помощникомъ котораго былъ генераль Кейтъ. Ласси, еще при Петре Великомъ, совершилъ много подвиговъ, покрывшихъ славою русское оружіе. Лучшаго главнокомандующаго нельзѧ было выбрать.

13-го Августа обнародованъ былъ въ Петербургѣ манифестъ о войнѣ съ Швеціею и, въ тоже время изданъ имѣнной указъ о томъ, чтобы не чинить никакихъ обидъ проживающимъ въ Россіи шведамъ.

Еще въ Іюлѣ русскія войска стали стягиваться къ Выборгу, находившемуся тогда въ трехъ миляхъ отъ шведской границы. Сначала русскіе думали вести войну оборонительную, но потомъ признали за лучшее, не дожидаясь нападенія шведовъ, пойти самимъ на шведскую Финляндію.

Шведо-финскіе отряды расположились близъ границы такимъ образомъ, что въ случаѣ надобности могли въ одинъ день соединиться. Слухи о приближеніи русскихъ съ каж-

дымъ днемъ подтверждались; наконецъ стало известно, что они замышляютъ что-то противъ Вильманстранда.

Ласси, благодаря финскимъ крестьянамъ очень дружелюбно относившимся къ русскимъ, имѣлъ вѣрный свѣдѣнія о расположениіи непріятельского войска. Рѣшившись уничтожить шведовъ прежде, чѣмъ они успѣютъ соединиться, Ласси двинулся налегкѣ, безъ обоза, къ Вильманстранду. Шведскій генераль Врангель, узнавъ объ этомъ, пошелъ къ нему на встрѣчу. Оба непріятельскихъ отряда подошли къ Вильманстранду почти одновременно, 22-го Августа. Ночь прошла спокойно. Утромъ прогремѣла у шведовъ зоревая пушка и все смолкло. Но уже въ два часа, Ласси началъ наступленіе. Часть отряда его сперва подалась, было, подъ огнемъ шведскихъ батарей, но вскорѣ русскіе оправились и опрокинули сперва лѣвое, а потомъ и правое крыло непріятеля. Финскіе полки, входивши въ составъ послѣдняго, побѣжали такъ стремительно, что сбили съ ногъ большинство своихъ офицеровъ и многихъ передавили.

Это печальное обстоятельство тѣмъ болѣе удивительно, что финны давно уже стяжали себѣ славу храбрыхъ и стойкихъ воиновъ. Ихъ малодушное поведеніе въ эту войну, равно и сочувствіе населенія непріятелю показываютъ лишь, насколько было велико недовѣріе финновъ къ правленію „шляпъ“. Многіе, однако, остались на мѣстахъ и до конца мужественно исполняли свой долгъ. Самъ начальникъ отряда, Врангель, несмотря на то, что онъ принадлежалъ къ партіи „шапокъ“ честно боролся и, отступивъ съ остаткомъ своего отряда къ Вильманстранду, сдался вмѣстѣ съ гарнизономъ, когда сопротивленіе стало уже невозможнымъ.

При сдачѣ города случилось обстоятельство, имѣвшее печальное послѣдствія. Комендантъ, выкинувъ бѣлый флагъ,

позабылъ отдать распоряженіе о прекращеніи пальбы и трое русскихъ, въ томъ числѣ два офицера, были убиты. Солдаты, заподозривъ измѣну, пришли въ ярость и ворвавшись въ крѣпость, принялись бить и рѣзать кого попало, и наконецъ, сожгли городъ.

Наступила ночь 23-го Августа. Поле сраженія было усѣяно убитыми и ранеными. Ни шведы въ своемъ бѣгствѣ, ни русскіе при отступленіи къ Выборгу не позаботились о нихъ. Множество раненыхъ, которые могли бы быть спасены, погибли. Умершіе, разлагаясь, заражали воздухъ на большомъ пространствѣ.

Всю осень Левенгауптъ бездѣйствовалъ и не предпринималъ ничего. Въ Ноябрѣ, въ Петербургѣ, съ 25—26 воцарилась Елизавета Петровна. Еслибъ Левенгауптъ воспользовался совершившимся въ Россіи государственнымъ переворотомъ, а также преимуществомъ, которое ему давала суровая зима, сковавшая воды, и двинулъ бы къ Петербургу большую армію, весьма возможно, что русскіе, изъ опасенія смуты, согласились бы на почетный для Швеціи миръ. Но на такой энергической шагъ, хваленный шведскій главнокомандующій былъ неспособенъ. Время было упущено, и шведамъ поневолѣ пришлось согласиться на предложенное Елизаветою перемиріе до Марта мѣсяца.

Въ Ноябрѣ же 1741 г. умерла въ Стокгольмѣ Ульрика Элеонора и снова возникъ вопросъ о престолонаслѣдникѣ. На очереди стоялъ внукъ старшей сестры Карла XII, Карль-Петръ-Ульрихъ Голштинскій; такъ какъ онъ былъ также племянникомъ Елизаветы Петровны, то шведы надѣялись, въ силу родственныхъ симпатій, склонить русскую Императрицу къ миру. Въ Стокгольмѣ долженъ былъ собраться риксдагъ, ради котораго многіе изъ шведскихъ офицеровъ

покинули армію. Предстояція событія открывали для молодыхъ дворянъ гораздо болѣе широкіе горизонты, чѣмъ безцѣльное прозябаніе на финляндской границѣ.

Въ войскахъ, между тѣмъ, отъ стужи и дурного питанія распространились болѣзни. Особенно страдали отъ нихъ отряды, расположенные въ болотистой мѣстности близъ Фридрихсгама. Появились жестокія горячки, отъ которыхъ люди умирали въ такомъ количествѣ, что не было времени хоронить ихъ. Трупы бросали въ землянки, раньше служившія для жилья и наполнивъ одну, принимались за другую. Тяжело приходилось Финляндіи. Толпы крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, посылались для пополненія шведскихъ отрядовъ, таявшихъ какъ весенній снѣгъ. Раззореніе страны было ужасно. На десятки миль кругомъ не оставалось вовсе рабочаго скота. За недостаткомъ лошадей, подъ тяжести впряженіи людей, что было особенно мучительно вслѣдствіе необычайно снѣжной зимы. Въ Февралѣ обнаружилось, что свыше двухъ тысячи людей погибло. Обезсиленная армія, менѣе чѣмъ когда либо, способна была содѣйствовать блестящимъ завоевательнымъ планамъ партіи „шляппъ“?

Финны негодовали на шведское правительство, и этимъ обстоятельствомъ въ Петербургѣ задумали воспользоваться для достиженія мира. Финнамъ указывали возможность образования изъ ихъ страны особаго герцогства подъ покровительствомъ Россіи и полагали, что они будутъ этимъ предложеніемъ особенно осчастливлены. Елизавета надѣялась такимъ путемъ создать изъ Финляндіи нѣчто вродѣ буфера, который предохранялъ бы отъ столкновенія два вѣчно враждующихъ государства, Россію и Швецію. Въ Императорскомъ манифестѣ отъ 18 Марта 1742 г. излагались всѣ эти пред-

ложењія. Но если,—говорилось въ заключеніе,—вопреки ожиданіямъ, наше благое намѣреніе не будетъ охотно принять княжествомъ финляндскимъ, жители онаго будутъ дѣйствовать противъ насть враждебно и помогать чѣмъ бы то ни было шведскимъ войскамъ, мы будемъ вынуждены разорить эту страну огнемъ и мечемъ“.

Манифестъ Императрицы вызвалъ контрь-манифестъ шведского короля. Разбирая и опровергая предложенія Елизаветы, король высказывалъ увѣренность, что финны будутъ единодушны и помогутъ ему возстановить такія границы, которыя могли бы служить твердымя для Швеціи оплотомъ.

Какъ же поступили финны? Они много уже пострадали за Швецію, и теперь продолжали страдать и глубоко негодовать на правящую партію. Они знали, что и впередъ имъ предстоитъ бѣдствовать всякий разъ, какъ поспорятъ Швеція съ Россіею. Никогда они не могли быть увѣрены, что ихъ поля, зеленѣющія сегодня, не будутъ потоптаны завтра войсками друзей или враговъ, что ихъ жилища останутся цѣлы.

Мы видѣли, что мечты о независимости не разъ западали въ финскія головы; и вотъ—мощная государыня предлагала имъ эту независимость, и... они не соблазнились. Они остались вѣрны своему Монарху. „Союзъ, запечатленный нашей кровью,—говорили финны,—мы не нарушимъ даже для собственныхъ выгодъ. Пусть мы будемъ страдать, пусть льется кровь наша, но финскую вѣрность, наслѣдие, оставленное намъ предками, мы передадимъ незапятнанною своимъ потомкамъ. Финны, до сихъ поръ никогда не измѣнявшіе своей присягѣ, не измѣнятъ ей и впредъ“.

Въ Мартѣ 1742 г. перемиріе кончилось и Ласси началъ готовиться къ наступленію на Фридрихсгамъ. Дѣйствія русскихъ войскъ начались съ двухъ сторонъ: отъ Выборга и

отъ Кексгольма съ Олонцемъ, гдѣ отдельныя партии дѣлали набѣги на непріятельскія поселенія и небольшіе отряды. Всѣ донесенія того времени полны описаніемъ грабежей и пожаровъ. Сотни и тысячи отдельныхъ дворовъ, даже цѣлые уѣзды, снесенные съ лица земли, хотя и были явленіемъ обычнымъ въ войнахъ той эпохи, но тѣмъ не менѣе они озлобляли населеніе и вседѣли ненависть къ непріятелю. Правильныя дѣйствія возобновились лишь въ Маѣ, когда Левенгауптъ и Ласси, получивъ подкрѣпленія, готовились возобновить борьбу.

Еще до начала движенія русской арміи, шведы укрѣпили находившееся между Фридрихсгамомъ и Выборгомъ Мендолакское ущелье, одну изъ самыхъ неприступныхъ позицій Финляндіи. Двухъ тысячъ человѣкъ было достаточно, чтобы отстоять эту позицію противъ многочисленнаго отряда. Вдругъ между шведами разнесся слухъ, что мендолакская плотина прорвана. Командующій такъ испугался, что самовольно покинулъ позицію и отступилъ къ Фридрихсгаму.

Крѣпость Фридрихсгамъ несмотря на то, что въ ней находились военные склады, была укрѣплена очень дурно. Расположенная въ лощинѣ, она могла быть отлично защищена батареями, поставленными на ближайшихъ высотахъ; но такихъ батарей не было. Когда шведы узнали, что русские приближаются къ Фридрихсгаму, они потеряли головы. Всякій дѣжалъ, что хотѣлъ, не обращая вниманія на приказанія начальства. Грабили казенное добро,— „все равно де, пропадать ему;“ сбрасывали съ валовъ пушки. Всѣмъ было ясно, что Фридрихсгамъ отстоять невозможно. На военномъ совѣтѣ рѣшено было уничтожить укрѣпленія и запасы; потомъ, оставивъ въ городѣ 500 нѣй финскій отрядъ, который долженъ былъ капитулировать, отступить за Кюмень. Но

финны остатъя не согласились. Они вышли вслѣдъ за шведами, и городъ былъ подожженъ.

Одинъ за другимъ взлетали пороховые погреба и затѣмъ, запылалъ весь городъ. Страшно было смотрѣть на подобное разрушеніе. Высокими столбами вадымалось пламя; бомбы и гранаты съ оглушительнымъ трескомъ лопались въ цехаузахъ; на валахъ разрывало пушки. Когда Ласси подошелъ къ Фридрихсгаму, то онъ оказался уже покинутымъ и уничтоженнымъ. Въ почтовомъ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара, русскіе нашли много писемъ, въ которыхъ шведскіе офицеры жаловались на неспособность своихъ генераловъ. Это открытие побудило Ласси продолжать наступленіе.

Покинувъ Фридрихсгамъ, шведскія войска, отойдя на нѣкоторое разстояніе, сдѣлали привалъ. Была чудная Іюньская ночь. Въ лѣсу раздавался шелестъ крыльевъ невидимыхъ пташекъ и пискъ ихъ птенцовъ, покрываемый ревомъ отдаленного водопада. Но никто не обращалъ вниманія на мирные красоты природы; никто не наслаждался чудной ночью. Взоры всѣхъ были обращены назадъ, къ покинутому городу, гдѣ въ продолженіи столькихъ мѣсяцевъ, армія переносила тяжкія страданія. Но тогда эти страданія облегчались подъемомъ духа и надеждой на блестящія побѣды; теперь же надежда эта угасла. Шведская армія отступала, предоставивъ Финляндію на произволъ судьбы.

Эта мысль вызывала въ финскихъ солдатахъ сильное ожесточеніе. Неохотно покинувъ свои жилища, гдѣ въ памяти стариковъ сохранились еще ужасныя воспоминанія предыдущей войны, неохотно взявшиясь за оружіе, эти люди, когда война была уже начата, непремѣнно хотѣли сражаться до послѣдней капли крови, защищая свой кровъ, семью и отчество. И теперь, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тяжелой

борьбы, имъ приказано было отступать! Они дошли до такого отчаянія, что угрожали главнокомандующему сжечь мостъ въ тылу арміи, чтобъ заставить его дать сраженіе въ защиту страны. Изъ Стокгольма получались предписанія идти впередъ, а Левенгауптъ все отступалъ, на горе Швеціи и на погибель себя самого. Отступленіе шведовъ было такъ стремительно, что однажды шведская кавалерія, спасаясь отъ русскихъ ядеръ, чуть не смяла свою же пѣшую гвардію. Командиръ приказалъ своимъ гвардейцамъ взять ружья на перевѣсь, угрожая кавалеріи залпомъ. Испуганный начальникъ ея, потерявъ голову, погналъ свой отрядъ прямо въ болото, гдѣ и утопилъ 80 человѣкъ.

Левенгауптъ разсчитывалъ, что множество большихъ рѣкъ, пересѣкающихъ дорогу отъ Фридрихсгама, задержать непріятеля, и шведская армія успѣетъ добраться до Гельсингфорса, гдѣ находились послѣдніе военные запасы. Узнавъ, что русские неуклонно идутъ впередъ, Левенгауптъ собралъ военный совѣтъ, чтобы обсудить вопросъ, слѣдуетъ ли дать сраженіе или продолжать отступленіе.. Шведскій флотъ не оказывалъ арміи никакой помощи. Простоявъ до начала Іюля въ нездоровой мѣстности у Аспѣ, шведскій адмиралъ ушелъ къ Гангуту, лишивъ армію прикрытия съ моря. Къ несчастію для шведовъ дисциплина отсутствовала во флотѣ и арміи; нижніе чины уѣгали, а начальники, недовольные медлительностью главнокомандующаго, не оказывали ему должнаго повиновенія и самовольно уѣзжали въ Стокгольмъ. На военномъ совѣтѣ большинство высказалось за отступленіе, оправдывая эту мѣру необходимостью сохранить армію. Финляндія мало беспокоила этихъ господъ. Погибнетъ она или нѣть, имъ было безразлично; лишь бы Швеція какъ можно менѣе пострадала.

Въ то время, какъ шведское правительство побуждало своего главнокомандующаго идти впередъ, а онъ пытился назадъ, русское, напротивъ, посыпало генералу Ласси предписанія остановиться и обождать. Но приказы заставали русскую армію уже далеко впереди и, по ходу дѣлъ, главнокомандующему ничего не оставалось, какъ идти по слѣдамъ шведскихъ войскъ до Гельсингфорса.

Между тѣмъ, Левенгауптъ, находя, что позиція подъ Гельсингфорсомъ не безопасна, отклонился въ сторону и расположился подъ Стефансбю. Современники находили такой выборъ безумiemъ. Армія очутилась въ лощинѣ, высоты которой были вполнѣ доступны русскимъ. Состоявшій при гвардіи пасторъ Тибурціусъ разсказываетъ, что когда онъ читалъ передъ войскомъ вечернія молитвы, на высотахъ появились люди съ обпаженными головами. Это оказались русскіе, молившіеся вмѣстѣ со шведами. На разсвѣтѣ, шведы снялись съ позицій и двинулись къ Гельсингфорсу.

Успѣхи русскаго оружія безостановочно продолжались. 7-го Августа сдался Нейшлотъ, а 21-го по предложенію гарнизона Тавастгусской крѣпости, пожелавшаго вступить въ подданство Императрицы Елизаветы, занять безъ боя и Тавастгусъ.

Занявъ Тавастгусъ, русскіе оказались хозяевами всѣхъ дорогъ, пересѣкающихъ центральную Финляндію. Вскорѣ русскіе отряды стали показываться въ Або, угрожая обходомъ шведской арміи, стоявшей подъ Гельсингфорсомъ.

Въ тотъ самый вечеръ, 11-го Августа, когда русскія войска подходили къ Гельсингфорсу, сдѣлалось извѣстнымъ, что Петромъ Великимъ проложена прямая дорога лѣсомъ въ обходъ Гельсингфорса. Дорога покрылась молодою порослью, но очистить ее не представляло большого труда, и

на другое же утро русскіе войска неожиданно появились въ тылу непріятеля.

Послѣ этого Гельсингфорсъ уже невозможно было удержать и 24 августа онъ капитулировалъ. Левенгауптъ и Буденброкъ вызваны были въ Стокгольмъ и преданы суду; престарѣлый генералъ Боскѣ принялъ командованіе.

По капитуляціи, шведамъ дозволено было возвратиться въ отечество; финнамъ же предоставлено слѣдовать за ними, или, сдавъ оружіе и знамена русскимъ военачальникамъ, разойтись по домамъ. Вся финская конница избрала послѣднее и присягнула Императрицѣ; на другой день присоединились остальные, за исключеніемъ нѣсколькихъ офицеровъ.

Эти печальные обстоятельства рѣшили участіе войны, начатой такъ легко-мысленно „шляпами“. Шведы благополучно убрались въ отечество, а Великое Княжество втеченіи какихъ-нибудь десяти недѣль оказалось завоеваннымъ русскими войсками. Обстоятельства послѣдняго времени и, въ особенности, безсердечное отношеніе

Елизавета.

шведовъ подействовали на финновъ угнетающимъ образомъ. Переходя изъ рукъ въ руки какъ мѣновой товаръ, финны

безнадежно смотрѣли на будущее, не зная чего бояться и чего желать.

Русскіе вступили во всѣ права владѣнія завоеванной страной вплоть до Улеаборга. Немедленно во всѣ части Финляндіи разосланы были чиновники и пасторы для приведенія населенія къ присягѣ на вѣрность Имп. Елизаветѣ Петровнѣ и ея наследнику Петру Федоровичу (впослѣдствіи Петру III). Повсемѣстно вводилось русское управление, которое, по свидѣтельству финскихъ историковъ, было гуманно и мягко. Жители не терпѣли никакихъ притѣсненій. Войска были вполнѣ дисциплинированы, такъ что владѣльцы земель, черезъ которыхъ они проходили, имѣли отъ нихъ гораздо меньше непріятностей, чѣмъ раньше отъ шведскихъ войскъ.

Большая часть русской арміи была расквартирована на зиму въ русской Финляндіи, и лишь западныя провинціи, которымъ могло угрожать нападеніе шведовъ, снабжены значительными военными силами.

Управление вначалѣ сосредоточивалось въ рукахъ военачальниковъ. Русскіе генералы настолько дружелюбно относились къ покореннымъ, что эстерботнійцы рѣшились подать де-Ласси челобитную съ представлениемъ объ ужасномъ положеніи ихъ страны. Генералъ обѣщалъ по возможности облегчить ихъ участъ и позволилъ созвать ландтагъ въ Вазѣ для обсужденія ихъ нуждъ и способовъ продовольствовать армію. Принявъ отъ депутатовъ присягу на вѣрность Императрицѣ, де-Ласси обѣщалъ ея именемъ сохранить финнамъ ихъ законы и учрежденія. Генералъ Кейтъ управлявшій въ Або, принималъ два раза въ недѣлю всѣхъ лицъ, имѣвшихъ до него надобность.

Позднѣе назначенъ былъ въ Финляндію генералъ-губер-

наторъ Кампенгаузенъ также оставилшій по себѣ добрую память. Мѣста гражданскихъ чиновниковъ, бѣжавшихъ въ Швецію, замѣщены были остзейцами, знавшими финскій языкъ, или мѣстными жителями. Особымъ указомъ запрещено было замѣщать мѣста шведами.

Возстановлена была высшая судебная инстанція, аbosскій гофгерихтъ, получившій название Императорскаго. Труднѣе было возстановить церковное управление, такъ какъ епископы съ ихъ консисторіями послѣдовали за шведами, но и это выполнено было съ успѣхомъ.

Само собою разумѣется, что порвать связь, столько вѣковъ соединявшую Финляндію со Швеціей, сразу было нельзя; тѣмъ не менѣе гуманное управление завоевателей пріобрѣтало имъ доброе расположение населенія. Русскіе солдаты братались съ финнами; офицеры, стоявшіе въ Або, давали зимой балы, которые финскія дамы украшали своимъ присутствіемъ. Красавица Ева Мертенсъ, дочь бургомистра, за воевала сердце храбраго генерала Кейта и послѣдовала за нимъ въ Россію.

Нельзя умолчать, не погрѣшивъ противъ истины, что были среди финновъ и недовольные, особенно изъ интеллигентіи. Какъ на взбаломученной водѣ долго еще продолжаютъ отскакивать пузыри, такъ и возбужденныя чувства не скоро успокаиваются. Нѣкто, Исаакъ Россъ, адъюнктъ аbosсккой академіи составилъ планъ общаго восстанія, по которому финны, при появлѣніи шведскаго флота, должны были броситься на русскихъ. Но флотъ не появился и проѣхѣлъ канулы въ воду. Тандефельдъ и другіе фантазировали на почвѣ финской самостоятельности; но такъ какъ всѣ эти господа не находили поддержки въ народѣ, то ихъ планы лопались какъ мыльные пузыри.

Русское правительство принимало самыя энергичныя мѣры къ возстановленію благосостоянія страны. Возобновлялись зданія, исправлялись мосты, облегчались налоги; нуждающееся населеніе снабжалось хлѣбомъ изъ казенныхъ запасовъ; бѣжавшимъ въ Швецію финнамъ обѣщана была, въ случаѣ ихъ возвращенія, полная амнистія. Все заставляло думать, что Россія намѣрена навсегда присоединить завоеванную страну.

Несмотря на ожидаемые переговоры о мирѣ, русское правительство не прекращало и военныхъ приготовленій. Флотъ, совершенно заброшенный послѣ Петра Великаго, приводился теперь въ порядокъ въ Кронштадтѣ, а въ Финляндіи строились галеры известными мастерами своего дѣла остроботнійцами. Такимъ образомъ къ веснѣ 1743 г. сформирована была эскадра для поддержки русскихъ силъ на случай возобновленія военныхъ дѣйствій. Графу Ласси поручено было командование арміей, адмиралу Головину—флотомъ.

Въ Стокгольмѣ зимою 1742—43 г. собрался риксдагъ, имѣвшій характеръ чрезвычайно бурный. Главнымъ предметомъ обсужденія было дурное веденіе войны. „Шапки“ имѣли временный перевѣсь. Чтобы поддержать свое положеніе „шляпы“ рѣшили сдѣлать нѣкоторыя уступки, пожертвовать генералами Левенгауптомъ и Будденброкомъ, которые и были обезглавлены. Такое рѣшеніе было не только жестоко, но и несправедливо, потому что если Левенгауптъ грѣшилъ своей медлительностью, то Будденброкъ былъ ни въ чемъ не виноватъ. Несчастный генералъ послужилъ искупительной жертвой.

На этомъ же риксдагѣ, длившемся 13 мѣсяцевъ, обсуждался вопросъ о престолонаслѣдникѣ. Такъ какъ Принцъ Голштинскій, впослѣдствіи Петръ III, сдѣлался уже наслѣд-

никомъ русскаго престола, то Елизавета предложила другого голштинскаго принца, дядю Петра Федоровича Адольфа-Фридриха, епископа Любскаго. Такое предложеніе вызвало много споровъ, тѣмъ болѣе, что явилось два новыхъ соискателя. „Шляпы“ и французы поддерживали пфальцъ-графа цвейбрукенскаго, „шапки“ и шведскіе крестьяне—датскаго принца. Вопросъ былъ жгучій, т. к. отъ него зависѣлъ миръ или война. Въ послѣднемъ случаѣ Финляндія была бы безвозвратно потеряна. Въ виду такой опасности финскіе делегаты объединились и черезъ своего представителя Вреде, заявили, что они скорѣй подчинятся Русской Имперіи, чѣмъ датскому игу. Правительство въ тайномъ комитетѣ рѣшило принять голштинскаго принца, но объявленіемъ медлило, ожидая выясненія намѣреній Елизаветы.

Большинство изъ совѣтниковъ Императрицы признавало необходимымъ удержать Финляндію, если не всю, то главныя ея части. Одинъ Бревернъ совѣтовалъ возвратить за-воеванное, говоря, что Швеція непремѣнно будетъ пытаться вернуть Финляндію, что доставить Россіи постоянное беспокойство. Мелькнула снова мысль объ образованіи особаго герцогства подъ покровительствомъ Россіи съ Адольфомъ-Фридрихомъ во главѣ; но не встрѣтивъ сочувствія—заглохла.

Раздоры партій въ шведскомъ риксдагѣ нарушали правильный ходъ переговоровъ. Шведское правительство, не зная за что приняться, пыталось, раннею весною, проникнуть въ Улеаборгскій округъ; другой отрядъ напалъ на Аландъ и захватилъ русскую казну. Но эти попытки не привели ни къ чему. Военные силы Россіи, на всякий случай, находились въ готовности. Снаряженный въ Кронштадтѣ флотъ, напутствуемый Императрицей, двинулся въ началѣ мая въ походъ.

Въ началѣ Іюня онъ пошелъ, было, навстрѣчу шведамъ, но сраженія не произошло; флоты обмѣнялись лишь нѣсколькими выстрѣлами. На сухомъ пути русскія войска скоро очистили Финляндію отъ шведовъ.

Въ это же самое время въ Швеціи произошло возмущеніе Далекарлійцевъ. До 5000 вооруженныхъ крестьянъ изъ провинціи Далекарліи подступили къ Стокгольму, требуя избранія датскаго принца. Противъ бунтовщиковъ выслано было войско и на Стокгольмской рыночной площади произошло побоище, при чемъ погибло не мало народа. Возстаніе было подавлено и на слѣдующій день всѣ сословія, собравшись, единодушно избрали наслѣдникомъ Адольфа-Фридриха Голштинскаго, епископа Люbsкаго.

Мирные переговоры пошли быстрымъ ходомъ. 7-го августа 1743 г. въ Або былъ подписанъ мирный трактатъ, по которому Елизавета возвращала Швеціи большую часть Финляндіи, оставляя за Россіею изъ вновь завоеваннаго Кюменогорскую провинцію, Нейшлотъ съ окрестомъ и городами Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ, всего—226 квадратныхъ географическихъ миль. Граница переносилась отъ Выборга на рѣку Кюменъ, слѣдовательно еще дальше отъ Петербурга. Въ этомъ состоялъ единственный выигрышъ Россіи отъ этой войны.

Такимъ образомъ Финляндія, за исключеніемъ небольшой части своей территоріи, снова возвращалась къ Швеціи. Шведы же, пріобрѣтая дружбу могущественнаго сосѣда могли считать себя вполнѣ вознагражденными.

Тѣмъ не менѣе Абосскій миръ считался шведами унизительнымъ. Таковъ онъ и былъ, если соопоставить замыслы съ результатомъ. Шведы начали съ того, что собирались захватить Петербургъ и отодвинуть Россію къ Москвѣ; а кон-

чили тѣмъ, что изъ рукъ Императрицы Россіи должны были пріпять, какъ цѣну мира, будущаго своего монарха. „Шляпы“ изъ личныхъ выгодъ чуть не погубили отечество; вѣгл азахъ же Европы они сдѣлались не болѣе, какъ вассалами Россіи.

Вскорѣ по заключеніи мира Данія обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, двинула на Швецію двѣ арміи. Пришлось обратиться къ помощи Россіи, и генералъ Кейтъ, осенью 1743 г., посланъ быть съ значительными силами въ Швецію. Въ концѣ октября, русскіе охранители появились въ Стокгольмѣ и датчане отступили. Старый король, выражая удовольствіе при видѣ храбрыхъ русскихъ солдатъ, говорилъ, что въ случаѣ нужды, онъ никому не уступить чести командовать ими.

Заключеніе Абосскаго мпра было торжественно отпраздновано въ Петербургѣ и Москвѣ, куда Императрица прибыла со всѣмъ дворомъ. Къ этому же времени въ Москву прибыла и невѣста русскаго наслѣдника, принцесса Цербетская, которой, черезъ 45 лѣтъ, уже въ полномъ блескѣ славы Екатерины II, предстояло вести съ Швеціей третью финляндскую войну.

Вскорѣ, по заключеніи Абосскаго мира, Елизавета Петровна по примѣру великаго своего отца, озабочилась удовлетвореніемъ нуждъ православной церкви Финляндіи. Въ 1743 г. учреждено было въ Выборгѣ духовное правленіе какъ посредствующая ступень между православной церковью въ Финляндіи и гражданскими учрежденіями края. Къ сожалѣнію епископъ, именовавшійся Выборгскимъ, жилъ въ Петербургѣ, въ Финляндіи бывалъ рѣдкимъ гостемъ и на дѣла мало имѣлъ вліянія.

Валаамскій монастырь, возобновленный Петромъ Великимъ, въ царствованіе Елизаветы Петровны сильно выгорѣлъ, но благодаря щедротамъ этой государыни отстроенъ вновь.

Экономическое положение Финляндии послѣ войны 1743—1751.

По заключеніи мира теченіе жизни въ Финляндіи стало входить мало по малу въ прежнее русло. Возвратившіеся на родину финны увидали, что всѣ учрежденія страны дѣйствуютъ какъ и прежде. Иноземное владычество ничего не изломало и не перевернуло по своему. Только на земскомъ дѣлѣ и на земельной собственности двухлѣтняя война остановила, какъ и слѣдовало ожидать, глубокие слѣды. Этой то частью и предстояло прежде всего заняться. Являлся вопросъ: долго ли Швеція сохранить Финляндію? Русскіе еще на шагъ подвинулись впередъ и никто не могъ сказать, остановятся ли они на этомъ. Неизвѣстность относительно будущаго дѣйствовала на населеніе угнетающимъ образомъ. Финны уже не могли съ прежнимъ довѣріемъ относиться къ шведамъ. Ихъ поведеніе во время войны выяснило многое, что оставалось до тѣхъ поръ незамѣченнымъ. Въ риксдагъ послано было множество жалобъ на образъ дѣйствія шведовъ, благодаря которымъ финны такъ много пострадали. Сознаніе, что интересы обоихъ народовъ далеко не тождественны, первый разъ, благодаря пережитымъ испытаніямъ, пробудились въ умахъ финновъ.

Шведское правительство какъ будто чувствовало угрызенія совѣсти и старалось помочь финнамъ поправиться. Учреждена была „комиссія эмигрантовъ“ и открыта подписька въ пользу желающихъ вернуться въ отчество. Тайный комитетъ предлагалъ открыть кредитъ землевладѣльцамъ, но изъ этихъ мѣръ ничего не вышло и эмигранты имѣли основаніе жаловаться на безсердечіе шведовъ. Королевскимъ указомъ повелѣно было сейму заняться положе-

ніемъ Финляндіи, въ силу чего постановили даровать Финляндіи три льготныхъ года, освободивъ жителей отъ налоговъ сообразно ихъ потерямъ. За этой мѣрой послѣдовали другія, имѣвшія цѣлую помочь населенію.

Скоро однако же обнаружилось, что добрыя намѣренія правительства трудно было привести въ исполненіе. Лишиться налоговъ втечениіи трехъ лѣтъ истощенная казна была не въ состояніи. На слѣдующій же годъ пришлось возобновить нѣкоторые налоги, что разумѣется повлекло сильный ропотъ.

По предложенію сейма организована была въ 1744 г. особая комиссія изъ губернаторовъ и другихъ свѣдущихъ людей для упорядоченія экономического положенія страны: размежеванія земель, устройства продовольственнаго дѣла, торговыхъ сношеній и т. д. Комиссія пришла къ заключенію, что раззореніе совсѣмъ не такъ ужасно и что въ короткое время страна можетъ достигнуть такого же благосостоянія какимъ пользовалась до войны.

Особое вниманіе обращено было на Саволаксъ, который, черезъ потерю Фридрихсгама, лишился доступа къ морю, чѣмъ нанесенъ былъ существенный ущербъ его торговлѣ. Чтобы возмѣстить эту потерю, устроили въ 1745 г. въ округѣ Перно портъ Дегерби, переименованный позднѣе въ Ловизу.

Что же касается русской Финляндіи, то въ управлениі ею послѣ абосскаго мира произошла порядочная путаница. Въ Кареліи, входившей въ составъ Выборгской губерніи сохранилось, какъ известно и подъ шведскимъ владычествомъ, старинное русское устройство и мѣстное управлени. Равно не знала Карелія и шведскаго военного устройства. При Петре Выборгъ и Кексгольмъ съ ихъ округами образо-

вали отдельную провинцию, которая на югъ доходила до рѣки Невы. Послѣ же абосскаго мира вновь завоеванныя земли приписаны къ Выборгскому дистрикту, изъ котораго образована особая губернія, подраздѣленная въ свою очередь на двѣ провинціи: Выборгско-Кексгольмскую и Кюменогорскую.

Составители абосскаго договора недостаточно внимательно разсмотрѣвъ нѣкоторые пункты Ништадскаго договора, впали въ большую ошибку, подведя завоеванія Петра и Елизаветы подъ одни условія. Эта то ошибка и была причиной путаницы. Тѣмъ не менѣе всѣ мѣры русскаго правительства были направлены къ благоустройству края и къ облегченію въ особенности крестьянскаго населенія.

Не успѣли еще залечиться раны, нанесенные войной, какъ въ Швеціи снова запахло порохомъ. Ставленникъ Елизаветы оказался далеко не такимъ сговорчивымъ какъ она ожидала. Вмѣсто поддержки благодріятной ей партіи „шапокъ“ онъ сталъ склоняться къ воинственной партіи „шляпъ“, вслѣдствіе чего установившіяся, было, дружескія отношенія между двумя дворами сильно пошатнулись. Женитьба Адольфа-Фридриха на Луизѣ-Ульрикѣ, сестрѣ Фридриха Великаго, и значеніе, которое пріобрѣлъ при молодомъ дворѣ глава партіи, гр. Тессинъ, еще больше укрѣпили положеніе „шляпъ“. Елизавета, сожалѣя о томъ, что ради избранія Адольфа-Фридриха отказалась отъ большей части своихъ завоеваній, написала ему угрожающее письмо. Овътвѣтилъ рѣзко и отношенія еще болѣе осложнились.

На политическомъ горизонте собирались тучи. Пруссія и Франція ополчились противъ Австріи. Елизавета, бывшая за Австрію, косо смотрѣла на ликованіе шведской кронпринцессы по поводу побѣдъ ея брата. Когда же шведскіе госу-

дарственные люди принялись мечтать о союзѣ съ Фридрихомъ Великимъ, Елизавета прямо заявила, что она этого не потерпитъ. Скрѣпя сердце пришлось покориться и о союзѣ съ Пруссіей отложить попеченіе.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ 1746 г. снова собрался риксдагъ. Партийная борьба сильно разыгралась. „Шапки“, требовали отъ правительства отчета. Самымъ болѣймъ мѣстомъ было, разумѣется, плохое состояніе финансовоѣ. Финскіе делегаты съ горечью жаловались на произволъ податныхъ чиновниковъ, на дурное состояніе юстиціи. Снова возникло требованіе о переводе распоряженій правительства на финскій языкъ, о назначеніи въ Финляндію чиновниковъ изъ финскихъ уроженцевъ. Въ виду недовольства финновъ и придирчивой политики Россіи учрежденъ былъ совѣтъ „трехъ“, которому предоставлено разсмотрѣть жалобы и представить докладъ. Выдающимся членомъ этого совѣта былъ энергичный пробстъ Сереніусъ, принадлежавшій къ партіи „шапокъ“.

Въ эпоху полновластія и владычества „шляпъ“, постыдная торговля голосами сдѣлалась обычнымъ явленіемъ. Не принципы справедливости, а деньги иностранныхъ державъ заставляли всѣ склоняться въ ту, или другую сторону. Державы постоянно вмѣшивались во внутреннія дѣла Швеціи; Россія и Англія сыпали деньгами, добиваясь низверженія „шляпъ“; Франція же наоборотъ, всѣми силами работала въ пользу „шляпъ“, имѣвшихъ на своей сторонѣ молодой дворъ. Чтобы поддержать русскія требованія, резидентомъ въ Стокгольмъ былъ назначенъ баронъ Корфъ, открытый врагъ Тессина. Въ тоже время на границѣ появились русскія войска, а между Кронштадтомъ и Фридрихсгамомъ крейсировала русская эскадра. Надвигавшаяся опасность возбудила народ-

ная волненія. „Шляпъ“ упрекали въ томъ, что они подготавляютъ Адольфу-Фридриху самодержавіе. „Шляпы“, чтобы оправдать себя, говорили, что „шапки“ играютъ въ руку иностраннымъ державамъ. Радостное обстоятельство положило конецъ волненіямъ. У наслѣдника родился сынъ, Густавъ III и шведы, первый разъ въ этомъ столѣтіи, получили прямого наслѣдника. Тронъ казался обеспеченнымъ. Въ тайномъ комитетѣ было решено, что сословія произведутъ демонстрацію въ пользу Адольфа-Фридриха, что и было исполнено. Сословія представили адресъ наслѣднику, въ которомъ выражали ему свою вѣрность и преданность. „Шляпы“ снова забрали власть въ руки и рѣшили, во что бы то ни стало, укрѣпить свое положеніе и уничтожить противниковъ. Они сплели цѣлую сѣть интригъ, въ которую уловляли приверженцевъ Россіи. Иногда достаточно было одного подозрѣнія чтобы погубить человѣка. Находясь въ Совѣтѣ въ большинствѣ, „шляпы“ старались выжить оттуда „шапокъ“. Въ 1747 г. они ополчились противъ Самупла Окфельма, бывшаго, благодаря своему положенію и влиянію, главою и опорою „шапокъ“. Преслѣдованіе Окфельма и его товарищѣй достигло такой степени, что они должны были подать въ отставку.

Русскій дворъ, черезъ своихъ чиновниковъ въ Стокгольмъ, мало содѣйствовалъ успокоенію умовъ. Корфъ отъ имени своего правительства предъявлялъ требованія, которыхъ невозможно было исполнить. Требованія нерѣдко сопровождались угрозами. Придирки Петербургскаго двора еще больше возбуждали противодѣйствіе „шляпъ“. Въ 1747 г., Швеція заключила союзъ сперва съ Пруссіей, потомъ съ Франціей, при чемъ Тессинъ, возведенный въ предсѣдатели канцеляріи, въ Обермаршалы молодого двора, въ наставники

принца Густава и въ президенты Абосской академіи сдѣлался самымъ могущественнымъ человѣкомъ страны. Также и прочие члены партіи получили, кто повышеніе, кто денежные награды. Гейнрихъ Вреде былъ назначенъ губернаторомъ Саволакса и Кюменогорда.

Упоенное успѣхомъ Правительство „шляпъ“ рѣшилось окончательно задушить противниковъ. Съ этой цѣлію свобода печати ограничена была до такой степени, что всякое свободное мнѣніе выставлялось какъ революціонное. Такимъ образомъ, подъ знаменемъ свободнаго Правительства возникъ произволъ, безпощадно душившій всякое проявленіе самостоятельной мысли. Финляндія въ особенности, враждебность которой къ правленію „шляпъ“ была хорошо известна, почувствовала теперь всю тяжесть шведскаго скіпетра.

Для послѣдняго риксдага дѣла Финляндія разрабатывались тремя комиссіями. Одна изъ нихъ, „комиссія двѣнадцати“, состояла па половину изъ шведовъ, наполовину изъ финновъ; только эти финны были столько же шведы, какъ и настоящіе шведскіе уроженцы, исключая одного единственнаго Веніамина Буска. Комиссія, обсуждая экономические вопросы, не замедлила прийти къ заключенію, что прежде всего необходимо обезопасить Финляндію отъ внѣшняго врага. Отсюда возникла „комиссія обороны“, въ которой принималъ участіе талантливый Эренсвердъ, финнъ по рожденію. Комиссія выработала планъ, который потомъ и былъ приведенъ въ исполненіе. Для защиты Дегерби (Ловизы) построена была крѣпость на близъ лежащемъ островѣ Свартхольмѣ. Необходимо было укрѣпить Гельсингфорсъ и въ тоже время создать надежную стоянку для флота. Съ этой цѣлію на островѣ, прикрывающемъ Гельсингфорсъ съ моря, построили сильную крѣпость Свеаборгъ. Численность финского войска

доведена была до 22,000; въ случаѣ же нужды шведы обѣщали подкрепленіе въ 14,000.

Заботы Правительства о Финляндіи вызваны были, по-видимому, не столько необходимостью обороны, сколько желаніемъ вернуть симпатіи населенія. Недовольство финновъ правленіемъ „шляпъ“ ни для кого не было тайной. Финские депутаты поддерживали „шапокъ“, а „шапки“ считались сторонниками Россіи. Говорили, что нѣкоторые изъ этой партіи находились въ сношеніи съ Россіей черезъ русскаго резидента и его секретаря, Симолина, сына пастора шведской церкви въ Ревель и уроженца Або. Симолинъ былъ большой сторонникъ обособленности Финляндіи подъ главенствомъ Россіи. „Шляпы“, рѣшили, что нужно бдительно наблюдать за Финляндіей. Для этой цѣли, по предписанію тайного комитета, назначенъ былъ въ Финляндію генералъ-губернаторъ, якобы для ближайшаго ознакомленія со внутренними дѣлами страны, въ дѣствительности же для наблюденія за состояніемъ умовъ.

Генер.-Губерн. фонъ-Розенъ, старый воинъ Карла XII, изъ партіи „шляпъ“ самый ярый, тотчасъ же приступилъ къ строгимъ мѣрамъ. Появились ложные доносы, шпіоны, развѣдчики, обязанные доставлять правительству ежемѣсячные отчеты. Въ Маѣ прибылъ Розенъ и привезъ съ собой разнаго рода оружіе, которое стало раздавать крестьянамъ. Хотѣли, кажется, создать народное ополченіе, но неувѣренность въ настроеніи народа помѣшала этому плану осуществиться. Насколько правительство не довѣряло финнамъ видно изъ того, что въ тайномъ комитетѣ постановлено было, финскія войска, стоявшія на границѣ, замѣнить шведскими. По счастію эта тяжелая мѣра тоже была отмѣнена. Для укрѣпленія вѣрности престолу придумали мѣру болѣе мягкую:

предложить кронпринцу посѣтить Финляндію. Но и эта мѣра по недостатку денегъ, или по другимъ причинамъ не могла быть приведена въ исполненіе.

Комиссія по экономическимъ вопросамъ обратила внима-
ніе на продовольственное дѣло, на улучшеніе земледѣлія,
торговли, народнаго образованія. Всѣ эти отрасли, пришед-
шие въ военное время въ упадокъ, въ эпоху правленія „шляпъ“
исколько не улучшились. Финляндія сильно обезлюдѣла,
тогда какъ пространство ея позволяло прокормить населеніе
гораздо болѣе значительное. Чтобы выяснить количество па-
селенія предписано было пасторамъ сдѣлать народную пере-
пись. Предложено было вызвать эмигрировавшихъ солдатъ,
ремесленниковъ, слугъ и привлечь къ поселенію въ Фин-
ляндіи шведскія семейства; затѣмъ озаботиться воспитаніемъ
спроть; подвергать меньшей процентѣ преступниковъ смерт-
ной казни; изъ школъ—неспособныхъ учениковъ обратить
къ землѣ, чтобы имѣть большее число рабочихъ рукъ. Мѣро-
пріятія по народному образованію состояли въ томъ, чтобы
молодежь, которая до сихъ поръ воспитывалась на древнихъ
языкахъ, знакомилась съ естественными науками и практи-
ческими знаніями. Съ этой цѣлію въ абоцкой академіи учре-
ждена была каѳедра политической экономіи. Финны снова
подняли вопросъ о правахъ гражданства для своего языка.
Но „шляпы“ находили, что лучше бы финнамъ учиться по-
шведски. Возможность понимать другъ друга сблизить-де
два народа и пріучить ихъ къ взаимному довѣрію. Финновъ
приглашали учить по-шведски дѣтей, для чего запрудили
ихъ школы учебниками и катехизисами на шведскомъ языкѣ.
Изъ всѣхъ мѣропріятій „шляпъ“ послѣднее было изъ са-
мыхъ ловкихъ. Пріобщая финновъ къ умственнымъ интересамъ
своего народа, они порабощали ихъ. Эта мѣра была

Народная школа въ Кеми.

именно тѣмъ звеномъ, котораго недоставало въ цѣпи, съзывающей Финляндію съ Швеціей.

Въ 1751 г. 25 Марта скончался престарѣлый король Фридрихъ. На другой же день Адольфъ-Фридрихъ принесъ установленную присягу, поклявшись соблюдать установленную форму правленія и считать своимъ врагомъ и измѣнникомъ отечеству всякаго, кто будетъ стараться обѣ усиленіи королевской власти. Воцареніе совершилось тихо и мирно, и пародъ успокоился.

Лѣтомъ 1752 г. Адольфъ-Фридрихъ предпринялъ давно намѣченное путешествіе въ Финляндію. Розенъ былъ отчисленъ отъ должности генер.-губер. и самый постъ уничтоженъ. Русская политика получила другое направленіе и Финляндія на много лѣтъ перестала быть жерновомъ, перемалывающимъ распри двухъ сосѣдей. Наступила для Финляндіи мирная эпоха.

По переписи 1750 г. считалось въ Финляндіи около 420,000 жителей, т.е. въ четыре раза меньше, чѣмъ въ Швеціи. Въ русской Финляндіи было приблизительно около 100,000. Стало быть всего населенія финскаго племени за данное столѣтіе насчитывалось до полумилліона.

Около этого же времени въ Швеціи и Финляндіи былъ введенъ греко-римскій календарь; въ русской же Финляндіи остался юліанскій, такъ что люди одного племени, сопредѣльные другъ другу, разнились по счету времени на 11 дней. На одномъ берегу Кюмени встрѣчали новый годъ на 11 дней раньше чѣмъ на другомъ.

✓ Адольфъ-Фридрихъ 1751—1771.

Отличительной чертою этой эпохи является борьба короля съ правительствомъ изъ-за королевской власти. Адольфъ-

Фридрихъ и его энергичная супруга были крайне удивлены, встрѣтивъ въ „шляпахъ“, вмѣсто поддержки, ясно выраженное сопротивление ихъ властолюбивымъ замысламъ. Когда въ 1751 г. сословія собрались на коронацію, то партіи оказались совсѣмъ перетасованными. Образовалась враждебная „шляпамъ“ королевская партія, составившаяся частью изъ „шапокъ“, частью изъ новыхъ элементовъ. Новая партія, однако, не имѣла вліянія и не могла служить опорою королю. Когда на риксдагѣ рассматривали параграфъ формы правленія, по которому „Совѣтъ долженъ быть совѣтовать, а не управлять“, „шляпы“ сумѣли разрѣшить этотъ вопросъ такъ, что всякое предложеніе должно быть сперва разсмотрѣно Совѣтомъ и потомъ уже поступить къ королю. Королевская власть и по многимъ другимъ пунктамъ была до того ограничена, что у Адольфа-Фридриха не осталось, наконецъ, ничего королевскаго кромѣ имени.

Вскорѣ послѣ закрытія риксдага король предпринялъ путешествіе по Финляндіи, куда, со времени Великаго Густава Адольфа ни одинъ шведскій король не заглядывалъ. Въ данное время Совѣтъ не очень-то желалъ этого путешествія, опасаясь вспышки народныхъ чувствъ къ особѣ короля. И это легко могло случиться, т. к. ограниченіе королевской власти было всегда не по душѣ крестьянскому сословію.

19 Іюня 1752 г. Адольфъ-Фридрихъ прибылъ съ своей свитой моремъ въ Свеаборгъ; отсюда онъ отправился сухимъ путемъ, вездѣ осматривая укрѣпленія. Дегерби Его Величество переименовалъ въ Ловизу, въ честь своей супруги. Въ Або короля принимали съ особеннымъ блескомъ. Въ академіи былъ торжественный актъ, говорились льстивыя рѣчи, въ которыхъ короля привѣтствовали какъ Покровителя бога. „*Salve Fennorum Stator et Deus Tatelaris benignissime*“. Ораторы

увлеклись до такой степени, что позабыли о выгодахъ своей страны, называя Финляндию житницей Швеции и утверждая, что она можетъ дать Швеции въ три раза большій контингентъ войска. Однимъ словомъ, національная стремленія финновъ ихъ историческая задачи въ блестящихъ лучахъ королевскаго присутствія совсѣмъ растаяли. Путешествіе длилось съ небольшимъ мѣсяцъ, и конечно этого времени было недостаточно, чтобы познакомиться со страною и ея нуждами.

Вражда между королемъ и правительствомъ, разгораясь болѣе и болѣе, сильно мѣшала мирному преуспѣянію страны. Королева, которая не могла примириться съ ограничениемъ королевской власти, подливала масла въ огонь. Столкновенія происходили безпрестанно. Однажды кареты нѣкоторыхъ совѣтниковъ не пропущены были на королевскій дворъ, за что почетная стража изъ гвардейцевъ привлечена была къ отвѣтственности. Тогда король объявилъ, что гвардія повинуется ему одному. Всльдъ за этимъ Совѣтъ не утвердилъ офицеровъ, назначенныхъ королемъ, а король не утвердилъ чиновниковъ, представленныхъ Совѣтомъ. На слѣдующемъ риксдагѣ 1754—55 г. всѣ эти вопросы были предложены обсужденію сословій и решены, конечно, не въ пользу короля. Ему еще разъ поставлено было на видъ, что управляютъ государствомъ сословія, а Его Величество можетъ только имъ содѣйствовать. Сословія, дѣйствовавшія въ духѣ Совѣта, допустили вопіющу мѣру, изготведеніе печати, которая должна была замѣнить подпись короля. Такая печать придумана была въ послѣдніе годы царствованія Фридриха I, чтобы не беспокоить старика. Теперь же въ ней не было никакой надобности. Дерзость Совѣтниковъ дошла до того, что они задумали, устранивъ родителей, взять въ руки воспитаніе наследника. Доведенная до отчаянія, Луиза-Ульвика рѣ-

шилась заложить свои бриллианты, поднесенные ей сословиями какъ свадебный подарокъ, чтобы съ помощью этихъ денегъ создать революцію и низвергнуть ненавистное правительство. Тайный комитетъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ описать драгоцѣнности королевы. Столкновенія кончились, наконецъ, кровавымъ событиемъ. Королева и ея дворъ въ 1756 г. задумали совершить государственный переворотъ. Наканунѣ Иванова дня король, съ помощью гвардіи долженъ былъ овладѣть столицей, изложить членовъ Совѣта и созвать народное собраніе. Но наканунѣ дня, назначенаго для переворота, заговоръ былъ открытъ, Совѣтъ приговорилъ зачинщиковъ къ смерти и сословія утвердили приговоръ. Король едва не лишился короны; только благоразуміе нѣкоторыхъ государственныхъ людей предотвратило катастрофу.

На риксдагѣ 1755—56 г. правленіе сословныхъ представителей было окончательно установлено какъ основная идея и всякая власть не только короля, но и Совѣта свелась къ пузу. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ.

Около этого времени составилась коалиція трехъ европейскихъ державъ противъ Пруссіи, возрастающее могущество которой страшило сосѣдей. Шведское правительство, подъ предлогомъ отвоеванія Помераніи, примкнуло къ врагамъ Пруссіи. Самонадѣянность „шляпъ“ была такъ велика, что они начали военные дѣйствія, не дождавшись даже согласія сословныхъ представителей.

Въ виду того, что 7-лѣтняя война не касалась Финляндіи, мы скажемъ о ней всего нѣсколько словъ. Шведы отличились здѣсь такой же нераспорядительностью и отсутствиемъ дисциплины какъ и въ предыдущей войнѣ; славы себѣ они не прибавили. Прусскій король съ пренебреженіемъ

говорилъ, что Швеція не заслуживаетъ чтобы ее считали въ средѣ государствъ; такъ она упала.

Въ 7-лѣтней войнѣ получили огненное крещеніе братъя Спренгтпортены, изъ которыхъ одному судьба готовила въ будущемъ видную роль.

Въ январѣ 1762 г. умерла Императрица Елизавета, и ея преемникъ Петръ III, горячій поклонникъ Фридриха Великаго, поспѣшилъ заключить миръ и союзъ съ Пруссіей. Примѣру Россіи послѣдовали и остальные державы.

Бѣдствія войны и неизбѣжное при этомъ разстройство финансовъ возбудили сильное неудовольствіе шведовъ и пошатнули вліяніе „шляпъ“. Переворотъ уже можно было предвидѣть. На риксдагѣ 1765 г. финны имѣли большое число представителей. Въ каждомъ сословіи были ярые противники „шляпъ“. Старые и новые грѣхи партіи всплыли наружу. Настроеніе было настолько враждебно, что даже самыя основы существующей формы правленія едва не поколебались. Наконецъ „шляпы“ пали и „шапки“ приняли бразды правленія.

Двадцать семь лѣтъ „шляпы“ руководили внутренней и внѣшней политикой Швеціи, и хотя правленіе ихъ было, какъ мы видѣли, далеко не благодѣтельно, но и между ними находилось не мало умныхъ и дѣятельныхъ людей, которымъ Финляндія обязана своимъ культурнымъ развитиемъ. Между ними видное мѣсто занимаютъ Тессинъ, Экельблать и епископъ Броваглусъ. Много улучшений произошло во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Около этого времени стала разрабатываться проектъ соединенія Саймской системы съ моремъ. Всѣми мѣрами поощрялось земледѣліе; лучшимъ хозяевамъ выдавались преміи. Стали воздѣлывать картофель, выведенный первоначально изъ клубней, принесенныхъ сол-

датами изъ Помераніи въ своихъ ранцахъ. Сначала поощрялась выгонка спирта, но въ 1756 г. это производство было сильно ограничено, т. к. признали, что оно вредно вліяетъ на экономическое положеніе страны и на здоровье будущихъ поколѣній. Обращено было вниманіе на санитарное состояніе и Финляндія получила госпитали и больницы.

Не мало, конечно, было и злоупотребленій. Изъ основанаго, напр., промышленного фонда немного досталось на долю Финляндіи. Деньги шли на устройство фабрикъ въ Швеціи, или попадали въ карманы „шляпъ“ и ихъ сторонниковъ.

Что же касается мѣропріятій „шапокъ“, по существу доброжелательныхъ, то онъ не принесли много пользы. Слѣпая вражда къ противникамъ побуждала эту партію дѣлать все какъ разъ наоборотъ. Это безсмысленное противодѣйствіе остановило много благихъ начинаній. Эренвертъ, много уже сдѣлавшій для обороны страны, началъ строить военные суда, при чемъ канонерскимъ лодкамъ, предназначеннымъ для защиты береговъ, давалъ финскія названія, что очень нравилось населенію. Правительство „шапокъ“ нашло нужнымъ отозвать Эренверта изъ Финляндіи и тѣмъ похерить благое дѣло.

Подобная система содѣйствовала, конечно, не устройству а разстройству дѣлъ. Единственная заслуга „шапокъ“ была въ освобожденіи прессы, но и эта заслуга основана была только на желаніи дѣйствовать относительно прежняго правительства въ противоположномъ направлениі.

Въ числѣ затрудненій, съ которыми встрѣтилось новое правительство, было отчаянное положеніе финансово. Благодаря двумъ войнамъ и безконтрольному распоряженію фондами, „шляпы“ довели государственный долгъ до 60 миллионовъ серебряныхъ талеровъ. Банкъ нашелся вынужден-

нымъ отказать въ размѣнѣ бумажныхъ денегъ на металлическія. Рынокъ былъ запруженъ бумажными деньгами, цѣнность которыхъ падала съ каждымъ днемъ. Въ 1762 г. асигнаціи дошли до $\frac{1}{3}$ ихъ номинальной цѣны. Понятно, что такое состояніе финансъ порализовало экономическое развитіе. Къ несчастію правительство „шапокъ“ не сумѣло выйти изъ этого затрудненія и его положеніе стало шаткимъ.

Постоянная вражда партій, неблагопріятно отражавшаяся на экономическомъ развитіи страны, способствовала вспышкѣ народныхъ симпатій въ пользу королевской власти. Женитьба Густава III на датской принцессѣ Софії-Магдалинѣ еще больше разогрѣла эти симпатіи. Недовольство правительствомъ въ 1768 г. дошло до такой степени, что король нашелъ нужнымъ экстренно созвать сословія. Совѣтъ на это не согласился, и король пригрозилъ отказомъ отъ престола. Совѣтники отвѣчали, что и на это онъ не имѣетъ права безъ согласія земскихъ чиновъ. Тогда король, по совѣту наслѣдника, прибѣгъ къ рѣшительному шагу. При открытіи засѣданій Совѣта 15 Декабря онъ объявилъ, что при настоящихъ условіяхъ царствовать не можетъ, а наслѣдникъ сообщилъ объ этомъ рѣшеніи всѣмъ учрежденіямъ.

Совѣтъ разсчитывалъ поладить съ королемъ домашнимъ образомъ, какъ это не рѣдко бывало, но на этотъ разъ онъ ошибся. Всѣ учрежденія остановили свою дѣятельность за отсутствиемъ законной власти. Совѣтъ долженъ былъ уступить. Король послѣ шестидневнаго промежутка вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей и машина снова пошла въ ходъ. Въ апрѣлѣ 1769 г. собрался риксдагъ, но не въ Стокгольмѣ, а въ Норчепингѣ, т. к. правительство боялось настроенія столицы. „Шапки“, несмотря на принятая предо-

сторожности, потерпѣли полное пораженіе. Почти всѣ Совѣтники отрѣшены были отъ должности за то, что они стремились, вопреки основнымъ законамъ, „не только совѣтовать, но и управлять“. Главнымъ двигателемъ этого дѣла былъ наследственный принцъ, который каждый день на площади публично толковалъ съ крестьянами.

Новые Совѣтники изъ партіи „шляпъ“ раскритиковали всѣ мѣропріятія „шапокъ“. Банку разрѣшенъ быть заемъ, а наследнику—субсидія на поѣздку заграницу. Хотя объ усиленіи королевской власти официально не говорилось, но уже чувствовалось, что старое платье расползается по швамъ и что господство сословныхъ представителей идетъ къ концу.

12 февраля 1771 г. внезапно умеръ Адольфъ-Фридрихъ и его сынъ, Густавъ III, вступилъ на престолъ.

Народное чувство, искавшее опоры въ единствѣ королевской власти, всѣ надежды возложило на молодого короля. Эти чувства раздѣлялъ и финскій народъ. Несмотря на неустойчивость правительства, а можетъ быть и благодаря ей, самодѣятельность финновъ развилаась и окрѣпла, что при трудолюбіи и терпѣніи не мало содѣйствовало успѣху во всѣхъ отрасляхъ экономической жизни страны. Духовная культура также шагнула впередъ. Труды нѣкоторыхъ финскихъ ученыхъ впервые сдѣлались известными заграницей. Благодаря профессорамъ Абосской академіи финскій языкъ сталъ получать литературную обработку. Появилась грамматика финского языка. Одновременно начала развиваться поэзія. Въ то время господствовало мнѣніе, что финскій языкъ происходитъ отъ еврейскаго, и что сами финны произошли отъ десяти колѣнъ израилевыхъ. Это нелѣпое мнѣніе было основательно опровергнуто учеными филологами и

во главъ ихъ Портаномъ, который считается отцомъ финской исторіи.

Рассматривая вліяніе науки и литературы на общую совокупность жизни въ этотъ періодъ, мы легко замѣтимъ, что употребленіе шведскаго языка сильно развилось въ Финляндіи. Старанія шведскаго правительства конечно содѣйствовали этому, но еще больше вліяла сила обстоятельствъ. Ученое сословіе не могло обойтись безъ шведскихъ источниковъ и шведскій языкъ мало по малу сдѣлался общеупотребительнымъ языккомъ среди интеллигентіи. Стремленіе быть понятымъ людьми одинакового развитія заставило финскихъ писателей писать по шведски и даже такой поэтъ какъ Рунебергъ, истый финнъ по духу, по перу—принадлежалъ Швеціи. Рѣчи говорились на латинскомъ, или на шведскомъ языкѣ. О господствѣ родного языка уже не хлопотали; его стыдились. Распространеніе шведскаго языка наводнило Финляндію шведскими чиновниками, которые не видѣли никакой надобности учиться по фински.

Что касается національного чувства финновъ въ этотъ періодъ, то въ слабости его едва ли можно сомнѣваться. Тѣмъ не менѣе благороднѣйшіе сыны отчизны, одушевленные любовью къ родинѣ, старались вліять на своихъ согражданъ въ смыслѣ пробужденія ихъ патріотизма. Объявленія и указы стали печататься для финновъ по фински. Въ 1776 г. появилась въ Або первая финская газета, но на шведскомъ языкѣ.

Заграницей писали о финнахъ разныя нелѣпости. Полемика, завязавшаяся по этому поводу, помогла финскимъ писателямъ разсѣять туманъ и представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ.

ГУСТАВЪ III—ЕКАТЕРИНА II.

Усиление королевской власти и государственный переворотъ 1772 г.

Извѣстіе о смерти Адольфа-Фридриха застало его сына въ Парижѣ, гдѣ благодаря просвѣщенному уму и привѣтливому обхожденію, онъ спикалъ всеобщую любовь. Привлекательная внѣшность Густава III была какъ будто создана для того, чтобы вызывать симпатіи. Честолюбивый и пылкій, онъ напоминалъ своихъ славныхъ предковъ и, если бы не легкомысліе и не излишняя самонадѣянность, молодой король могъ бы вернуть своему отечеству значительную часть того блеска, которымъ оно прежде отличалось.

Бывши еще кронпринцемъ, Густавъ имѣлъ возможность оцѣнить всю неестественность образа правленія, основанаго на подавленіи власти короля. Ненависть къ существующему порядку молодой король всосаль, такъ сказать, съ молокомъ матери, и потому, вступивъ на престолъ, онъ прежде всего рѣшилъ освободиться отъ ненавистной опеки совѣтниковъ. На симпатіи Франціи и на ея субсидіи онъ могъ вполнѣ разсчитывать, что было уже большимъ козыремъ въ его рукахъ.

Возвращаясь на родину, король посѣтилъ своего дядю Фридриха Великаго. Послѣдній крѣпко совѣтовалъ ему воздерживаться отъ непріязненныхъ дѣйствий противъ Россіи и стараться уладить внутрення дѣла мирнымъ путемъ. Подъ влияніемъ этихъ совѣтовъ молодой король въ первой же рѣчи къ сословіямъ выразилъ надежду, что партійная борьба кончится, и что всѣ партіи сольются въ общемъ служеніи благу отечества. Несмотря на умѣренный тонъ рѣчи ясно было

видно, что король не потерпить прежняго порядка всшей.

Въ теченіе всего года, борьба партій происходила въ прежнихъ размѣрахъ; недовольство населенія возрастало; неурожай и дороговизна еще усилили затрудненія и государственный переворотъ сдѣлался неизбѣжнымъ.

Дѣятельнымъ помощникомъ въ замыслахъ короля явился финляндскій дворянинъ Яковъ Магнусъ Спренгтпортенъ, полковникъ Тавастгусскихъ драгунъ. Младшій братъ Георгъ былъ его правой рукой. Магнусъ Спренгтпортенъ отправившись въ Финляндію съ горстью драгунъ, пробрался на лодкахъ къ Свеаборгу, привелъ къ присягѣ гарнизонъ и принялъ мѣры къ обезпечению успѣха въ Финляндіи. Затѣмъ онъ, долженъ быть вести войско въ столицу, чтобы поддержать короля. Но обстоятельства предупредили его.

19-го Августа въ 10 ч. утра король какъ обыкновенно, присутствовалъ на парадѣ на арсенальномъ дворѣ. Послѣ парада, онъ пошелъ пѣшкомъ во дворецъ и толпа офицеровъ разнаго рода оружія, свыше двухсотъ человѣкъ, послѣдовала за нимъ. По приказанію короля, гвардейцы, стоявшіе на караулѣ, заперли ворота. Тогда Густавъ, обратившись къ офицерамъ, просилъ ихъ помочь ему спасти отечество отъ произвола правительствующей партіи. Всѣ поклялись ему въ вѣрности, а солдаты съ восторгомъ привѣтствовали его. Нѣсколькимъ гренадерамъ приказано было арестовать соѣтниковъ. Затѣмъ ворота отворились и король, окруженный войскомъ, вѣхалъ въ городъ. Населеніе повсюду встрѣчало его съ сочувствіемъ. Храбрость и рѣшительность короля помогли ему, безъ пролитія крови, низвергнуть правительство, которое болѣе 50 лѣтъ деспотически распоряжалось судьбами Швеціи. Королева мать, узнавъ о случившемся,

радостно воскликнула: „Теперь узнаю я въ Густавъ свою кровь!“

21-го Августа король въ полномъ королевскомъ облаченіи явился въ залу, гдѣ ожидали его государственные чины, сѣль на тронъ и сказалъ сильную рѣчъ, въ которой объявилъ о возстановленіи формы правленія существовавшей при Густавѣ-Адольфѣ. Потомъ духовенство пропѣло благодарственную молитву и дѣло было кончено.

Новая форма правленія предоставляла большую власть королю. Теперь онъ могъ не только царствовать, но и управлять; совѣтъ существовалъ только для формы. Риксдагъ также находился подъ давлѣніемъ короля. Хотя король могъ проводить новые законы и измѣнять старые не иначе, какъ съ согласія государственныхъ чиновъ, по окончательное решеніе оставалось въ его власти. Съ рѣшеніями риксдага онъ могъ и не согласиться и тогда дѣло откладывалось до новаго собранія. Весьма вѣроятно что Густавъ III, добровольно поставилъ королевскую власть въ известныя границы, былъ искрененъ, считая себя, какъ онъ выражался, первымъ гражданиномъ свободнаго народа. Но къ сожалѣнію недовѣріе его къ сословнымъ представителямъ, злоупотребившихъ своей властью для униженія королевскаго достоинства было такъ велико, что онъ невольно переходилъ поставленныя имъ же границы и возбуждалъ неудовольствіе народа. Преданный королю Магнусъ Спренгтпортенъ пытался его образумить, но безуспѣшно. Самонадѣянный и пылкій Густавъ III не внималъ совѣтамъ и действовалъ очертя голову. Магнусъ Спренгтпортенъ такъ упалъ духомъ, что оставилъ службу и поселился близъ Стокгольма, откуда онъ безпрестанно беспокоилъ короля письмами полными упрековъ, пока, наконецъ, умственное разстройство не свело его въ могилу.

Преданность финновъ своему королю и готовность, съ которой они помогали Спренгтпортену въ дѣлѣ государства переворота, расположили Густава въ ихъ пользу. Неоднократно выражалъ онъ Спренгтпортенамъ желаніе объединить эту провинцію со Швеціею. Возрастающее могущество Россіи, которая, не сегодня—завтра, могла захватить Финляндію, побудило Густава постыдить эту отдаленную провинцію съ цѣллю окончательно привязать къ себѣ жителей. Послѣднее удалось безъ труда, отчасти вслѣдствіе склонности финновъ къ обожанію своего монарха, отчасти благодаря симпатичной личности самого Густава. Послѣдствія этой поѣздки были благодѣтельны для Финляндіи: заложены новые города и крѣпости, учреждены суды, улучшены пути сообщенія, повелѣно произвести новое размежеваніе, въ чемъ страна очень нуждалась. Словомъ все, что только могло укрѣпить связь монарха съ народомъ было сдѣлано.

Симпатіи короля къ финскому народу всего чаще проявлялись черезъ Спренгтпортена, которому онъ не переставалъ оказывать вниманіе и довѣріе. Вліяніе, которымъ Спренгтпортенъ пользовался, помогло ему послужить родинѣ. Получивъ начальство надъ финскими войсками, онъ привелъ ихъ въ образцовое состояніе. Въ Брахелинѣ, своей главной квартирѣ, онъ основалъ военную школу, на которую Густавъ изъ собственныхъ денегъ пожертвовалъ 2,000 риксдалеровъ. Въ 1781 г. эта школа преобразовалась въ кадетскій корпусъ, гдѣ финское юношество изъ дворянъ воспитывалось въ духѣ рыцарства и патріотизма.

Къ сожалѣнію неровный и пылкій характеръ Густава не давалъ большихъ надеждъ на его постоянство. Отношенія между нимъ и младшимъ Спренгтпортеномъ стали замѣтно портиться и изъ дружественныхъ перешли во враждебныя.

Отчасти виноватъ былъ въ этомъ самъ Спренгтпортенъ на-
доѣвшій королю своимъ требованіями. Интрига, возникшая
въ семействѣ короля, окончательно погубила Сиренгтпортена
во мнѣніи его Государя.

Мать Густава, Ульрика Ловиза, благодаря своему беспокой-
ному характеру, всячески выдвигала младшаго сына, своего
любимца Фридриха, мечтая доставить ему корону независи-
мой Финляндіи. Спренгтпортенъ, недовольный королемъ,
далъ втянуть себя въ эту интригу.

Въ Россіи уже десять лѣтъ царствовала Великая Екате-
рина. Иностранка по рожденію, она сумѣла проникнуться
духомъ русскаго
народа, сумѣла по-
нять его интере-
сы и съ замѣ-
чательной муд-
ростью и силой
повела иностран-
ную политику.
Вскорѣ, ближай-
шіе сосѣди Рос-
сіи: турки, поля-
ки и шведы дол-
жны были убѣ-
диться, что вели-
кій духъ Петра
воскресъ для Рос-
сіи.

Екатерина.

Русская государыня не могла оставаться равнодушною
зрительницею событій, происходившихъ въ Швеціи. На гра-
ницу Финляндіи были посланы войска, и Данія, союзница

Россіи, приступила къ военнымъ приготовленіямъ. Къ счастію для Швеціи, Россія въ это время воевала съ Турциєю и Густавъ могъ свободно заняться внутренними дѣлами. Узнавъ, что совершенный имъ переворотъ возбуждаетъ неудовольствіе его могущественной сосѣдки, Густавъ, неожиданно для всѣхъ, поѣхалъ въ 1777 г. въ Петербургъ и такъ сумѣлъ расположить къ себѣ эту сосѣдку и родственницу, что Екатерина, передъ открытиемъ въ Швеціи очереднаго риксдага, отзовала своего резидента изъ Стокгольма, чтобы не дать повода къ интригамъ противъ короля.

Риксдагъ 1778 г. долженъ былъ имѣть для Густава решающее значеніе. Приступая съ помощью Спренгтпортеновъ въ 1772 г. къ государственному перевороту, Густавъ говорилъ, что предпринимаетъ эту мѣру въ видѣ опыта на шесть лѣтъ. Закрывая собраніе, онъ выражалъ земскимъ чинамъ намѣреніе снова призвать ихъ къ власти. Въ 1778 г. срокъ истекъ, по Густаву и не думалъ поступаться завоеванными правами. Сословія, вполнѣ довольные виѣшней политикой короля, выказали ему полное довѣріе. Державы могли убѣдиться, что между королемъ и народомъ существуетъ полное согласіе.

Вскорѣ государственнымъ чинамъ пришлось скрѣпить узы съ королемъ, участіемъ въ семейномъ торжествѣ. 1 Ноября родился наслѣдникъ. Густавъ-Адольфъ и сословія черезъ своихъ представителей получили приглашеніе присутствовать на крестинахъ. По этому случаю земскіе чины поднесли новорожденному подарокъ въ 300,000 рейхдалеровъ. Королю, королевѣ и герцогу Карлу также сдѣланы были подарки. Третью часть подарка Густавъ пожертвовалъ бѣднѣйшимъ плательщикамъ налоговъ, чѣмъ еще больше разогрѣлъ сердца подданныхъ. Финляндія тоже не была за-

быта. Депутаты отъ лица народа благодарили короля за всѣ его милости и за то, что онъ, и опять, и навѣки возвысилъ финскій народъ.

Аньяльскій заговоръ и 3-лѣтняя война. Броженіе умовъ.

Преданность населенія своему монарху была впѣ сомнѣнія, но въ тоже время недовольные элементы старались усилить свою партію и поддерживали броженіе умовъ. Чтобы удержать въ рукахъ власть, Густаву приходилось постоянно напрягать всѣ силы. Ему казалось, что для воздействиа на умы самымъ лучшимъ средствомъ была бы военная слава. Задумавъ напасть на Данію, Густавъ хотѣлъ заручиться поддержкою русской Императрицы. Съ этой цѣлью онъ, въ 1783 г. отправился въ Фридрихсгамъ, куда должна была пріѣхать также Екатерина. На дорогѣ Густавъ упалъ съ лошади, сломалъ себѣ руку и принужденъ былъ остаться двѣ недѣли въ Тавастгусѣ. Прибывъ, наконецъ 29-го Іюня въ Фридрихсгамъ, онъ былъ принятъ какъ гость Екатерины. Переговоры не привели къ желаемому результату. Екатерина была слишкомъ умна, чтобы примкнуть къ рискованнымъ планамъ Густава, особенно относительно Даніи, ея старой союзницы. Не дождавшись удовлетворительного отвѣта, Густавъ уѣхалъ заграницу, куда онъ часто спасался отъ бремени государственныхъ заботъ и скуки своихъ резиденцій. Случалось, что король не видалъ своего государства по нѣсколько лѣтъ. Въ настоящую отлучку, въ 1785 г. Швецію и Финляндію посѣтилъ неурожай столь сильный, что всей странѣ угрожали бѣдствія голода, еслибы не своевременная помощь со стороны Россіи, открывшей сосѣдямъ свои хлѣбные магазины.

Образъ жизни Густава и громадныя суммы, которыя онъ тратилъ на свои поѣздки заграницу, раздражали правящіе классы. Засѣданія риксдаговъ стали принимать бурный и разнузданный характеръ. Молодые дворяне, побывавшіе на службѣ во французскихъ войскахъ, еще больше разжигали неудовольствіе.

Они вывезли оттуда порядочный запасъ революціонныхъ идей, бывшихъ тамъ въ полномъ разгарѣ. Модная словечки: свобода, равенство, братство не сходили съ языка. Финляндія, стоявшая долго въ сторонѣ отъ умственной культуры Европы, теперь тоже заразилась новыми идеями. Тогдашнее масонство, прикрывавшееся знаменемъ любви къ человѣчеству, играло въ политическомъ отношеніи не маловажную роль. Большимъ вліяніемъ пользовалась ложа „Валгалла“ въ Свеаборгѣ, имѣвшая отдѣлы и въ другихъ частяхъ Финляндіи. Не замедлила и здѣсь образоваться партія противодѣйствія, относившаяся съ большимъ сочувствіемъ къ обособленію Финляндіи. Душой этой партіи былъ Спренгтпортенъ. Побывавъ заграницей, онъ не переставалъ носиться съ плакомъ освобожденія Финляндіи, прототипомъ котораго служила ему американская война за освобожденіе. Такъ какъ Спренгтпортенъ и раньше былъ популяренъ въ Финляндіи, то неудивительно, что молодежь, особенно дворяне, отнеслись къ его плану съ восторгомъ. Вожаками партіи обособленности были: эксъ-намѣстникъ де-Гееръ, капитанъ Егерхорнъ, маіоръ Кликъ и полковникъ Хестеско. Глава партіи, Спренгтпортенъ, не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыхъ на него возлагались. Онъ дѣйствовалъ безъ системы, бросался отъ одного плана къ другому, предлагалъ Финляндскую корону королевскимъ братьямъ поочередно, измышлялъ даже Финляндскую республику. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ, что отторженіе Фин-

ляндії отъ Швеції возможно только при помощи Россії и перешелъ на службу Екатерины.

Когда въ 1786 г. собравшіеся земскіе чины занялись обсужденiemъ мѣръ вспомоществованія мѣстностямъ, постигнутымъ неурожаемъ, Густавъ, какъ и прежде, надѣялся играть руководящую роль; но на этотъ разъ онъ ошибся. Земскіе чины оказались менѣе сговорчивыми, чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ. Они позволили себѣ напомнить королю ограничія, въ которыхъ ставила его новая форма правленія и имъ выраженное желаніе „быть первымъ гражданиномъ свободнаго народа“. Ясно было, что народъ, въ лицѣ своихъ представителей, потерялъ довѣріе къ королю и тяготился его произволомъ.

Непріязненное отношение сословій окончательно убѣдило Густава, что для поддержки его королевского значенія необходимы военные успѣхи. Ништадскій и Абосскій миръ не переставали уязвлять самолюбіе шведовъ. Монархъ, который вернуль бы Швеції утраченныя земли, тѣмъ самымъ упрочилъ бы свое положеніе на престолѣ. Это отлично понималъ Густавъ; понимала и Великая Екатерина; но вовлеченнная въ войну съ Турцией, должна была всѣ помыслы свои направить на югъ. Густавъ пытался воспользоваться затрудніями Россіи, чтобы привлечь на свою сторону европейскія державы, но потерпѣвъ неудачу, снова поѣхалъ въ Финляндію съ цѣлью воздѣйствовать на народъ. Чтобы еще болѣе разогрѣть сердца, онъ взялъ съ собой наследника, 8-лѣтняго Густава-Адольфа, наученнаго немногого говорить по фински. Финны, не избалованные королевскимъ вниманіемъ, пришли въ полный восторгъ и высказали королю горячую преданность и любовь. Желая показать, что финны также близки его сердцу, какъ и шведы, Густавъ избралъ

въ свою свиту двухъ финляндцевъ, получившихъ потомъ историческую извѣстность: графа Морица Армфельда „сѣвернаго Алкивіада“ и Іоганна Фридриха Аминова, капитана гвардіи. Финское дворянство и офицерство было, конечно, польщено такимъ выборомъ, и этотъ поступокъ не остался безъ вліянія на сердца.

Ободренный такимъ результатомъ, Густавъ въ началѣ Мая 1788 г. сталъ стягивать войска къ смежнымъ съ Выборгской губерніей Саволаксу и Кареліи, а начальнику войскъ Гастфера приказалъ при первой же возможности занять Нейшлотъ.

✓ Спренгтпортенъ, бывшій уже на русской службѣ, подбивалъ Екатерину начать военные дѣйствія, увѣряя ее, что финны спять и видѣть попасть въ русское подданство. Но мудрая Государыня не поддавалась этимъ внушеніямъ зная, что наступательные дѣйствія съ ея стороны развязали бы Густаву руки и онъ могъ бы, подъ предлогомъ обороны страны, объявить войну, не ожидая согласія риксдага. Такъ оно въ дѣйствительности и было. Съ нетерпѣніемъ ожидая предлога начать войну, Густавъ писалъ своимъ генераламъ, чтобы они всячески старались втянуть русскихъ въ какуюнибудь, хоть частную, скору и заставить ихъ перейти границу. „Хоть бы стогъ сѣна сожгли въ шведской Финляндіи, и того достаточно“, писалъ онъ.

При неопределенности границъ, случаи перехода постоянно бывали, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Теперь же, зная намѣренія Густава, русскіе держались насторожѣ. Но Густаву нуженъ былъ предлогъ и онъ нашелся. Нѣсколько, будто бы, русскихъ солдатъ перешли границу въ Саволаксѣ и совершили безчинства. Нынѣ, рядомъ доку-

ментовъ доказано, что перешедшіе границу были вовсе не русскіе, а финскіе солдаты, переодѣтые въ русскую форму¹⁾.

Теперь и въ Петербургѣ начались приготовленія. Такъ какъ главныя силы находились на югѣ, то сухопутныя войска предназначались только для защиты русской Финляндіи; вся же надежда возлагалась на флотъ, который подъ пачальствомъ адмирала Грейга и при содѣйствіи датскаго флота долженъ быть угрожать шведскимъ берегамъ. Предводительство арміей въ Финляндіи поручено было Мусину-Пушкину; у шведовъ—главнокомандующимъ былъ графъ Карлъ Густавъ Армфельдъ, дядя Морица Армфельда.

Густавъ, который всегда любилъ рисоваться, и въ приготовленіяхъ къ войнѣ отличился иѣкоторой театральностью. Онъ хвастался, что скоро будетъ въ Кронштадтѣ и приглашалъ шведскихъ дамъ танцевать въ Ораніенбаумѣ. Одному изъ своихъ генераловъ онъ описывалъ, какъ его провожали къ берегу моря родственники, сановники, придворные, дамы, пажи. Садясь въ шлюпку, онъ далъ сенаторамъ поцѣловать свою руку; на народное привѣтствіе прокричалъ ура. „Мысль о моемъ громадномъ предпріятіи,—писалъ онъ,—толпившійся на берегу народъ, мстителемъ котораго я являлся, мысль о томъ, что я могу отомстить за Турцію, что имя мое станетъ извѣстно всему миру, возбуждали во мнѣ подъемъ духа, помогавшій мнѣ спокойно относиться къ ожидавшимъ меня опасностямъ“.

Эти хвастливыя рѣчи дошли до Петербурга и возбудили тревогу. Чтобы успокоить населеніе, Императрица перѣехала изъ Царскаго Села въ Петербургъ и говорила, что въ слу-

¹⁾ Брикиеръ.

часть надобности сама выступить съ войскомъ на границы Финляндіи.

Военныя дѣйствія начались съ осады Нейшлота (2 Июня 1788 г.). Король находился въ Гельсингфорсѣ. Шведскій флотъ подъ предводительствомъ герцога Карла, двинулся изъ Карлскроны. Онъ долженъ былъ выгнать русскихъ изъ Финского залива. Густавъ же задумалъ вести свою армію къ Петербургу. 6 Июля, на морѣ, при Гохландѣ произошло жаркое дѣло, которое посбило спѣси съ Густава. Хотя результатъ остался неопределеннымъ, все же Густаву не трудно было убѣдиться, что вытѣснить русскихъ изъ Финского залива не такъ то легко.

Шведскій флотъ удалился къ Свеаборгу, а король, съ рѣшимостью достойной лучшаго дѣла, принялъ на себя командованіе арміей и рѣшилъ завоевать Фридрихсгамъ.

По чрезмѣрной самонадѣянности, свойственной большинству людей неспособныхъ, Густавъ взялъ па себя совсѣмъ неподходящую роль главнокомандующаго. Цѣлый мѣсяцъ войска его слонялись съ мѣста на мѣсто и изнурялись безъ всякой пользы. Угрозы Нейшлоту такъ и остались угрозами. Противъ слабо укрѣпленнаго Фридрихсгама не было сдѣлано никакихъ попытокъ. Недостатокъ продовольствія доходилъ до того, что солдаты питались однимъ хлѣбомъ и только по праздникамъ получали немного мяса. Войска начали роптать. Офицеры, вмѣсто того, чтобы поддерживать дисциплину и подавать примѣръ исполненія долга, подстрекали солдатъ, пугая ихъ русскими войсками. Полковые командиры уговаривали Густава прекратить войну, но послѣдовать этому соѣту было уже невозможно. Въ дѣлѣ замѣшана была не только личная честь короля, но и достоинство его государства.

Между тѣмъ, русскіе начальники хотѣли, было, воспользоваться неурядицей и возстановить миръ черезъ посредство близкаго къ королю лица, Армфельда, финляндца родомъ. Армфельдъ обѣщалъ свое содѣйствіе, по Екатерина не повѣрила миролюбію Густава, да едва-ли оно и существовало.

Затрудненія шведскаго короля все возростали. Финскіе офицеры предъявили требованія къ прекращенію войны заявляя, что солдаты двухъ финскихъ полковъ разобрали палатки и собираются возвратиться на родину. Густавъ самъ обратился къ солдатамъ и они, единодушно, выразили ему горячую преданность и готовность жертвовать за него жизнью. Слова свои они подкрѣпили клятвою; но когда Густавъ началъ рѣшительно приготвляться къ осадѣ Фридрихсгама, то офицеры, съ полковникомъ Хестеско во главѣ, воспротивились, и около ста человѣкъ подали въ отставку, ссылаясь на то, что война начата незаконно, т. е. безъ согласія государственныхъ чиновъ. Густавъ упалъ духомъ и удалился къ Гегфорсу и Кюменогорду подъ прикрытие своего галернаго флота.

Въ это же время въ средѣ финскихъ офицеровъ возникли намѣренія для русскихъ совсѣмъ неожиданныя. Въ одномъ изъ финскихъ отрядовъ, въ мѣстечкѣ Ликкала, началось особое броженіе. Офицеры, между которыми было много сторонниковъ идеи отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи, рѣшили на свой рискъ и страхъ повести переговоры о заключеніи мира исключительно отъ лица финской арміи и непосредственно съ самой Императрицей. Имѣлось въ виду говорить также и обѣ отдѣленіи Финляндіи. Они явились въ палатку главнокомандующаго Армфельда и увѣрили его, что король будетъ очень радъ, если дѣло о мирѣ устроится безъ его вмѣшательства. Заговорщики составили бумагу (меморіалъ)

и семъ офицеровъ: Армфельдъ, фонъ Оттеръ, Хестеско, Клиингспоръ, фонъ Котенъ, Энегельмъ и Кликъ ее подпи-
сали. Восьмой участникъ, Егерхорнъ, не подписывалъ, т. к.
онъ имѣлъ порученіе везти бумагу въ Петербургъ и лично
переговорить съ Императрицей о томъ, чего въ бумагѣ не
было. Чтобы скрыть свою поѣзdkу въ Россію офицеры разы-
грали комедію стычки съ русскими, въ которой Егерхорнъ,
будто бы, взять былъ въ плѣнъ.

Екатерина милостиво приняла Егерхорна и ограничилась
общими фразами о своемъ дружелюбіи, не давая никакихъ
обѣщаній.

Затѣя финскихъ заговорщиковъ явилась неожидан-
ностью даже для Спренгтпортена. Этотъ генераль находился
въ то время въ Олонцѣ, откуда онъ подготовлялъ нападе-
ніе на Карелію и черезъ Соловаксъ на Эстерботнію. Глав-
ныя же силы Мусина-Пушкина шли берегомъ въ Або. Нео-
жиданная выходка финскихъ офицеровъ побудила Спренг-
тпортена спѣшно вернуться изъ Олонца.

Горсточка Ликейскихъ заговорщиковъ пополнилась еще
полсотнею единомышленниковъ, офицеровъ изъ сосѣдняго
мѣстечка Аньялы. Эти господа, извѣстные въ исторіи подъ
названіемъ „Аньяльскихъ конфедератовъ“, задумали создать
самостоятельное государство нетолько изъ шведской Финляндіи,
но и изъ той ея части, которая добыта была Петромъ
Великимъ цѣною русской крови. Посягая на собственность
Россіи, Аньяльцы открыто признавали, что самостоятельная
Финляндія можетъ существовать только подъ охраною рус-
ской Державы.

Справедливость требуетъ сказать, что не только шведскіе
офицеры, служивши въ финскихъ войскахъ, но и многіе
финны не знали настоящихъ замысловъ Аньяльскихъ заго-

ворщиковъ. Ихъ намѣренія, какъ мы знаемъ, не были выяснены въ русскомъ меморіалѣ и потому многимъ не были известны. Требованія главнымъ образомъ сводились къ тому, чтобы война, начатая незаконно, была окончена и чтобы созваны были государственные чины. Требованія аньядльцевъ, изложенныя въ шести пунктахъ, представлены были Армфельдтомъ королю. Густавъ не пожелалъ имѣть дѣла съ „измѣнниками“ и не сталъ читать бумаги. Возмущеніе росло и въ нѣсколько дней дошло до открытой революціи. Вскорѣ и самая личность короля оказалась въ опасности. Поговаривали, что полковнику Хестеско, человѣку рѣшительному и жестокому, поручено его арестовать.

Между тѣмъ, финскіе полки, а за ними и шведскіе начали отступать, Гастферъ снялъ осаду Нейшлота. Грейгъ держалъ взаперти шведскій флотъ у Свеаборга; фонъ-Дезипъ дѣлалъ набѣги на шведскіе берега. Данія, въ качествѣ союзницы Россіи, собиралась объявить войну Швеціи. Въ Стокгольмѣ было неспокойно. При такихъ обстоятельствахъ Густавъ счелъ за лучшее возвратиться въ отчество, передавъ командованіе брату своему Карлу Зюдерманландскому. Съ этого времени кампанію 1788 г. можно считать оконченной.

Конецъ Аньядльскому заговору.

Спренгтпортенъ, съ энергией, достойной лучшаго дѣла, вознамѣрился воспользоваться Аньядльскимъ движениемъ, чтобы осуществить свою излюбленную мечту. Но несмотря на всѣ усилия, ему трудно было теперь соединить разрозненныхъ членовъ въ одно цѣлое. „Не легко,—говорилъ онъ,— всѣ эти слабыя головы побудить къ рѣшимости. Безъ силь-

наго толчка мало можно надѣяться на ихъ собственныя уси-
лія". Чтобы помочь этимъ усиліямъ, Спренгтпортенъ заду-
малъ сдѣлать рѣшительный шагъ. Заручившись самыми го-
рячими сторонниками самостоятельности Финляндіи, де-Ге-
еромъ и Егерхорномъ, онъ разсчитывалъ, въ то самое время,
когда русскіе появятся въ Саволаксѣ, собрать Финляндскія
состовія въ С. Михелѣ, избрать ландмаршаломъ де-Геера и
провозгласить переворотъ.

Ближайшія сношенія съ Аньядльцами выяснили Спренгт-
портену, какъ мало между ними было настоящихъ сторо-
никовъ обособленности. Что же касается народа, то на него
совсѣмъ нельзя было разсчитывать. Народъ ропталъ на
войну и жаждалъ мира, но отсюда до измѣны была цѣлая
пропасть. Теперь же, когда отечество было въ опасности,
его преданность и вѣрность выражалась еще краснорѣ-
чиемъ.

До Спренгтпортена дошли слухи, что герцогъ Карлъ пи-
таетъ самъ, въ отношеніи Финляндіи, честолюбивые замыс-
лы. Не провѣря этихъ слуховъ, Спренгтпортенъ поспѣшилъ
донести о нихъ Императрицѣ. „Желаетъ ли Ваше Величес-
тво признать принца Карла царствующимъ въ Финляндіи
герцогомъ подъ Вашимъ Высочайшимъ покровительствомъ,
или угодно будетъ, устранивъ всякую тѣнь личной власти,
принять финскую націю свободною и независимою. Для до-
стиженія перваго, нужно только „да, со стороны Вашего
Величества, и „ура“ со стороны народа. Второе же будетъ
труднѣе“ Первое предложеніе Екатерина рѣшительно от-
вергла, на второе не дала отвѣта. Ея государственный умъ
былъ занятъ болѣе важными задачами.

Съ удаленіемъ шведскихъ войскъ начало угасать дѣло
Аньядльскихъ конфедератовъ. Угаръ, одурманившій пылкія

головы, сталъ проходить. Опасность, въ которой находилось отечество, пробудила лучшія чувства. Въ тоже время обстоятельства въ Швеціи приняли для Густава благопріятный оборотъ. Когда датчане, одержавъ нѣсколько побѣдъ, осадили Готтенбургъ, Густавъ отправился въ провинцію Далекарлію и обратился къ народу съ воззваніемъ. Мѣсто было выбрано удачно. Здѣсь, два вѣка назадъ, Густавъ Ваза сумѣлъ поднять духъ народа при подобныхъ же условіяхъ и отбилъ нападеніе датчанъ. Далекарлія, населенная мужественными и преданными своимъ королямъ горцами, не измѣнила преданіемъ. Густавъ, возбудивъ народный энтузіазмъ, достигъ снятія осады и удаленія врага изъ предѣловъ Швеціи. Такой благопріятный исходъ не только сгладилъ недовольство народа, но и вызвалъ истинное сочувствіе. При вѣзѣ Густава въ Стокгольмъ, народъ пришелъ въ такой восторгъ, что даже везъ на себѣ его экипажъ.

Въ Финляндіи тоже проснулась заглохшая, было, преданность къ королю. Аньяльскихъ конфедератовъ открыто называли измѣнниками. Говорили, что они хотятъ продать Финляндію Россіи. Имена Спренгтпортена и другихъ произносились съ проклятіями. Особенно доставалось фанатику Хестеско. „Hästsko“, какъ известно, значитъ подкова. Поэтому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось проѣзжать этому офицеру, народъ устраивалъ висѣлицы и вѣшалъ на нихъ подковы, ясно выражая, какой участіи онъ считалъ этого героя достойнымъ.

Съ своей стороны и герцогъ Карлъ, который какъ будто бы мирволовилъ конфедератамъ, что и подало поводъ къ обвиненію его въ искательствѣ финляндской короны, теперь энергично принялъся за подавленіе броженія. Финскіе полки были удалены отъ границъ и замѣнены шведскими. Всѣмъ

намѣстникамъ разосланъ былъ циркуляръ съ требованіемъ строжайшихъ мѣръ противъ тайного политического движенія. Появились летучіе листки въ самыхъ черныхъ краскахъ выставляющіе замыслы заговорщиковъ. По всему видно было, что наступила реакція. Со стороны Россіи Аньальцамъ было внушено, чтобы они прінесли повинную своему правительству и на поддержку Россіи не разсчитывали.

Въ Январѣ 1789 г. арестованы были: генералъ Армфельдъ, Хестеско, фонъ Оттеръ и другіе. Всѣ они были отвезены въ Стокгольмъ и заключены въ крѣпость. Нѣкоторые, въ томъ числѣ Егерхорнъ и Кликъ бѣжали въ Россію. Спренгтпортенъ чуть не схватили въ его имѣніи близъ Борго, но онъ успѣлъ скрыться. Голова его была оцѣнена въ 3,000 талеровъ. Бывшіе конфедераты, слѣдовавши подъ конвоемъ къ мѣсту заключенія, могли теперь убѣдиться какъ мало народъ сочувствовалъ ихъ замысламъ. Ихъ встрѣчали и провожали съ ненавистью, какъ измѣнниковъ и враговъ отечества.

Верховный судъ приговорилъ всѣхъ заговорщиковъ къ смертной казни, но король помиловалъ ихъ кромѣ Хестеско, который и былъ обезглавленъ. Смертный приговоръ остался въ силѣ и для бѣжавшихъ въ Россію, между которыми Спренгтпортенъ считался главнымъ подстрекателемъ.

Кампанія 1789 г.

Какъ только Густавъ убѣдился въ выгодномъ для него поворотѣ общественного мнѣнія, онъ, по собственному почину, собралъ въ концѣ Января 1789 г., сословія въ Стокгольмѣ. Открывъ риксдагъ блистательной рѣчью, онъ краснорѣчиво изобразилъ опасность, въ которой находится отечес-

тво вслѣдствіе посягательства сосѣдей на Финляндію. Онъ находилъ необходимымъ, чтобы всѣ сословія, въ томъ числѣ и крестьянское, имѣли своего представителя въ „Тайномъ Совѣтѣ“ для обсужденія дѣлъ, касающихся безопасности государства. Не дворянскія сословія были конечно очень благодарны; дворянство же выказало сильную оппозицію, которая, впрочемъ, ни къ чему не повела. Предводитель оппозиціи, старый графъ Ферзенъ и другіе, всего 14 человѣкъ, были арестованы. На другой день, король явился въ сеймовый залъ и предложилъ сословіямъ поправку къ конституції 1772 года, известную подъ названіемъ: „Акта соединенія и безопасности 1789 года“. Три не дворянскія сословія тотчасъ же дали свое согласіе. Дворяне пробовали протестовать, но наконецъ и они должны были согласиться. 3 Апрѣля ландмаршаль и тальманы утвердили поправку, получившую такимъ образомъ силу закона.

Новая форма правленія давала королю почти неограниченную власть. Теперь онъ могъ отъ себя лично объявлять войну и заключать миръ. Риксдагъ потерялъ значеніе; свобода мнѣній была стѣснена. Предсѣдатель Вазасскаго суда, Лоде, избранный на эту должность вопреки желанію короля, тотчасъ же былъ отставленъ съ приказаніемъ возвратиться въ свое помѣстье. Произволъ короля сказывался вездѣ и во всемъ. Напуганный Аньяльскимъ заговоромъ, онъ далъ тайное порученіе брату своему Карлу дѣйствовать на умы финновъ такимъ образомъ, чтобы внушить имъ о настоящей войнѣ то, что имъ думать надлежитъ; если же кто станетъ разсуждать иначе, то брать таковыхъ подъ стражу и поступать какъ съ преступниками. Эти предосторожности оказались излишними. Представители финскаго крестьянства на особо поднесенномъ адресѣ королю прямо говорили: „Во всей Фин-

ляндіи не найдется ни одного крестьянина, который не право
помыслил бы противъ своего короля и отечества. Помоги
намъ противъ нашихъ явныхъ и тайныхъ враговъ, а мы до
конца будемъ защищать Ваше Величество и Государство".
Что эти слова были искрени, въ томъ пришлось убѣдиться
русскимъ войскамъ въ настоящую войну и въ послѣду-
ющую.

Густавъ, въ виду такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ,
сталъ дѣятельно готовиться къ продолженію войны съ Россіею.

На русской границѣ находились только незначительные
финскіе отряды, которые стали пополняться добровольцами.
Нѣкоторые округа вооружились почти поголовно. Даже Лап-
ландцы, освобожденные вообще отъ военной службы, выста-
вили сто человѣкъ. Жители верхней Кареліи организовали
еще въ предыдущемъ году ополченіе для защиты границы.
Швеція, угрожаемая Даніей, не могла дать Финляндіи боль-
шихъ подкрѣплений. Въ концѣ Мая Густавъ, черезъ Аландъ
и Або, пріѣхалъ въ свою главную квартиру въ Борго. Со-
ставъ арміи былъ приблизительно таковъ: на Кюмени 13,000;
въ Саволакскомъ отрядѣ подъ начальствомъ Стединка 5,000;
и на финскомъ шхерномъ флотѣ 5,500.

Передъ началомъ военныхъ дѣйствій въ 1788 г. Россія,
какъ мы видѣли, мало была приготовлена къ войнѣ. Про-
ходы были открыты, шведы безъ труда вторглись въ русскую
Финляндію и при способномъ главнокомандующемъ легко
могли бы овладѣть Нейшлотомъ и Фридрихсгамомъ. Въ слѣ-
дующемъ же году всѣ проходы были заняты русскими вої-
сками и шведамъ очень трудно было подвигаться впередъ.
Русскимъ главнокомандующимъ былъ по прежнему Мусинъ-
Пушкинъ; въ числѣ второстепенныхъ начальниковъ нахо-
дился Спренгтпортенъ, сражавшійся теперь противъ своей

родины и даже противъ той самой Саволакской бригады, въ которой онъ прежде начальствовалъ и былъ очень любимъ.

Въ концѣ Мая корпусъ Михельсона вступилъ въ юго-восточную часть шведской Финляндіи и устремился къ С. Михелю, гдѣ собраны были шведами значительные запасы. Онъ имѣлъ удачное дѣло при Киро и занялъ Кристиану; но затѣмъ, потерпѣлъ неудачу, бывъ застигнутъ врасплохъ при Парасальми. Во время нападенія Спренгтпортенъ ударили съ своимъ отрядомъ на авангардъ финновъ, но послѣ кровопролитной схватки, былъ отбитъ и, раненый, едва не попалъ въ плѣнъ. Въ этой схваткѣ финны вели себя молодцами и поддержали свою боевую славу. Въ Іюнѣ русская армія вторично напала на Парасальми, оттѣнила Стединка и заняла С. Михель. Соединительная линія шведскихъ войскъ была разорвана, русскіе укрѣпились въ Рапдасальми, имѣя такимъ образомъ, возможность прикрыть Нейшлотъ. Вскорѣ, однако, Стединкѣ разбилъ русскаго генерала Шульца и оттѣнилъ его въ русскіе предѣлы.

Густавъ съ своими силами находился уже за Кюменью и не встрѣтивъ сопротивленія, занялъ Гегфорсъ и Кюменогордъ.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ на сухомъ пути не произошло въ этотъ годъ ничего замѣчательнаго. На морѣ перевѣсь силъ былъ на сторонѣ русскаго флота, который несомнѣнно господствовалъ въ Финскомъ заливѣ. Но флотъ началъ свои дѣйствія поздно и втеченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ войска были лишены его поддержки. Только 12-го Августа, при Роченсальмѣ (Свенскзундѣ) произошло на морѣ большое дѣло. Русскій галерный флотъ подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена одержалъ надъ шведскимъ флотомъ крупную победу.

Послѣдствіемъ Роченсальмской битвы было очищеніе шведами русской Финляндіи. Екатерина требовала усилен-

наго преслѣдованія Густава, перенесенія оружія въ землю непріятельскую и наконецъ взятія Гельсингфорса; но, благодаря неспособности русскихъ военачальниковъ, ни одно изъ ея требованій не было приведено въ исполненіе.

Кампанія 1789 г. также какъ и предыдущая кончилась ничѣмъ. Густаву уже падоѣла игра въ войну и онъ быль бы не прочь заключить миръ на почетныхъ условіяхъ, но такъ какъ таковыхъ не представлялось, то пришлось готовиться къ слѣдующей кампаніи, которая должна была открыться ранней весной. Считая необходимымъ усилить флотъ, Густавъ приказалъ собрать въ Гельсингфорсъ, Борго и Ловизѣ всѣ купеческія суда для передѣлки въ военные, и самъ разъѣзжалъ по финскому берегу для ускоренія дѣла. Населеніе приморскихъ финскихъ городовъ не только строило суда за счетъ правительства, но и приносило многія отъ себя въ даръ. Даже финскія дамы соорудили и вооружили отъ себя каноперскую лодку.

Такимъ образомъ, къ веснѣ 1790 г. у шведовъ образовался шхерный флотъ въ 3,000 орудій. Въ началѣ марта, нѣсколько шведскихъ судовъ подошли къ Балтійскому порту. Магазины были выжжены, пушки заклепаны и комендантъ де-Роберти сдался. Шведы взяли 4,000 контрибуцій и ушли.

Кампанія 1790 г.

Возлагая большія надежды на флотъ, Густавъ, для отвода глазъ русскимъ, прїѣхалъ въ началѣ марта въ С. Михель и началъ дѣлать попытки проникнуть въ русскую Финляндію черезъ Саволаксъ. По глубокому снѣгу пришлось перетаскивать пушки. Король раздѣлялъ труды и лишенія съ солдатами, ночевалъ подъ открытымъ небомъ, въ стычкахъ самъ

предводительствовалъ войскомъ и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Шведы заняли значительные пункты въ Карнакоски и Пардакоски, вытѣснивъ оттуда русскихъ. Также и на Кюмени русскіе были сначала оттѣснены. На стычкѣ близъ Валькіала король былъ легко раненъ, и шведы, восхищенные храбростью своего короля, требовали для него ордена Меча I ст. Но Густавъ имѣлъ настолько такта чтобы уклониться, говоря, что для такой чести необходимо оказать отечеству еще большія услуги. Нѣсколько дней спустя русскіе уже прогнали шведовъ за Кюмень, погнались за ними, отняли нѣсколько пушекъ и заняли мѣстечко Аньяла.

Послѣ этой неудачи Густавъ перенесъ свою главную квартиру на галерный флотъ и рѣшился дѣйствовать противъ Фридрихсгама и взять его; затѣмъ, соединивъ войско и флотъ между Выборгомъ и Петербургомъ, оттуда уже дѣйствовать противъ русской столицы.

Густавъ не придавалъ большого значенія русскимъ морскимъ силамъ и въ этомъ была его ошибка.

Шведы надѣялись русскими имѣли то преимущество, что ихъ воды освободились отъ льда раньше и они могли начать дѣйствовать, когда русскій флотъ былъ еще запертъ льдами въ портахъ. Разсчитывая на это, принцъ Карлъ Зюдерманландскій, 2 Мая, напалъ на русскій флотъ въ Ревельѣ, въ надеждѣ разгромить его и открыть себѣ путь къ Петербургу. Но въ эту необычайно теплую зиму ревельскій рейдъ былъ покрытъ льдомъ только до Февраля и флотъ свободно могъ дать отпоръ непріятелю, который потерпѣлъ полное пораженіе, потерявъ два корабля. Бой начался въ 10 ч., а въ половинѣ первого шведы уже покинули Ревельскій заливъ.

23-го Мая была большая битва между островомъ Сескаромъ и Кронштадтомъ. Въ этой битвѣ принималъ участіе и

король съ своимъ шхернымъ флотомъ. Сильная канонада была слышна въ Петербургѣ, гдѣ произвела большую тревогу. Одна Екатерина не потеряла присутствія духа. Она заботилась обо всемъ, даже о мелочахъ. Въ случаѣ нужды она готова была принять участіе въ сраженіи и сложить голову.

Густаву интересно было узнать, слышна ли канонада въ Царскомъ. Эти рѣчи дошли до Петербурга черезъ посредство двухъ пасторовъ, взятыхъ съ берега на королевскую яхту. Екатерина, узнавъ объ этомъ, велѣла при случаѣ передать Его Величеству королю Швеціи, что Императрица очень тронута его вниманіемъ къ ея особѣ; что она нарочно перѣхала въ Петергофъ, чтобы лучше слышать канонаду; что ей по опыту извѣстно, какъ милостиво къ ней Провидѣніе, которое хранить ее и ея Имперію отъ несправедливыхъ посягательствъ ея враговъ, потратившихъ много пороху безъ всякой пользы.

Адмиралъ Крузъ, извѣстный герой Чесменской битвы, въ своемъ донесеніи о сраженіи 23 го мая писалъ: „Его Величество заблагоразсудилъ обратить свое вниманіе на меня. Но сдѣланная ему изъ орудій салютация съ музыкою принудила его отдалиться и, изъ гнѣва, онъ приказалъ тремъ своимъ кораблямъ атаковать меня“.

Эскадры Чичагова и Круза слѣдили за шведскимъ флотомъ и не выпускали его изъ Выборгскаго залива. Съ каждымъ днемъ положеніе шведовъ становилось опаснѣе. Люди были изнурены, припасы вышли; самъ король получалъ только необходимое.

✓ 21—22 Іюня между двумя враждующими флотами произошло большое сраженіе. Шведы были разбиты на голову. Къ довершенію бѣдствій шведскій брандеръ, пущенный на

русскую эскадру, съѣлъ на мель и зажегъ свои два судна, которыхъ и взорвало. Шведы бѣжали. Густавъ спасался на небольшой шлюпкѣ; и когда его гребецъ былъ убитъ, то присталъ къ галерѣ, вмѣстѣ съ которой чуть не былъ взятъ въ плѣнъ адмираломъ Кроуномъ.

Уцѣльвшіе шведскіе корабли ушли къ Свеаборгу; шхер-
пый флотъ укрылся въ Роченсальмской бухтѣ.

Пораженіе, нанесенное шведамъ въ Выборгскомъ заливѣ, было изъ самыхъ сильныхъ. Они потеряли не сколько большихъ кораблей и множество мелкихъ судовъ; людей убито и ранено до 3,000; попало въ плѣнъ до 5,000. Флотъ былъ обезсиленъ, войско упало духомъ; самъ Густавъ съ трудомъ боролся съ овладѣвшимъ имъ уныніемъ. Его ожидало безславіе и потеря короны, или же, по меньшей мѣрѣ, потеря правъ съ такимъ трудомъ добытыхъ отъ сословныхъ представителей. Страшный ударъ, нанесенный шведамъ, обезпокоилъ правительства западныхъ державъ. Но не успѣли они еще ничего предпринять, какъ обстоятельства измѣнились въ пользу Густава и шведовъ. Легкомысленный поступокъ Нассау-Зигена лишилъ Россію большей части тѣхъ выгодъ, которыхъ дали ей побѣды.

28-го Іюня, день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, Нассау задумалъ отпраздновать побѣдою надъ шведами. Онъ надѣялся взять въ плѣнъ короля, для которого на кораблѣ приготовлена была даже каюта. Мѣстомъ сраженія былъ выбранъ Свенкзундъ или Роченсальмская бухта, та самая, въ которой принцъ Нассау разбилъ шведовъ въ предыдущемъ году. Но па этотъ разъ результатъ получился совсѣмъ обратный. Неудачные распоряженія Нассау и жестокая буря въ узкомъ и каменистомъ проливѣ предали русскій галерный флотъ въ руки непріятеля. Нассау поте-

ряль почти всѣ суда, канцелярію, казну и множество людей, частію убитыхъ, частію утонувшихъ. Спасшіеся на сосьдніе острова были взяты въ плѣнъ.

Военные дѣйствія пріостановились. Обѣ воюющія стороны помышляли о мирѣ. Густавъ, понесшій такъ много потерю, понималъ, что новая неудачи сдѣлаютъ его положеніе на престолѣ шаткимъ. Во время всѣхъ трехъ кампаній онъ только и ждалъ значительной победы, чтобы заключить почетный миръ. О завоеваніи и присоединеніи русской Финляндіи къ Швеціи онъ не смѣлъ уже и мечтать. Что касается шведского народа, то ему было довольно безразлично, прибавится ли къ Швеціи лишній кусокъ земли или нѣтъ. Но для финновъ не безразлична была участъ родины. Многіе дальновидные люди и тогда уже предугадывали, что разрозненные части Финляндіи будутъ соединены не Швеціею, а Россіею.

Вэрельскій миръ.

За послѣдніе три года много истрачено было денегъ и погублено людей. Миръ былъ нуженъ и Швеціи и Россіи. Начались переговоры. Екатерина объявила, что она не уступить ни пяди русской земли; какія границы назначены по Абосскому договору, такія и оставаться должны.

Густавъ началъ было торговаться. Онъ требовалъ выдачи шведовъ и финновъ перешедшихъ на службу Россіи. На это Екатерина, конечно, не согласилась. Она, съ своей стороны требовала прощенія всѣхъ аньяльскихъ заговорщиковъ. Предполагая, что Густавъ затягиваетъ переговоры ради того, чтобы выиграть время, Императрица предписала главнокомандующему отправиться въ Фридрихсгамъ и начать военные дѣй-

ствія. Одновременно на морѣ Нассау готовился напасть на шведский гребной флотъ. Чичаговъ держалъ королевскій флотъ взаперти подъ Свеаборгомъ. Положеніе Густава было затруднительное; ему угрожали и съ суши и съ моря. Недуга Нассау побуждала думать, что русскіе не впадутъ въ прежнія ошибки и успѣхъ останется за ними. Въ концѣ концовъ Густавъ согласился на требованія Екатерины и миръ былъ заключенъ въ мѣстечкѣ Вэреле.

Покончивъ съ надоѣвшей ему войною, Густавъ съ головой окунулся въ Европейскую политику. Ему было теперь не до Финляндіи. Во Франціи бушевала буря, опрокинувшая тронъ Франціи и угрожавшая пошатнуть многіе другіе. Въ этомъ водоворотѣ беспокойный духъ Густава находилъ себѣ обильную пищу. То онъ искалъ союза съ Россіей ради спасенія Франціи, то возбуждалъ Норвегію, соединившись съ Швеціею, воевать противъ Даніи. Осуществленію этихъ плановъ мѣшалъ недостатокъ денегъ. Стокгольмская казна была пуста. Не было въ странѣ ни одного источника, откуда можно было бы почерпнуть новые доходы. Не только обложены были предметы роскоши, но и такія статьи, какъ собаки, лошади, мебель, прислуга. Личные долги Густава дошли до колоссальныхъ размѣровъ. Въ затрудненіи своеемъ онъ пускался въ самыя странныя, даже невѣроятныя предпріятія. Въ Дrottингольмѣ напр., устроена была фабрика для производства фальшиваго золота и фальшивыхъ русскихъ ассигнацій.

Риксдагъ 1792 г. выказалъ большую враждебность къ королю. Противодѣйствіе росло и разыгралось заговоромъ, имѣвшимъ цѣлію лишить жизни короля и нисровергнуть настоящую форму правленія. Исполненіе этого плана было поручено фанатику Анкерштрemu. Выждавъ удобную минуту, Анкерштремъ, при выходѣ Густава изъ театра, выстрѣлилъ

ему въ спину. Злодѣяніе это не принесло однако пользы заговорщикамъ. Густавъ, проживъ послѣ полученія раны еще двѣ недѣли, успѣль назначить регентство до совершеннолѣтія сына

Густавъ III умеръ 46 лѣть отъ рода, не оправдавъ возлагавшихся на него надеждъ. Его царствованіе, по картичному опредѣленію финского историка, было вначалѣ прекраснымъ утромъ, въ срединѣ—палящимъ знойнымъ днемъ и въ концѣ—кровавой зарей и мрачными сумерками.

Густавъ IV Адольфъ. Послѣдняя финляндская война.

Единственному сыну Густава III было всего 14 лѣть. Регентомъ къ нему былъ назначенъ герцогъ Карль Зюдерманландскій, масонъ и мистикъ. Миролюбивый и доброжелательный, но крайне слабохарактерный, герцогъ подпалъ вліянію друга своего Ретерхольма, который, ненавидя Густава III и его сподвижниковъ, постарался вліятельнѣйшихъ изъ нихъ лишить должностей. Устранные чиновники составили заговоръ противъ Ретерхольма съ цѣллю удалить его отъ власти; но заговоръ былъ открытъ и душа заговора графъ Морицъ Армфельдъ, любимецъ покойнаго короля, долженъ былъ бѣжать и искать пристанища въ Россіи. Другие соучастники подверглись тяжелымъ наказаніямъ.

Понятно, что съ перемѣной правительственныхъ лицъ произошло измѣненіе и въ политикѣ Швеціи, какъ външней такъ и внутренней. За 40 бочекъ золота Швеція сблизилась съ Франціей, гдѣ провозглашена была уже республика. Съ Россіей же отношенія до того обострились, что ежеминутно готовы были порваться. Только благодаря обѣщанію удалить Ретерхольма, Екатерина согласилась смыть

гнѣвъ на милость и въ знакъ примиренія пригласила Густава Адольфа съ его опекуномъ въ свою столицу. Въ 1796 г. молодой король, подъ именемъ графа Гага, ѣздилъ въ Петербургъ свататься за великую княжну Александру Павловну; но такъ какъ великая княжна не согласилась перемѣнить религию, то сватовство не состоялось. По возвращеніи въ Стокгольмъ и достигнувъ 18-лѣтняго возраста, молодой монархъ сталъ самостоятельно управлять государствомъ подъ именемъ Густава—Адольфа IV. Рѣтерхольмъ былъ удаленъ отъ должности и умеръ заграницей.

Короткое сравнительно время, впродолженіи котораго герцогъ Карлъ и Рѣтерхольмъ стояли у кормила правленія, не дало имъ возможности сдѣлать для экономического положенія Финляндіи чего нибудь существеннаго; тѣмъ не менѣе, въ 1793 г. учрежденъ былъ экономическій комитетъ, которымъ Рѣтерхольмъ руководилъ съ любовью. Главнымъ принципомъ этого государственного человѣка была расчетливость, доходившая иногда до смѣшного. Такъ напр., въ 1794 г. были запрещены, какъ предметы роскоши, кофе и шелкъ. Разумѣется такие законы ни къ чему не вели, такъ какъ благополучно обходились.

Молодой король обладалъ многими качествами, которыхъ, казалось, должны были доставить ему счастье и успѣхъ въ жизни; но въ тоже время недостатки его были такого свойства, что легко могли парализовать всѣ хорошія качества. „Сынъ мой, — сказалъ однажды Густавъ III, — копчить худо; онъ беспокойнаго и упрямаго нрава“. Можеть быть эти свойства не были бы такъ пагубны, еслибы Густавъ IV жилъ въ другое, болѣе спокойное время, но ему пришлось какъ и многимъ другимъ испытать сотрясеніе, произведенное въ міровой политикѣ восходящей звѣздой Наполеона. Считая дол-

гомъ охранять королевскую власть какъ святыню, молодой король ненавидѣлъ французскую революцію. Взявъ за образецъ Карла XII, онъ вообразилъ себя призваннымъ играть роль въ мировой политикѣ, а такъ какъ для подобной роли у него не было ни генія, ни выдержки, то онъ навлекъ на себя и на государство свое бездну бѣдствій, а для Финляндіи ускорилъ рѣшительную катастрофу.

Первые восемь лѣтъ царствованія Густава IV были довольно спокойны. Послѣ смерти Екатерины, отношенія между королемъ шведскимъ и императоромъ русскимъ Павломъ I, приняли самый дружественный характеръ; но по вступленіи на престолъ Александра I отношенія быстро измѣнились. Упрямый и беспокойный характеръ шведского короля игралъ тутъ не маловажную роль.

Оба монарха жепаты были на родныхъ сестрахъ, принцессахъ Баденскихъ. Въ 1802 г. на границѣ между русской и шведской Финляндіей, въ Аборфорсѣ состоялось свиданіе царственныхъ сестеръ, продолжавшееся четыре дня. Въ Аборфорсѣ, черезъ пограничный рукавъ р. Кюмени былъ мостъ, половина которого принадлежала русскимъ, половина шведамъ. Сообразно съ этимъ, каждая половина была выкрашена въ соответствующій цветъ. Густаву-Адольфу, пріѣхавшему съ женой, вдругъ вздумалось выкрасить весь мостъ въ шведскіе цвета. Неудовольствіе, вызванное этой выходкой въ Петербургѣ, увеличилось еще больше, когда родившемуся послѣ того сыну, Карлу-Густаву, король присвоилъ титулъ Великаго Князя Финляндскаго, какового, со временемъ завоеваній Петра Великаго, ни короли, ни принцы шведскіе не носили. Позднѣе произошло еще нѣсколько случаевъ, ясно выражавшихъ непріязнь Густава-Адольфа къ русскому двору.

Прежде, чѣмъ описывать развитіе драмы, имѣвшей развязку въ отторженіи Финляндіи оть Швеціи, бросимъ бѣглый взглядъ на внутреннюю политику Густава-Адольфа.

Уже съ самаго начала было видно, что къ свободнымъ формамъ политической жизни Густавъ-Адольфъ относится съ отвращеніемъ. Онъ не торопился созывать сословія и все болѣе и болѣе стѣснялъ свободу печати. Недовольство королемъ нѣсколько умѣрялось его положительными качествами: бережливостью, безпредосторожностью. Къ сожалѣнію обстоятельства не благопріятствовали ему. Неурожай истощали страну, а английскіе каперы наносили вредъ торговлѣ. Народъ изнемогалъ отъ налоговъ, государственный долгъ возрасталь, а фонды падали. Въ виду такихъ обстоятельствъ, король вынужденъ былъ въ 1800 г. созвать сословія, для чего избрали былъ городъ Норчѣпингъ, какъ менѣе зараженный, по мнѣнію короля, свободомысліемъ. Дворянство было недовольно и собралось въ незначительномъ числѣ. Нѣкоторые не явились потому, что не желали присутствіемъ своимъ узаконять государственныхъ актовъ 1772 и 1789 г.г. Финскимъ представителямъ помѣшало весеннее бездорожье. Впрочемъ, ни для кого не было тайной, что финское дворянство ронтало и открыто говорило о необходимости отмѣны упомянутыхъ актовъ. Что же касается экономической жизни Финляндіи, то начало царствованія Густава-Адольфа ознаменовалось многими полезными реформами. Экономическое общество, принятное подъ Августѣйшее покровительство, стало пользоваться субсидіями и могло расширить свою дѣятельность. Улучшены были пути сообщенія; многія рѣки углублены и сдѣланы судоходными; развита культура картофеля. Крестьянамъ, занимавшимся этимъ дѣломъ, давалась земля сверхъ нормы. Густавъ-Адольфъ благоволилъ къ Финлян-

дії, потому что считалъ ее свободною отъ революціонныхъ идей. Въ то самое время, когда Упсальская академія за свободомысліе подверглась немилости, король оказывалъ большое вниманіе академіи въ Або. Въ этомъ учрежденіи, гдѣ занимали каѳедры такія свѣтила, какъ Портань, Калопнусъ, Тенгстрѣмъ, Франценъ и Гартманъ, Густавъ-Адольфъ собирался воспитывать своего сына, Великаго Князя Финляндскаго. Въ Финляндію былъ переведенъ батальонъ гвардіи, которому надлежало стать почетною стражею молодого Великаго Князя. Но планамъ этимъ не суждено было осуществиться. Въ 1805 г. маленький князь умеръ.

Около этого времени Густавъ-Адольфъ, на горе своего отечества, началъ энергично вмѣшиваться въ Европейскую политику. Съ свойственной ему пылкостью онъ интриговалъ противъ республиканской Франціи, стараясь возстановить противъ нея Державы. Когда Наполеонъ былъ провозглашенъ Императоромъ, Густавъ IV перенесъ свою ненависть на „Корсиканскаго узуратора, кровожаднаго звѣря“. Наполеонъ, бывшій во всемъ блескѣ своей славы, смѣялся надъ „маленькимъ королемъ“ и жалѣлъ шведовъ, которымъ суждено управляться сумасшедшими королями. Послѣ Тильзитскаго мира онъ говорилъ, что Александру слѣдуетъ овладѣть Финляндіей; „Страна-де эта, по географическому положенію, будетъ всегда угрозою для Россіи, благодаря близости ея границъ къ столицѣ. Петербургскія красавицы, находясь въ своихъ дворцахъ, могутъ быть часто обезпокоены громомъ шведскихъ пушекъ“. Весьма возможно, что эти рѣчи дошли до слуха русскаго Императора. Къ голосу всемирнаго завоевателя всѣ тогда прислушивались.

Густавъ-Адольфъ, послѣ Тильзитскаго мира могъ бы, черезъ посредство Россіи, помириться съ Наполеономъ; но

непреклонная ненависть къ „апокалиптическому“ звѣрю побудила его отказаться отъ примиренія и держаться союза съ Англіей противъ Наполеона. Когда англичане напали на Данію, союзницу Россіи и Швеціи и увили изъ Копенгагена датскій флотъ, Густавъ-Адольфъ не вступился за союзника. Онъ не обратилъ вниманія на требованія Россіи о соблюденіи трактатовъ и весьма мало заботился о защите Финляндіи. Отъ нея потребовали, чтобы она, кромѣ милиціи, выставила еще ополченіе (ландверъ), по одному человѣку отъ каждого геймата (усадьбы или двора). Такія требованія были обременительны для Финляндіи, но она ихъ исполнила. А король между тѣмъ, заключилъ тайный союзъ съ Англіей, надѣясь съ ея помощью завоевать Норвегію, давно уже привлекавшую къ себѣ помыслы шведскихъ монарховъ. Въ случаѣ удачи, Густавъ-Адольфъ рѣшился предоставить Финляндію ея участіи.

Въ виду нежеланія шведскаго короля соблюдать трактаты и его явной враждебности къ Россіи, Александръ нашелъ нужнымъ двинуть войска въ Финляндію.

Война, которую мы будемъ теперь описывать, рѣзко отличается отъ войнъ временъ до—Петровскихъ, сопровождавшихся грабежами, поджогами и разореніемъ мирныхъ жителей. Прошло неболѣе столѣтія и нравы пастолько смягчились, что русскіе, вступая въ Финляндію, объявили себя друзьями и защитниками ея жителей. Они не позволяли себѣ ни насилия, ни грабительства, честно платя за всѣ доставляемые имъ припасы. При занятіи городовъ, начальники русскаго войска сближались съ жителями, устраивая для нихъ развлеченія. Во время краткихъ перемирій офицеры знакомились и братались другъ съ другомъ. Сохранилось много разсказовъ, свидѣтельствующихъ о рыцар-

скомъ духѣ, оживлявшемъ образованную часть обоихъ войскъ.

Главнокомандующимъ русской арміей былъ назначенъ графъ Буксгевденъ; помощниками его: Тучковъ, Багратіонъ. Горчаковъ и позднѣе Каменскій, всѣ уже искусившіеся въ сраженіяхъ противъ Наполеона. Планъ дѣйствій состоялъ въ томъ, чтобы правое крыло, подъ начальствомъ Тучкова, препятствовало шведскимъ войскамъ, стоявшимъ въ восточной Финляндіи, соединиться съ войсками бывшими въ срединной ея части у Тавастгуса. Центръ, съ Багратіономъ во главѣ, перейдя р. Кюменъ, долженъ былъ направиться къ Тавастгусу. Лѣвое крыло, подъ начальствомъ Горчакова, а потомъ Каменскаго, шло береговой дорогой вдоль Финскаго залива на Ловизу и Гельсингфорсъ для овладѣнія Свеаборгомъ.

Русскіе войска перешли границу 8 Февраля 1808 г. въ жестокую стужу. Войска шведовъ подъ временною командою генерала Клеркера были разбросаны по всей странѣ и къ встречѣ русскихъ совсѣмъ не приготовлены. Черезъ четыре дня, послѣ небольшихъ стычекъ, началось по всей линіи отступленіе шведскихъ войскъ въ такой мѣрѣ, что графъ Буксгевденъ занялъ Борго и перенесъ туда главную квартиру. Генералъ Клеркеръ сталъ стягивать войска къ Тавастгусу, разсчитывая дать сраженіе тѣмъ болѣе, что шведофинское войско горѣло желаніемъ сразиться. Наканунѣ атаки, 1 Марта, прибылъ настоящій главнокомандующій, графъ Клингспоръ и дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ.

Клингспоръ былъ старикъ и, по природѣ, человѣкъ робкій. Трудно объяснить, чѣмъ руководствовался Густавъ-Адольфъ, назначая его на такой отвѣтственный постъ. На

военномъ совѣтѣ Клеркеръ горячо настаивалъ на необходиимости наступленія, головою ручаясь за успѣхъ. Клингспоръ объявилъ, что король велѣлъ ему вести войну оборонительную и 6 Марта вся армія отступила къ сѣверу. Только бригадѣ расположенной въ Саволаксѣ, вѣдьно было сосредоточиваться у Куопіо, куда направлялся отрядъ Тучкова.

Большую часть шведской арміи составляли финны. По наружному виду эта армія не имѣла никакой представительности, т. к. люди, принужденные защищаться отъ стужи, надѣвали на себя все, что только могли получить по деревнямъ, увязывая овчинами и звѣринными шкурами лица до самыхъ глазъ. Со злобой въ сердцѣ отступали финские воины, предоставляемые родную землю во власть непріятеля. Но при всемъ томъ они духомъ не падали, стараясь поддержать старинную славу отцовъ и дѣдовъ, считавшихся всегда лучшими солдатами шведского короля. Между ними не было ни отсталыхъ, ни бѣглыхъ.

При всѣхъ тягостяхъ военного времени положеніе шведо-финского войска было много выгоднѣе положенія войска русскаго. Первое могло получать отъ своихъ земляковъ всяческую помошь, тогда какъ послѣднее, при 25% мороза, должно было довольствоваться только тѣмъ, что ему отпускало интенданство. Кроме того мѣстная армія, отступая, соединялась съ мелкими отрядами и все увеличивалась; тогда какъ русская, принужденная отдѣлять отъ себя отряды для занятія страны, все уменьшалась.

Пока шведская армія отступала, русскіе, двигаясь впередъ, взяли Гельсингфорсъ и подступили къ Свеаборгу. Эта крѣпость снабжена была провіантомъ и могла защищаться. Не таково было положеніе маленькой крѣпости Свартхольма, прикрывавшей Ловизу. Недостатокъ продовольствія

и свѣжей воды породили болѣзни и крѣость принуждена была капитулировать.

Въ короткое время русскіе заняли Тавастгусскую и Нюландскую области, а наконецъ и Або. Небольшой отрядъ подошелъ по льду къ Аланду и занялъ его. Такимъ образомъ вся юго-западная часть Финляндіи оказалась въ рукахъ непріятеля. Въ порывѣ отчаянія шведы и финны разрушали все, чего не могли отстоять: жгли суда и корабельные магазины, топили порохъ и снаряды, клепали пушки. Въ одномъ Або сожжено ими 64 военныхъ судна.

Преслѣдуя Клингспоря, Багратіонъ вытѣснилъ шведовъ изъ Бьернборга и занялъ этотъ городъ. Отрядъ Раевскаго, продолжая преслѣдованіе, занялъ Вазу. Клингспоръ имѣлъ прекрасный случай напасть на Тучкова и помѣшать ему соединиться съ Раевскимъ; но у шведскаго генерала при видѣ непріятеля двоилось въ глазахъ, почему и силы послѣдняго казались въ удвоенномъ числѣ. Довольный тѣмъ, что непріятель не отрѣзалъ ему пути, Клингспоръ продолжалъ отступать къ Улеаборгу. Кульnevъ съ своими казаками шелъ параллельно съ Раевскимъ, а передъ нимъ также быстро отступала бригада Адлеркрейца. Отрядъ Кульпева шелъ такъ стремительно, что въ 22 дня сдѣлалъ 600 верстъ. Послѣ жаркой битвы при Калайоки, Кульnevъ разбилъ шведскій арьергардъ и взялъ въ плѣнъ начальника штаба, Левенгельма. Шведы были оттѣснены до Сиккаюки, съверной оконечности Ботническаго залива и русскіе заняли мѣста, которыхъ болѣе 300 лѣтъ тому назадъ занимали ихъ предки съ воеводами Ивана III.

Быстрый натискъ русскихъ, овладѣвшихъ почти всею Финляндіею, произвелъ панику въ Стокгольмѣ. Ежечасно ожидали появленія русскихъ въ шведской столицѣ. Жители

спѣшно укладывались и уѣзжали. Казалось, что войну можно бы считать оконченной. Случилось, однако же, иначе. Военное счастье стало измѣняться русскимъ.

Тучкову не удалось соединиться съ Раевскимъ. Имѣя противъ себя сильного противника, энергическаго Сандельса, Тучковъ долженъ былъ отстаивать занятый имъ Куопіо и оберегать пути, по которымъ шли транспорты съ продовольствиемъ. Вызванный вторично Буксгевденомъ, онъ двинулся въ путь, оставивъ въ Куопіо отрядъ Булатова.

При Клингспорѣ, послѣ плѣненія Левенгельма, мѣсто ближайшаго совѣтника занялъ Адлеркрайцъ, настаивавшій на активныхъ дѣйствіяхъ. Въ Апрѣль мѣсяцѣ шведы разбили при Револаксѣ отрядъ Булатова а его самого, раненаго и истекающаго кровью, взяли въ плѣнъ. До половины людей было убито или забрано. Послѣ этого Раевскій уже не могъ оставаться на своей позиціи и отступилъ къ Гамле-Карлебю.

Послѣдствія дѣла при Револаксѣ были крайне невыгодны для русскихъ. Роли перемѣнились и шведы перешли въ дѣятельное наступленіе. Упавшіе духомъ войска ободрились, населеніе поднялось противъ русскихъ; стали перехватывать транспорты и курьеровъ, вслѣдствіе чего русскіе лишены были свѣдѣній о положеніи другихъ отрядовъ. Шведы и финны не замедлили этимъ воспользоваться. Крестьяне вооруженные дубинами, косами и чѣмъ попало, старались всѣми силами вредить непріятелю. Всѣ мѣры принимаемыя русскими начальниками: угрозы, наказанія, наконецъ обѣщанія щедрыхъ наградъ не повели ни къ чему. Флегматичный финнъ, движимый преданностью къ своему монарху дѣгался, въ отношеніи врага, неукротимымъ звѣремъ. Въ концѣ Апрѣля былъ разбитъ отрядъ Обухова и

отступлениe русскихъ войскъ на съверъ сдѣлалось всеобщимъ. На югъ обстоятельства были благопріятнѣе для русскихъ. 22-го Апрѣля сдался Свеаборгъ и русскіе получили 2,000 пушекъ и значительные запасы военнаго матеріала и съѣстныхъ припасовъ. Владѣніе югомъ Финляндіи съ паденiemъ Свеаборга за русскими упрочивалось. Въ Москвѣ и Петербургѣ служили молебны. У памятника Петра былъ большой парадъ. Мечта Великаго Царя исполнилась; Россія владѣла обоими берегами Финскаго залива.

Но въ юго-западной части Финляндіи дѣла русскихъ были далеко не блестящи. Населеніе, руководимое пасторомъ Гумерусомъ и лэнсманомъ Арэномъ, поднялось поголовно. Разъединенные русскіе отряды перехватывались и передавались шведамъ. Тоже происходило и на Готландѣ. Финны, рискуя жизнью чтобы вредить русскимъ, которыхъ считали врагами короля и отечества, только исполняли свой долгъ. Русскіе со словъ Спренгтпортена, слишкомъ понадѣялись на то, что финны подчинятся имъ безъ выстрѣла. и въ этомъ была ихъ ошибка.

Несмотря на неудачи, постигшія русское оружіе, въ Петербургѣ такъ были увѣрены въ конечномъ успѣхѣ, что начали уже вырабатывать мѣры по внутреннему управлению Финляндіи и готовить прокламациіи къ населенію. Послѣ капитуляціи Свеаборга эти мѣры примѣнялись одновременно съ военными дѣйствіями; но мы оставимъ ихъ, пока, въ сторонѣ, чтобы не нарушать цѣлости разсказа.

По вскрытиi рѣкъ военные дѣйствія возобновились. Изъ Петербурга былъ присланъ вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ Барклая-де-Толли; который долженъ быть оперировать противъ Куопіо и, взявъ его, идти на помощь къ Раевскому. Но энергичный Сандельсь, быстрымъ натис-

комъ на Куопіо, лишилъ его этой возможности. Раевскій, отступая съ своимъ войскомъ отъ Гамле-Карлебю, терпѣлъ страшная затрудненія. Зачастую нельзя было достать хлѣба ни за какія деньги. Повсемѣстно работали партизаны, нападая изъ засады на транспорты, сжигая мосты, перекапывая дороги и захватывая малые отряды. Въ Вазѣ собрались большія скопища финскихъ крестьянъ чтобы дѣйствовать противъ русскихъ. На улицахъ города произошло побоище.

Положеніе шведовъ было такъ выгодно, что умѣй Клингспоръ воспользоваться обстоятельствами, занятія Финляндіи въ этомъ году не послѣдовало бы. Неизвѣстно какой оборотъ принялъ бы Европейская политика черезъ годъ и участіе Финляндіи могла рѣшиться иначе.

Въ Іюлѣ къ русской арміи прибылъ графъ Каменскій, 32-лѣтній генераль, который еще въ Италии и Швейцаріи подъ начальствомъ Суворова, обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что взялъ Чортовъ мостъ. При отправленіи Каменского изъ Петербурга, ему не дано было никакихъ инструкцій; приказано побѣдить—и только.

Бездѣйствіе Клингспора дало Каменскому возможность расположить войска, стянуть раскинутые отряды и снабдить ихъ продовольствіемъ. 2-го Августа онъ началъ наступательное движеніе; но передовые отряды его, занявъ Алаво, были разбиты. Узнавъ о пораженіи авангарда, Каменскій рѣшился быстрымъ ходомъ поправить дѣло. Въ 5 дней онъ прошелъ 170 верстъ отдѣлявшія его отъ Алаво. Шведы едва вѣрили своимъ глазамъ и говорили, что графъ Каменскій спѣшить на погибель. Достигнувъ Алаво, Каменскій разбилъ шведскій отрядъ и явился съ своими силами совсѣмъ неожиданно для Клингспора. Шведскій главнокомандующій до того былъ смущенъ, что сталъ просить короля о присылкѣ

судовъ для переправы арміи въ Швецію. Одновременно Властовъ нанесъ такое пораженіе отряду партизана Фіянта, что уцѣлѣла едва одна треть.

Каменскій неуклонно шелъ впередъ. Узнавъ о пораженіи какого нибудь изъ его отрядовъ, онъ летѣлъ къ нему на помощь и выручалъ его. Сражаясь почти ежедневно, онъ преслѣдовалъ шведовъ по лѣсамъ, болотамъ, утесамъ, часто оспаривая каждый шагъ штыками. Въ сраженіяхъ онъ устремлялся въ опасные мѣста и присутствіемъ своимъ одушевлялъ солдатъ и офицеровъ. Онъ былъ строгъ въ соблюденіи дисциплины, но вообще ласковъ и привѣтливъ.

Правою рукою Каменского былъ Кульневъ. Въ Финляндіи въ крестьянскихъ домахъ и на станціяхъ еще недавно можно было встрѣтить силуэтъ въ профиль, который называли портретомъ Кульнева. Объ этомъ героѣ, одинаково почитаемомъ какъ друзьями такъ и врагами, стонѣ сказать нѣсколько словъ.

Въ сраженіяхъ и походахъ Кульневъ также какъ и Каменскій былъ неутомимъ. Онъ первый поднималъ свой отрядъ, послѣдній предавался отдохновенію. Онъ не любилъ квартиръ. Ненастные дни и бурныя ночи проводилъ всегда на бивакахъ, возлѣ огня, окруженный солдатами, которые обожали его. Нѣсколько разъ въ ночь онъ садился на коня и объѣзжалъ посты. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и сутуловатъ. Большие черные глаза и орлиный носъ составляли отличительныя черты его физіономії. На головѣ носилъ онъ почти всегда, и въ особенности въ сраженіяхъ, красный шерстяной колпакъ, по обычаю поселянъ. Вся шведская армія знала его и почитала за обращеніе съ плѣнными и туземцами. Гдѣ появлялся Кульневъ, тамъ паселеніе было уверено, что никакого зла ему причинено не будетъ. Съ

офицерами непріятельского войска Кульневъ вель себя какъ рыцарь. Въ одной стычкѣ шведскій начальникъ Левенгіельмъ, окруженный казаками съ запесенными надъ нимъ пиками, увидавъ Кульнева, закричалъ: „Кульневъ, спасите насть!“ и былъ спасенъ. Левенгіельмъ бросился на шею своему спасителю и отдался въ плѣнъ. Въ сраженіи при Сикаюки Кульневъ, замѣтивъ, что одинъ шведскій офицеръ ведеть себя неустрашимо, запретилъ своимъ егерямъ стрѣлять по немъ. Въ отплату за такое велиководшіе генералъ Адлеркрейцъ приказалъ своимъ солдатамъ щадить Кульнева. Насколько Кульневъ сумѣлъ заслужить любовь финляндцевъ, видно изъ слѣдующаго случая. Когда, послѣ похода, онъ пріѣхалъ въ Або и явился на балъ къ князю Багратіону, танцы вдругъ остановились и все шведо-финское общество, мужчины и дамы, окружило героя и единодушно выразило ему признательность за то покровительство, которое онъ вездѣ оказывалъ ихъ мирнымъ согражданамъ.

Императоръ Александръ, бывши въ Або, при многихъ значительныхъ лицахъ, сказалъ: „Благодарю тебя, Кульневъ. Благодарю не только за службу, но и за поведеніе твое съ жителями. Я знаю все, что ты для нихъ сдѣлалъ“.

Послѣ удачнаго дѣла Властова, графъ Каменскій двинулся впередъ со всѣми своими силами. Начальникъ авангарда Кульневъ опрокинулъ передовыя шведскія войска и преслѣдовалъ до главной позиціи при Куортанѣ, гдѣ Клингспоръ сильно укрѣпился. Благодаря энергіи Каменскаго, русскіе снова взяли перевѣсь. Трехдневный успѣшный для русскихъ бой при Куортанѣ и Сальми имѣлъ громадное вліяніе на умы. Молва о немъ и о быстромъ отступленіи шведскихъ войскъ скоро распространилась по всей Фин-

ляндіи и бывшее до тѣхъ поръ возбужденіе смѣнилось упадкомъ духа. Народное восстаніе, котораго не могли смириить ни ласки, ни казни, стало само собой утихать.

Въ южной части Ботническаго побережья, шведы имѣли въ половинѣ Августа цѣлый рядъ удачныхъ дѣлъ. Густавъ приспалъ съ Аланда довольно сильное подкрѣпленіе и отряды Бибикова и Ушакова значительно пострадали. Но помощь Густава пришла слишкомъ поздно и изнуренная армія не могла противостоять сильнѣйшему непріятелю. 20-го Августа, въ день Куортанской битвы, Ушаковъ взялъ Кухайоки и далѣе русскія войска ужъ не встрѣчали сопротивленія. Клингеспоръ отбитый и разбитый стягивалъ свои войска къ Вазѣ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ успешныхъ сраженій корпуса гр. Каменскаго, подвигавшагося все болѣе и болѣе впередь.

2-го Сентября произошелъ рѣшительный бой при Оровайсѣ, маленькомъ городкѣ на берегу моря. Сначала успѣхъ клонился, казалось, на сторону шведовъ, но прибытіе свѣжихъ батальоновъ, которыхъ Каменскій самъ повелъ въ огонь, дало перевѣсъ русскому оружію. Шведы обращены были въ бѣгство, потерявъ около 1,200 человѣкъ убитыми и ранеными. Пораженіе при Оровайсѣ окончательно убѣдило шведовъ, что ихъ дѣло проиграно.

Густавъ-Адольфъ, получая извѣстія о пораженіи своихъ войскъ, пробовалъ дѣлать высадки въ Або, но благопріятаго результата не достигъ. Послѣдняя большая высадка, сдѣланная уже въ Сентябрѣ близъ Гельзинга, кончилась рѣшительнымъ пораженіемъ. Въ высадкѣ принимали участіе всѣ бывшіе на Аландѣ войска, въ томъ числѣ и гвардія. Король, подойдя на яхтѣ къ мѣсту боя, былъ очевидцемъ того беспорядка, въ которомъ его отрядъ, избѣгая огня русской

артиллерию, спасался на суда. Разгневавшись на гвардію Густавъ Адольфъ подвергъ ее примѣрному наказанію, лишивъ знаменъ и разныхъ преимуществъ. Офицеры и безъ того недовольные королемъ, еще больше на него озлобились, что вмѣстѣ съ другими причинами ускорило переворотъ послѣдовавшій въ Стокгольмѣ.

Противъ Куопійскаго отряда генерала Тучкова стоялъ у озера Калавеси генераль Сандельсъ. Положеніе Тучкова съ его слабымъ отрядомъ въ 5,000 человѣкъ было крайне затруднительно. Населеніе шведской Карелии, которымъ руководили известные партизаны Мальмъ и Тяненъ находилось въ полномъ возстаніи. Вооруженнымъ толпамъ крестьянъ Мальмъ придалъ по внѣшности видъ регулярнаго войска: обязалъ шляпы ихъ лентами, прикололъ кокарды изъ березовой коры, къ охотничимъ ружьямъ придалъ крашеные деревянные штыки; вообще далъ имъ сходство съ Саволакскими стрѣлками, одѣтыми въ то время не лучше поселянъ. Партизаны дѣйствовали весьма успѣшно, пока не подошелъ князь Долгоруковъ, который быстро двинулся впередъ и при Кеми разбилъ сильный партизанскій отрядъ. Угрозы жечь селенія, если жители не прекратятъ сопротивленія, напугало партизановъ и они стали разбѣгаться по домамъ.

Шведская армія, оттѣсненная почти къ Лапландіи, терпѣла крайня лишенія отъ суроваго климата и недостатка въ провіантѣ. Въ этой мѣстности отъ природы скучной, и къ тому же опустошеннійвойной, трудно было получить что нибудь даже за деньги; болѣзни сильно ослабляли войска, упадокъ духа усилился, начались побѣги. Положеніе русской арміи было также крайне стѣсненное; куль муки доходилъ до 25 р., но и того нельзя было достать; солдаты ёли картофель и мясо, да и то не всегда. При такихъ условіяхъ

17 Сентября заключено было въ Лохто перемиріе, по которому шведскіе войска должны были отступить еще на 50 верстъ, а Сандельсъ отойти къ Иденсальми.

Перемиріе не было утверждено въ Петербургѣ. Главно-командующему Буксгевдену повелѣвалось продолжать военныя дѣйствія. 15-го Октября, ровно въ полдень, авангардъ Тучкова подъ начальствомъ князя Долгорукова начать наступленіе на шведовъ, стоявшихъ въ очень крѣпкой позиціи за проливомъ у Иденсальми. Мостъ черезъ проливъ шведы разобрали, но русскіе полки набросали досокъ и перебѣжали на другую сторону. Высланные Сандельсомъ свѣжія войска разбили и оттѣснили русскихъ. Въ этомъ кровавомъ дѣлѣ былъ убитъ князь Долгоруковъ. Сандельсъ, ободренный успѣхомъ, послалъ, двѣ недѣли спустя, отрядъ для ночного нападенія на Тучкова при томъ же Иденсальми; но отрядъ былъ разбитъ и Сандельсъ, получивъ извѣстіе, что шведскіе отряды отступаютъ къ Улеоборгу, поспѣшилъ туда же.

Другого выхода у него не было. Шведская армія находилась въ самомъ бѣдственному состояніи. Голодные, оборванные, больные солдаты брали какъ тѣни, оставляя за собою тысячи несчастныхъ, которые уже не имѣли силъ двигаться. Старый генералъ Клеркеръ, замѣнившій Клингспора, предложилъ перемиріе и Каменскій 7 го Ноября подписалъ въ Олькіоки конвенцію, основное условіе которой состояло въ томъ, чтобы шведская армія очистила всю тогдашнюю Улеоборгскую провинцію и расположились по ту сторону рѣки Кеми, болѣе 100 верстъ за Улеоборгомъ. Русскія же войска заняли бы оба берега этой рѣки и остановились, не доходя Торнео, уже на территории шведской. 18 Ноября, согласно условію, русскія войска заняли Улеоборгъ, а 2-го Декабря и пограничный пунктъ на Кеми. Финляндія была окон-

чательно завоевана Россіею. Остатки финскихъ войскъ, въ числѣ 3,000 съ болью въ сердцѣ покидали дорогую родину и слѣдовали за Клеркеромъ. 13-го Декабря послѣдній отрядъ перешелъ границу.

Этимъ кончился походъ 1808 г. Пораженіе, понесенное мужественными сынами Финляндіи, было для нихъ невыразимо тягостно; но и русскимъ не легко достались побѣды; многія тысячи кровавыхъ жертвъ принесены на алтарь отечства.

Замѣчательно, что Европа, столь чуткая къ малѣйшимъ измѣненіямъ къ политикѣсосѣднихъ державъ, отнеслась къ трагедіи разыгравшейся въ Финляндіи вполнѣ безучастно; до такой степени всѣми помыслами завладѣлъ Наполеонъ; на него обращены были взоры всего міра.

Къ довершенню бѣдствій финское войско на зимнихъ квартирахъ заразилось тифомъ, отъ котораго погибло болѣе половины. Остатки отрядовъ Саволакса, Кареліи и Эстерботніи стянуты были въ округъ Умео и поставлены подъ команду графа Кронштедта. Аландъ еще находился во власти шведовъ; фонъ-Добельнъ былъ тамъ комендантомъ.

Кампанія 1809 г.

Императоръ Александръ, желая принудить Швецію къ миру, приказалъ перенести войну въ шведскіе предѣлы. Зима давала такія преимущества, какихъ нельзя было имѣть ни весною, ни лѣтомъ: прямой переходъ войскъ по льду. Переходъ долженъ былъ совершиться въ трехъ пунктахъ: Князю Багратіону предстояло двинуться по льду изъ Або на Аландъ; Барклаю-де-Толли перебраться изъ Вазы въ Умео черезъ Кваркенъ; а графу Шувалову идти изъ Улеоборга въ Торнео уже на шведской территоріи.

Главнокомандующій Кноррингъ, смѣнившій Буксгевдена, прибыль только въ Декабрѣ. Въ предварительныхъ распоряженіяхъ прошли Декабрь, Январь и Февраль, лучшіе мѣсяцы для перехода по льду. По счастью зима 1809 г. стояла необыкновенно суровая и Ботническій заливъ покрытъ былъ

Александръ I.

толстою ледяною корою. Несмотря на это, шведы не вѣрили въ возможность перехода черезъ Кваркенъ (самое узкое мѣсто Ботническаго залива, похожее на горло, по скандинавски „gverk“). Генералъ Адлеркрейцъ называлъ такое предпріятие прямо нелѣпымъ.

Въ Петербургъ на это дѣло посмотрѣли, видно, иначе. Весьма возможно, что Ботническій заливъ представлялся тамъ въ видѣ зеркальной поверхности, наподобіе катка. Русскіе же генералы хорошо понимали опасность предприятия и старались его отклонить; но явился военный министръ Аракчеевъ и невозможное стало возможнымъ.

Корпусъ, назначенный для покоренія Аландскихъ острововъ, раздѣленъ былъ на пять отрядовъ. Кавалерійскимъ отрядомъ командовалъ Кульnevъ. Двинувшись черезъ Аландское море опять, послѣ 8-мидневнаго пути, достигъ одного изъ Аландскихъ острововъ. Переходъ былъ труденъ. Ежеминутно можно было ожидать вскрытия льда. Воіско упало духомъ и начало роптать. На утро сдѣлался густой туманъ и солдаты потеряли послѣднюю бодрость. Но Кульnevъ не смущился. Онъ ручался за успѣхъ похода и велѣлъ отслужить молебенъ. Мало по малу туманъ разсѣялся и всѣ ожили духомъ. Овладѣвъ укрѣплениемъ на островѣ, Кульnevъ съ 500 казаковъ перешелъ Аландгофъ и привѣтствовалъ русскимъ „ура“ шведскіе берега. Встрѣченный сильнымъ огнемъ, Кульnevъ опрокинулъ непріятеля и взялъ Гриссельгамнъ.

4-го Марта двинулся изъ Вазы корпусъ Барклай-де-Толли. Путь черезъ Кваркенъ ближе чѣмъ путь отъ Або до Аландскихъ острововъ, но все же онъ представляетъ пространство около ста верстъ. Переходъ этотъ былъ невообразимо труденъ. Взломанный бурями и опять замерзшій ледъ походилъ на громадные хребты, черезъ которые надо было или переплыть, карабкаясь съ трудомъ, или обходить, утопая въ снѣгу. Мѣстами образовались трещины, черезъ которыхъ приходилось переправляться какъ черезъ большія рѣки, или также обходить, рискуя заблудиться. Люди царапали себѣ

лица и руки объ острыя льдины, лошади засѣкали ноги; не мало людей погибло. Барклай говорилъ, что онъ завѣховалъ свой путь трупами.

Достигнувъ Умео, Барклай-де-Толли атаковалъ этотъ городъ и взялъ его. Генераль Кронштедтъ отступилъ и русские овладѣли запасами и провіантомъ.

Графъ Шуваловъ шелъ изъ Улеоборга на соединеніе съ Барклаемъ и тѣснилъ шведскій отрядъ Гриппенберга, требуя сдачи. Гриппенбергъ, узнавъ, что русскія войска находятся уже въ Швеціи, принужденъ былъ уступить. 13-го Марта въ Каликсѣ, на шведской землѣ, подписанъ былъ договоръ, по которому отрядъ Гриппенберга въ 7.000 человѣкъ положилъ оружіе. Финляндскія войска распущены были по домамъ. Съ этой минуты Швеція предоставлена была самой себѣ и лишена помощи Финляндіи.

Въ это время въ Стокгольмѣ произошли выдающіяся событія и война пріостановилась.

Накоплявшееся неудовольствіе дѣйствіями Густава-Адольфа разразилось измѣной и революціей. Король лишенъ былъ престола и заключенъ въ замокъ Дrottингольмъ. Вместѣ съ нимъ заключена была и супруга его, сестра русской Императрицы. Въ управлѣніе королевствомъ вступилъ въ качествѣ регента, дядя Густава IV Адольфа, престарѣлый герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, впослѣдствіи король Карлъ XIII.

Русскій главнокомандующій, узнавъ отъ шведскихъ генераловъ о желаніи герцога Карла начать мирные переговоры, поспѣшилъ отозвать отряды Барклая и Кульгева, чѣмъ навлекъ на себя гневъ Государя и долженъ былъ подать въ отставку.

Не довѣряя шведамъ, Императоръ Александръ приказалъ продолжать наступленіе. Графъ Шуваловъ, простоявъ болѣе мѣсяца въ Торнео, двинулся далѣе. Вспомогательный отрядъ генерала Алексѣева сдѣлалъ 24-верстный обходъ по льду въ то время, когда ледъ подъ лучами весеннаго солнца быстро таялъ, а на лугахъ зеленѣла трава. Шведы находили такой переходъ до того невѣроятнымъ, что шведскій генералъ даже арестовалъ офицера, сообщившаго о приближеніи русскихъ по льду.

Лѣтняя кампанія не представляетъ ничего выдающагося. Русскіе и шведы держали мечъ поднятymъ; первые для того, чтобы побудить шведовъ къ миру; вторые,— чтобы склонить русскихъ къ уступчивости. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Стокгольмѣ собрался риксдагъ, въ которомъ финскіе уполномоченные уже не участвовали. Герцогъ Карлъ былъ провозглашенъ королемъ и въ Іюнѣ коронованъ; а 5/17 Сентября былъ подписанъ въ Фридрихсгамѣ мирный договоръ. Швеція уступала Россіи всю Финляндію съ Аландомъ и часть Вестерботніи до рѣкъ Торнео и Муоніо. Необходимо обратить вниманіе на то, что въ мирномъ договорѣ нѣть выражений „Финляндія“ или „Великое Княжество Финляндское“; упомянуты просто „губерніи“, составляющія Финляндію.

Только немногіе поняли въ то время значеніе происшедшой перемѣны. Видя въ завоеванной странѣ надежный оплотъ противъ притязаній шведовъ, русскіе люди радовались, мало задумываясь надъ своеобразнымъ положеніемъ, созданнымъ Александромъ I для Финляндіи. Шведскіе короли, постоянно мечтавшіе о присоединеніи Норвегіи, а можетъ быть и Даніи, мало обращали вниманія на Финляндію, привыкнувъ къ мысли, что изъ высшихъ политическихъ соображеній придется, вѣроятно, ею пожертвовать. Только военачальники, стоявшіе

близко къ финскимъ воинамъ, умѣли оцѣнить ихъ по достоинству. Генералъ фонъ-Доббелнъ, прощаясь съ остаткомъ финской арміи, благодарилъ воиновъ за вѣрность, за стойкость, съ которой они вели борьбу. „Съ потерю благороднаго финскаго народа, — говорилъ онъ, — Швеція утратила надежнѣйшую свою опору, а шведская армія храбрѣйшую свою часть“.

Что касается финновъ, то для нихъ совершившееся событие не было неожиданностью. Послѣ Ништадского и Абосскаго мира это событие можно было предвидѣть. Понятно, что перемѣна положенія, съ которымъ народъ свыкся втеченисъ многихъ столѣтій, пугала населеніе, но высшіе слои, не чуждые мечтамъ о самостоятельности, видѣли въ этой переменѣ благо отечества.

Культура Финляндіи за истекшій періодъ.

Прежде чѣмъ заняться новой эпохой финской исторіи, бросимъ бѣглый взглядъ на экономическое развитіе страны въ послѣдніе годы шведскаго владычества.

Численность населенія за это время сильно возросла. Въ 1785 г. въ шведской Финляндіи считалось около 680,000 жителей; въ началѣ XIX стол. ихъ было уже 900,000. Такой быстрый приростъ обусловливался подъемомъ народнаго благосостоянія. Размежеваніе упорядочило земледѣліе, торговля и промышленность содѣйствовали процвѣтанію городовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что подъемомъ экономической жизни финны обязаны не правительству, а собственному трудолюбію и самодѣятельности. Хорошую службу сослужило отечеству финское экономическое общество, основанное въ 1797 г. Отъ него исходили всѣ культурные начинанія. Оно

улучшало всѣ отрасли экономической жизни, не исключая банковаго дѣла и народнаго образованія. Признавъ, что послѣднее есть необходимый рычагъ для развитія благосостоянія, общество озабочилось печатаніемъ на финскомъ языке руководствъ по различнымъ отраслямъ народнаго хозяйства, чѣмъ положило начало народной литературѣ. Въ 1776 г. вышла въ Або первая газета на финскомъ языке „Suomalaiset tietosanomat“.

Национальное направление стало проявляться также въ области науки, при чёмъ Абосская академія играла роль свѣточна, повсюду бросавшаго свои лучи. Многіе замѣтительные ученые работали надъ развитіемъ финской мысли и ихъ труды сдѣлались извѣстными заграницей. Таковы Гартманъ, Калоніусъ и, въ особенности Портанъ, посвятившій себя изслѣдованіямъ древностей, языка и національности своего народа. Не даромъ Портанъ считается отцомъ финской исторіи. Онъ первый разработалъ эту исторію самостотельно, хотя и въ связи съ исторіею Швеціи и очистилъ ее отъ разныхъ басенъ, искажавшихъ описание древняго периода. Благодаря Портану Европа получила вѣрныя свѣдѣнія о Финляндіи. Его трудами пользовался извѣстный Шлоссеръ. Не было такого общественнаго дѣла, которому бы Портанъ не содѣйствовалъ либо знаніями, либо трудомъ. Благодаря его дѣятельности національное самосознаніе финновъ начало замѣтно развиваться. Но далеко еще было то время, когда при доброжелательномъ содѣйствіи русской власти финскій языкъ получилъ право гражданства. Въ описываемый періодъ преобладалъ языкъ шведскій въ администраціи, литературѣ, поэзіи и обществѣ. Извѣстный Франценъ, уроженецъ Улеоборга и профессоръ въ Або, считался лучшимъ шведскимъ поэтомъ. Явился самородокъ, Павелъ Корхоненъ,

поэть изъ крестьянъ, который на дѣлѣ доказалъ, что поэзія и на народномъ языкѣ не теряетъ прелести. Его пѣсни до сихъ порь распѣваются въ Финляндіи.

Духовная литература пополнялась преимущественно переводами. Впрочемъ направлѣніе умовъ того времени не особенно склонялось къ благочестію. Жизнерадостный и веселый тонъ двора Густава III отразился на характерѣ высшихъ сословій и мало по малу перешелъ въ низшіе слои. Появились поклонники искусствъ; образовались театральныя и музыкальныя общества.

Если шведскій языкъ, съ одной стороны, содѣйствовалъ умственной культурѣ интеллигентной части общества, то съ другой,—не мало и вредилъ различнымъ сословіямъ въ общественной жизни. Сословіе чиновниковъ стало по языку шведскимъ. Хотя общественные учрежденія и сузили всѣмъ одинаковую защиту, но на дѣлѣ, финскій народъ, не понимавшій чужеземнаго языка, долженъ былъ выносить безчисленныя придирки и притѣсненія. „Когда подумаешь,—писалъ въ 1796 г. Портанъ,— сколько угнетенія, давленія и обмана терпитъ народъ отъ чиновниковъ и власть имѣющихъ, то не удивляешься, что для него господинъ и врагъ равнозначущія понятія“.

Что касается русской Финляндіи, то она все болѣе и болѣе отчуждалась отъ своей шведской сестры. Это отчужденіе сдѣжалось особенно замѣтнымъ въ эпоху царствованія Екатерины II. Великая Императрица находила большую несообразность въ томъ, что различные части единой Имперіи управляются различными законами. Въ средѣ своихъ совѣтниковъ, она проводила ту мысль, что, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, надо постепенно привести всѣ части Имперіи къ общему единству.

Согласно съ такими взглядами правительство предприняло рядъ мѣръ къ объединенію окраинъ съ остальными частями государства, чтобы всѣ подданные Императорскаго Величества были вообще на равныхъ правахъ безъ всякаго однихъ передъ другими преимущества.

Объединеніе шло такъ успѣшно, что Выборгская губернія почти обрусьла. Русскій языкъ такъ распространился, что финскіе бургомистры писали свои донесенія по-русски. Даже въ позднѣйшее время съ русскимъ языкомъ можно было пускаться въ путешествіе по Финляндіи до самой шведской границы. Русское начало пустило настолько глубокіе корни, что когда Павломъ I возстановлены были вновь шведскіе законы, оно не скоро еще заглохло.

Новѣйшій періодъ исторіи Финляндіи съ 1808 г.

Въ самомъ началѣ кампаніи 1808 г. Императоромъ Александромъ было рѣшено, что Финляндія должна быть завоевана во чтобы то ни стало. Только такимъ путемъ можно было разъ навсегда положить конецъ притязаніямъ шведовъ и обезопасить русскую столицу. Въ виду такой цѣли, въ Петербургѣ уже вырабатывался планъ гражданскаго управления, который по мѣрѣ завоеванія и приводился въ исполненіе независимо отъ успѣха или неуспѣха русскаго оружія. Спренгтпортенъ, мечтавшій играть роль во вновь завоеванной странѣ, говорилъ Государю, что вѣрнѣйшимъ средствомъ расположить къ себѣ финновъ было бы обѣщаніе сохранить имъ права и привилегіи, а затѣмъ созвать сеймъ въ Або для выясненія истинныхъ нуждъ Финляндіи. Другой совѣтникъ, Кликъ, совѣтовалъ тоже самое, но не иначе какъ въ видѣ милости побѣдителя къ побѣжденнымъ.

Совѣтъ былъ принятъ потому, что соотвѣтствовалъ взгля-
дамъ самого Государя. Онъ хотѣлъ, чтобы финны были при-
вязаны къ Россіи собственными своими пользами и благо-
словляли Провидѣніе, даровавшее новый порядокъ вещей.

Едва русскіе войска переступили границу, какъ разо-
слано было населенію шведской Финляндіи воззваніе, въ ко-
торомъ, послѣ объясненія причинъ, побудившихъ Россію на-
чать военные дѣйствія, говорилось между прочимъ: „Будьте
спокойны, мирны и безъ всякой боязни въ жилищахъ ва-
шихъ, добрые сосѣди. Мы идемъ къ вамъ не яко непрія-
тели, но какъ друзья и защитники для содѣланія участія
вашей счастливѣйшею, отвращая отъ вашей земли бѣдствія,
коимъ могли бы вы подвержены быть“. За симъ слѣдовало
обѣщаніе сохранить прежній порядокъ, утвердить всѣхъ слу-
жащихъ на ихъ мѣстахъ и за все взятое для войскъ про-
довольствіе платить деньгами.

Какъ отнеслись финны къ новому своему положенію? Мы
уже видѣли, что въ отношеніи шведовъ они играли роль
пасынка. Шведская знать относилась къ нимъ презрительно;
войскамъ финскимъ, проливавшимъ кровь за Швецію, не
оказывалось довѣрія; въ финскіе полки зачастую назнача-
лись шведскіе командиры; въ случаѣ удачи львиная доля
почестей всегда выпадала на долю шведовъ, а бремя страд-
аній на финскій народъ; въ войнахъ съ Россіею, шведы ли
наступали на русскихъ, русскіе ли на шведовъ, Финляндія
втеченіи вѣковъ была и мѣстомъ битвъ и средствомъ про-
питанія своихъ и непріятельскихъ войскъ; цвѣтъ молодежи
ея рѣдѣль отъ безпрерывныхъ войнъ и слѣдовавшихъ за
ними бѣдствій; война отвлекала рабочія силы отъ земледѣ-
лія и страна начала подвергаться частымъ неурожаямъ; на-
логи росли до такой степени, что подъ конецъ приходилось

платить за право пить чай, кофе, или носить карманные часы. Финны роптали, бунтовались, устраивали дубинные войны — и все же оставались вѣрны своему законному королю. Они возставали не противъ короля, а противъ его правителей.

Съ другой стороны не мало и преимуществъ получили финны отъ шведовъ. Они восприняли отъ нихъ свѣтъ христианского ученія и умственную культуру; черезъ нихъ были пріобщены къ европейской цивилизациі; отъ нихъ получили законы и формы гражданскаго быта. Финскіе крестьяне всегда оставались свободными, даже въ эпоху сильнѣйшаго чиновничьяго произвола.

Семь съ половиною вѣковъ шведское государство руководило судьбами Финляндіи; неудивительно, что у финновъ образовалась привычка къ господствующему племени, а привычка, какъ извѣстно, вторая природа.

Съ русскими же у финновъ не было ничего общаго. Войны прежняго времени отличались жестокимъ отношениемъ къ непріятелямъ, которыхъ не столько убивали, сколько разоряли. Отчеты командировъ были наполнены такими донесеніями: столько то деревень разорено, столько то сожжено, столько то взято скота и увезено рухляди. Хотя по свидѣтельству финскихъ историковъ русскіе военачальники строго соблюдали дисциплину въ войскахъ, а правители въ завоеванныхъ мѣстностяхъ отличались гуманностью не только въ Александровскую эпоху, но и въ Екатерининскую и Елизаветинскую и даже Петровскую; но злоупотребленія, разумѣется, бывали. Слухъ о нихъ нагонялъ такую панику на населеніе, что при одномъ имени русскихъ люди теряли головы и разбѣгались кто куда могъ. Рассказы о жестокостяхъ русскихъ передавались въ преувеличенномъ

видѣ отъ отца къ сыну, возбуждая ненависть къ побѣдителю. Шведская печать искусственно разжигала эту ненависть, выставляя русскихъ государей и ихъ чиновниковъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Понятно, что съ переходомъ во власть Россіи финны считали, что они попадаютъ изъ огня да въ полымя.

Поэтому неудивительно, что Императорское воззваніе не произвело того дѣйствія, какого отъ него ожидали. Къ тому же шведы старались волновать народъ, запугивая его крѣпостничествомъ и рекрутчиной. Но рекрутчины не боялись финны, стяжавшіе себѣ громкую славу на полѣ битвъ. Крѣпко привязанные къ родинѣ, они опасались, что ихъ вмѣстѣ съ войсками угонять далеко и они затеряются въ необъятныхъ пространствахъ Россіи. Узнавъ объ этомъ, Государь приказалъ объявить, что рекрутскій наборъ въ Финляндіи отлагается на нѣсколько лѣтъ, а потомъ прибавилъ, что послѣ принесенія финнами присяги, финское войско останется какъ оно было при шведскомъ правительстве. Такая поправка не порадовала финновъ, потому что при шведскомъ правительстве воинская повинность была такъ тяжела, что едва не повела къ возмущенію.

Финны между тѣмъ продолжали оставаться шведскими подданными. Такое положеніе было очень опасно для русской арміи, которая подвигаясь впередъ, оставляла въ тылу иноземное и враждебное населеніе. Рѣшено было привести финновъ къ присягѣ. Узнавъ объ этомъ, населеніе пришло въ замѣшательство. Многіе помнили, что при Елизаветѣ, когда большая часть Финляндіи была занята русскими, финновъ тоже приводили къ присягѣ; а потомъ, когда захваченное было возвращено Швеціи, финское населеніе должно было снова присягать шведскому королю. Отъ этого не мало людей пострадало.

Пока вырабатывалась форма присяги, всѣмъ европейскимъ державамъ разослана была, 20-го Марта, декларація, въ которой объявлялось, что Финляндія, бывшая шведскою, признается отнынѣ областю русскимъ оружiemъ покореною и навсегда присоединенною къ русской Имперіи.¹⁾ Русскому народу объявлено было объ этомъ особымъ манифестомъ.

Послѣ взятія Свеаборга, населеніе занятыхъ мѣстностей приведено было къ присягѣ. 9-го Мая присягалъ городъ Або, а за нимъ остальные изъ занятыхъ городовъ. Затѣмъ втеченіи недѣли присягнули живущіе въ уѣздахъ и крестьяне. Присяга приносилась при колокольномъ звонѣ и при особенно торжественной обстановкѣ.

Здѣсь необходимо отмѣтить ошибку, которая вкрадлась въ переводъ текста присяги на шведскій и финскій языки. По русскому тексту присягающіе обязывались служить Его Императорскому Величеству, Государю Императору. Въ переводе же титулъ видоизмѣненъ такъ: Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйшему Князю. Въ русскомъ текстѣ слова „Князь“ не было²⁾. Нечаянно или умышленно была сдѣлана ошибка—неизвѣстно:

По принесеніи присяги многимъ лицамъ дарованы были ордена; молодымъ дворянамъ обѣщаны придворныя званія. Но монаршія награды не вызывали радости у получившихъ ихъ. Друзья и знакомые осыпали ихъ насмѣшками, называя клеймеными. Молодые дворяне оставались глухи къ приглашеніямъ въ Петербургъ, гдѣ ихъ ожидали золотые мун-

¹⁾ Въ письмѣ Александра къ Наполеону: «Я объявилъ шведскую Финляндію русской провинціей».

²⁾ Ординъ Г. П стр. 88.

диры. Лѣтомъ они отговаривались тѣмъ, что ихъ удерживаетъ хозяйство; зимою—находили какой нибудь другой предлогъ. Нерасположеніе было настолько велико, что когда, позднѣе, вызвана была въ Петербургъ депутація, то изъ многихъ городовъ не нашлось никого желающагоѣхать въ русскую столицу. Нѣкоторые изъ видныхъ финляндскихъ дѣятелей открыто высказывали протесты. Всѣми уважаемый, 70-лѣтній профессоръ Калоніусъ въ своей печатной программѣ по случаю избранія ректора признавалъ, что настоящая война ведена съ такою умѣренностью, что заслуживаетъ быть поставленною въ примѣръ самымъ просвѣщеннымъ націямъ. Тѣмъ не менѣе онъ оплакивалъ жестокое время, когда подданные отрываются отъ своего законнаго государя и выражаютъ надежду, что шведскій король твердостью свою еще установить прежнее положеніе Финляндіи. „Пусть военное счастье—говорилъ онъ—тѣлесно отдало насть силѣ врага и принудило идти туда, куда гонить насть сила оружія, но души наши будуть твердо, съ неослабною вѣрностью и неизмѣнною покорностью принадлежать нашему прирожденному королю. Поэтому, пока исходъ войны неизвѣстенъ, и пока не заключенъ такой мирный договоръ, въ которомъ повелитель нашъ самъ откажется отъ своего права,—отъ воли подданнаго не зависить отказаться отъ своего долга, если онъ не хочетъ запятнать себя позорнымъ именемъ измѣнника“.

Удивительно ли, что такія рѣчи дѣйствовали на финновъ. Настойчивость съ которой они оставались вѣрными своему королю, служила ручательствомъ такихъ же чувствъ и къ новому повелителю.

Такъ смотрѣлъ на это дѣло и Державный побѣдитель; но ради безопасности своей Имперіи онъ долженъ былъ

ускорять развязку. Дерзкія письма Густава и зажигательные прокламации, которые разбрасывались по Финляндіи, волновали народъ, возбуждая его противъ русскихъ. Необходимо было монаршее слово, чтобы образумить ослѣпленныхъ и заставить ихъ наконецъ понять, что Финляндія никоимъ образомъ не будетъ возвращена Швеціи. По этому поводу Государь, 5-го Іюня, обратился съ манифестомъ уже къ „Намъ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи всякаго чина и состоянія“ въ которомъ объявлялось что „въ чредѣ народовъ скіперту россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто“. „Судьба страны вашей“,—говорилось въ манифестѣ,—„рѣшена безвозвратно. Слово наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно“. Обывателямъ рекомендовалось оставаться твердыми противъ всякихъ наущеній и подстрекательствъ, упоминалось о финскихъ офицерахъ, сражавшихся въ рядахъ шведовъ противъ русскихъ. „Долговременное коенїе ихъ“—говорилось дальше,—„полагало уже конецъ ожиданію нашему. Но преклоняясь къ судьбѣ семействъ, оставленныхъ ими безъ призрѣнія, Мы еще готовы принять ихъ какъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ и заблужденія ихъ навсегда изгладить изъ памяти Нашей, если втечениіи 6-ти недѣльного срока поспѣшать они возвратиться“.

„Обыватели Финляндія! Подъ сѣнью Престола Нашего покоятся многочисленные народы; судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоценны. Вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самыя равные права съ ними. Сверхъ древнихъ установленій странъ вашей свойственныхъ и свято Нами хранимыхъ, новое поле дѣятельности и трудолюбію вашему открывается“.

За день до изданія манифеста, Императоромъ оказанъ бытъ особый знакъ вниманія образованному сословію: Рескриптомъ 4-го іюня на имя главы Абосскаго университета, епископа Тенгстрема Государь не только утвердилъ всѣ права и преимущества университета, но и добавилъ 6,000 р., за недостаткомъ которыхъ не могло быть окончено постройкою новое университетское зданіе.

Подобная милости произвели больше впечатлѣнія, чѣмъ пожалованіе орденовъ и подарковъ отдѣльнымъ лицамъ. Ученая корпорація была глубоко тронута. Чувства еще болѣе оживились, когда въ 1809 г. Императоръ Александръ лично посѣтилъ университетъ.

Финская депутація.

Пользуясь затрудненіями, встрѣченными русскимъ правительствомъ въ Финляндіи, Спренгтпортенъ снова заговорилъ о сеймѣ. Онъ увѣрялъ Государя, что такимъ путемъ легче всего ознакомиться съ положеніемъ завоеванной страны, въ душѣ же надѣялся, что подобная мыса въ концѣ концовъ поведетъ къ обособленности Финляндіи, что ему и требовалось.

Помѣхой плану Спренгтпортена явился землякъ его Кликъ. Кликъ говорилъ, что въ сеймѣ нѣть никакой надобности, что входить въ объясненія и соглашенія съ покореннымъ народцемъ прямо неумѣстно, что сеймъ вскружить голову депутатамъ и подастъ имъ мысли, которыхъ они не въ правѣ имѣть.

Противъ сейма были также министръ иностранныхъ дѣлъ Румянцевъ и главнокомандующій Буксгевденъ.

Доводы генераловъ и Клика восторжествовали; Государь отказался отъ мысли о сеймѣ. Но такъ какъ необходимо

было ознакомиться съ нуждами страны, то порѣшили вызвать въ Петербургъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій.

Доброжелательная мѣра русскаго Государя не была оцѣнена финнами какъ слѣдовало. Вызовъ депутатовъ не возбудилъ сочувствія ни въ одномъ сословіи и всего менѣе въ дворянскомъ, искони одержимомъ духомъ противорѣчія. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что чѣмъ ближе къ Россіи находились мѣстности, гдѣ происходили выборы, тѣмъ меньше встрѣчалось возраженій; чѣмъ дальше на западъ, т. е. къ Швеціи, тѣмъ противодѣйствіе было упорнѣе и враждебнѣе.

Время для депутаціи выбрано было неудачно. Какъ разъ въ Іюлѣ русскія войска терпѣли пораженіе; двѣ трети Финляндіи были опять заняты шведами, а по сосѣдству съ Або крѣсировали суда Густава-Адольфа. Финнамъ весьма естественно было надѣяться, что и остальная часть Финляндіи освободится отъ русскаго владычества. Вотъ почему населеніе отнеслось къ созыву депутаціи не только несочувственно, но даже дерзко.

Приглашенные Абосскимъ губернаторомъ члены рыцарскаго сословія для выбора депутатовъ оттягивали дѣло. Главнокомандующій настаивалъ на скорѣйшемъ исполненіи воли Его Величества. Къ этому времени дѣла Россіи на полѣ брани начали поправляться, а у сторонниковъ Швеціи почва стала уходить изъ подъ ногъ. Наконецъ, 24-го Августа Абоскіе дворяне приступили къ выбору депутатовъ. Тоже произошло и въ другихъ городахъ.

Депутатамъ было объявлено, что они вызываются потому, что Государь, устрояя благоденствіе своихъ новыхъ подданныхъ, желаетъ ближе ознакомиться съ ихъ нуждами, чтобы облегчить бѣдствія, понесенные краемъ въ военное время. Слѣдовательно, созывъ депутатовъ получилъ опредѣленное

справочное значение. Историкъ же, Коскиненъ, пишеть, что депутаты вызваны были, чтобы обсудить съ Императоромъ дѣла управления Финляндіею и ихъ организациою, и что это было не депутація, а посольство.

Такое толкованіе по самому существу ошибочно. Посольствомъ могутъ быть представляемы только государства независимыя; здѣсь же, побѣдитель вызывалъ побѣжденаго затѣмъ, чтобы выслушать его мнѣніе о томъ, какъ помочь народной нуждѣ, и депутатамъ слѣдовало только отвѣтчать на вопросы, а не вдаваться въ произвольныя разсужденія. Но депутаты держались иного мнѣнія. Они явились съ выработанной программой, по которой главнымъ образомъ предписывалось настаивать на созывѣ сейма.

Когда все уже было готово, оставалось только ѻхать и исполнить патріотической долгъ, начались уклоненія. Многіе изъ депутатовъ струсили. Съ одной стороны, упорствомъ они боялись прогнѣвить Государя; съ другой—уступчивостью опасались подвергнуться порицанію своихъ соплеменниковъ. „Забавно было бы,—пишеть Коскиненъ,—прослѣдить длинный перечень болѣзней, которыхъ такъ внезапно поразили многихъ депутатовъ, имѣвшихъ отправиться въ Петербургъ.

По мнѣнию финскихъ историковъ, депутація оказала родинѣ большія услуги. Правильнѣе было бы сказать, что время, въ которое происходили переговоры съ финнами, оказалось имъ громадную услугу. Это было время, когда русские государственные люди съ Императоромъ Александромъ во главѣ увлекались европейскими государственными учрежденіями. Ближайшій совѣтникъ Государя Сперанскій положительно бредилъ ими. Поэтому все, что было хоть сколько нибудь похоже на эти учрежденія, возбуждало сочувствіе. Увлекающейся молодой Императоръ проронилъ въ первомъ

возваніі къ финнамъ нѣсколько неосторожныхъ обѣщаній и отступать отъ нихъ ему не хотѣлось. Финны были извѣстны какъ народъ смирный, свято соблюдавшій вѣрность законному монарху; почему же было не попробовать на нихъ тотъ порядокъ управленія, который издали казался такимъ идеальнымъ. Спренгтпортенъ усиленно поддерживалъ Государя въ этомъ намѣреніи, Сперанскій всей душою готовъ былъ помогать депутатамъ; Румянцевъ, единственный противникъ обособленного правленія для новыхъ подданныхъ, уѣзжалъ съ Государемъ въ Эрфуртъ. При такихъ условіяхъ депутатамъ не трудно было провести свою программу.

Все что извѣстно о личности финскихъ депутатовъ не представляетъ особыхъ доказательствъ ихъ талантливости. Всѣ эти люди, почтенные въ кругу своей дѣятельности, были, въ общемъ, самыми заурядными людьми. Одинъ Маннергеймъ могъ играть и игралъ видную роль. При такомъ составѣ, депутатамъ трудно было бы добиться цѣли, если бы время имъ не благопріятствовало.

Приемъ и содержаніе депутатовъ, даже платье сшитое представителямъ отъ крестьянъ, было принято на казенный счетъ. Финляндская депутація съ подарками ея членамъ обошлась казнѣ въ 52,000 р.

Въ ожиданіи возвращенія Государя, депутаты осматривали столицу. Но и послѣ его возвращенія они не скоро были приняты въ виду того, что не всѣ еще пріѣхали. Наконецъ 17-го Ноября, въ 4 часа, назначенъ былъ приемъ. Депутатовъ повезли въ парадныхъ каретахъ и Спренгтпортенъ, назначенный уже на постъ Финляндскаго Генераль Губернатора представлялъ ихъ Государю.

„Передъ блестящимъ трономъ В. И. Величества,—началъ Маннергеймъ свою рѣчь,—предстоитъ теперь часть Финлян-

дії въ лицѣ избранныхъ по милостивому повелѣнію депутатовъ, членовъ свободнаго, но послушнаго закону народа, отличающагося болѣе вѣрностью и преданностью законной власти, нежели удивленія достойными подвигами. Эти качества доказалъ онъ втеченіи шести столѣтій соединенія своего съ Швеціей. Теперь, когда судьбы Финляндіи измѣнились, и ей открываются новые горизонты счастія и благополучія, великодушный побѣдитель, найдетъ въ обитателяхъ Финляндіи вѣрныхъ подданныхъ. Депутація осмѣливается въ томъ увѣрить, особенно въ виду того, что новый властелинъ, которому удивляется вся Европа и принадлежитъ любовь его прежнихъ подданныхъ, желаетъ уготовать также и счастье финскаго народа". Затѣмъ отъ себя лично и отъ имени своихъ земляковъ, депутаты выразили благодарность за полученное милостивое удостовѣреніе, что религія, законы и прочія преимущества, которыми финны съ давнихъ временъ пользовались, будуть свято соблюдаemy.

Въ отвѣтъ на эту рѣчъ Его Величество выразилъ благоволеніе по поводу вѣрноподданическихъ чувствъ Финновъ. Принимая финскій народъ и его благо подъ свою защиту онъ подтвердилъ обѣщаніе сохранить финнамъ законы и привиллегіи, которыми они раньше пользовались.

Дальнѣйшее пребываніе депутатовъ въ Петербургѣ прошло среди пріемовъ и увеселеній. Они удостоились также приглашенія на придворныя празднества по случаю помолвки Великой Княжны Екатерины Павловны. Ко всѣмъ благосклонной Императрицы Марія Феодоровна была очень привѣтлива съ депутатами. Особымъ реескриптомъ на имя Спренгтпортена, она предоставила ему обратиться къ ней съ представленіемъ о воспитаніи финскихъ дѣвицъ.

Среди пріемовъ, визитовъ, баловъ и обѣдовъ депутаты

собирались на засѣданія, чтобы выработать меморіалъ, который долженъ быть служить отвѣтомъ на предложенные имъ вопросы. Выполняя данную имъ инструкцію добиваться сейма во что бы то ни стало, депутаты заявили, что не бывъ представителями всего финскаго народа, они не могутъ входить въ какія бы то ни было сужденія, принадлежащія земскимъ чинамъ въ обыкновенномъ порядкѣ предписываемомъ конституцію и что единственное средство выслушать голосъ народа по дѣламъ касающимся блага и пользы всѣхъ, это созвать общее собраніе земскихъ чиновъ, т. е. сеймъ. Въ такомъ духѣ былъ составленъ и меморіалъ, представленный Государю. Сеймъ былъ нуженъ финнамъ какъ средство положить основаніе обособленному положенію ихъ края. Точный планъ дѣйствій не былъ еще выработанъ, но въ общемъ предполагалось добиться черезъ генер.-губ. основанія временнаго правленія, которому надлежало заняться окончательной организацией Финляндіи.

Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ и Спренгтпортенъ. Онъ ловко и настойчиво проводилъ ту мысль, что Финляндія пользовалась наравнѣ съ Швеціею конституцію, управлялась тѣми же законами и что вытекающія отсюда блага такъ велики, что большаго и желать невозможно. При этомъ онъ не находилъ нужнымъ прибавить, что въ Финляндіи примѣнялись шведскіе законы потому, что она была шведскою провинціею; со вступленіемъ же въ составъ Россійской Имперіи должна была управляться законами русскими, такъ какъ права надъ нею переходили отъ Швеціи къ Россіи.

Депутаты уѣхали вполнѣ удовлетворенные. Они получили все, чего хотѣли; обѣщаніе Государя созвать сеймъ, исполненіе почти всѣхъ просьбъ, личныхъ и общественныхъ.

Выработавъ планъ „временнаго управленія Финляндіей,

Спренгтпортенъ представилъ его Государю. Все въ этомъ планѣ было согласовано съ пользами Финляндіи и выгодами генералъ-губернатора, который получалъ почти неограниченную власть. И тѣмъ не менѣе Спренгтпортенъ не могъ обойти двухъ капитальной важности постановленій, которыхъ неизбѣжно истекали изъ всѣми признанного положенія Финляндіи какъ „русской провинціи“. Шведскій языкъ сохранялся лишь временно, пока государственный языкъ, русскій, не войдетъ во всеобщее употребленіе, при чёмъ правительству указывалось заняться устройствомъ русскихъ школъ (парагр. 6). Второе (парагр. 11): Отчеты о ходѣ дѣлъ представлять Государю и Его министрамъ, что означало признаніе подчиненности Финляндіи высшему русскому правительству.

Противъ этого параграфа рукою Александра I отмѣчено: Кромѣ сего пункта, всѣ же представленія дѣлать ко мнѣ.

Такое рѣшеніе превзошло, казалось, самая смѣлья ожиданія финновъ. Не чаяли этого гейнольскіе избиратели, когда лѣтомъ, выбирая депутатовъ, робко выражали желаніе, чтобы отправленіе верховной власти принадлежало только лично Его Величеству. Не полагалъ и Спренгтпортенъ, чтобы финляндскія дѣла могли быть направляемы иначе, какъ въ подлежащія министерства. Не угадывалъ и Императоръ, что его надпись поведетъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ впослѣдствіи, къ превратному толкованію, что Финляндія соединена не съ Россіею, а только съ ея Монархомъ.

Между тѣмъ дѣло объяснялось очень просто. Государю хотѣлось поближе познакомиться съ положеніемъ Финляндіи, что и облегчалось личнымъ просмотромъ дѣлъ; но такъ какъ Государь не зналъ шведскаго языка, бывшаго государственнымъ въ Финляндіи, то ему понадобился личный секретарь, которымъ и былъ назначенъ, по рекомендациіи Ман-

пергейма, одинъ изъ финскихъ депутатовъ Ребиндеръ. Общее завѣдываніе финляндскими дѣлами поручалось государственному секретарю Сперанскому. Если бы Государь задумалъ дѣйствительно обособить Финляндию въ отдѣльную единицу, то онъ сдѣлалъ бы это соотвѣтствующимъ актомъ, манифестомъ, или указомъ, которыми такъ богатъ былъ 1808 годъ.

Положеніе „о временномъ управлениі“ было утверждено Государемъ 19-го Ноября, но о мѣстѣ, гдѣ будетъ находиться это важное учрежденіе, ничего не говорилось. Подобное учрежденіе въ Швеціи, замѣнившее тамошній сенатъ, находилось въ Стокгольмѣ и относилось ко всему государству. Казалось бы, что финляндскому высшему управлению надлежало быть въ Петербургѣ, гдѣ былъ уже сенатъ, вѣдавшій въ качествѣ высшей инстанціи дѣла Имперіи и инородческія. Этого однако же не случилось и вопросъ о мѣстонахожденіи „временного правленія“ оставался пока открытымъ.

Сеймъ въ Борго.

Созваніе сейма, которому „Положеніе о временномъ управлениі Финляндіи“ отъ 19 го Ноября 1808 г. присвоило название „генерального и конституціонного собранія“ близилось къ своему осуществленію. Русскіе государственные люди мало были знакомы съ шведскими учрежденіями, а разговоры съ финнами только спутывали понятія. Въ результатѣ оказалась ошибка; къ учрежденію мѣстному примѣнили формы учрежденія государственного.

Сеймы въ Швеціи были двоякаго рода: общегосударственные—риксдаги, и провинціальные — ландтаги. Сеймы Финляндіи какъ шведской провинціи могли быть только ланд-

Городъ Борго.

тагами. Такъ и называется въ финскихъ источникахъ сеймъ, обѣщанный Александромъ I финляндцамъ.

Государственные сеймы, риксдаги, собирались по большей части въ Стокгольмъ и обставлялись особой торжественностью. По шведскимъ постановленіямъ представительныя права принадлежали четыремъ сословіямъ: дворянству, духовенству, горожанамъ и крестьянамъ—землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ всѣ сословія какъ будто одинаково принимали участіе въ управлении; на дѣлѣ же оказывалось, что не только дворяне, но и одна какая нибудь партія зачастую присваивала себѣ власть.

Дворянство, въ качествѣ сеймового сословія, дѣлилось на три класса: титулованныхъ (классъ господъ), рыцарей—потомковъ государственныхъ совѣтниковъ, и дворянъ служилыхъ (вродѣ польской шляхты). Каждый родъ былъ записанъ въ такъ называемомъ рыцарскомъ домѣ, общемъ для Швеціи и ея провинцій. Каждый родъ въ лицѣ своего главы, т. е. старшаго члена старшей линіи, имѣлъ право представительства. Сословіе духовенства составляли епископы, главные пасторы (пробсты), преподаватели и должностныя лица университета. Къ сословію горожанъ принадлежали лица, получившія гражданство въ городахъ, купцы, фабриканты, а также выборные отъ магистрата. Крестьяне, самый многочисленный классъ населенія, дѣлились на два разряда: крестьянъ-собственниковъ (скаттовыхъ) и безземельныхъ, торпарей; крестьяне собственники составляли 4-ое сеймовое сословіе. Всѣ прочіе жители: военные и гражданскіе чиновники, рабочіе, прислука—въ сеймахъ представительства не имѣли.

Созывать риксдагъ имѣлъ право только король назначавшій время и мѣсто собранія. Король предлагалъ на разсмо-

трѣніе государственныхъ чиновъ всѣ главнѣйшіе вопросы, касавшіеся управлениія, измѣненія коренныхъ законовъ, изданія уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, введенія новыхъ налоговъ, организаціи военной службы и т. д. Постановленія риксдага становились законными только по утвержденіи короля. Въ случаѣ несогласія король могъ отложить решеніе до слѣдующаго собранія.

Для управления совѣщаніями король назначалъ ораторовъ—тальмановъ и представителя риксдага, ландмаршала.

Такъ какъ по шведской конституціи представители народа раздѣляли съ королемъ верховную власть, то и присяга на вѣрность приносилась не только королю, но и государственнымъ чинамъ.

Таковы были начала, которыя Александръ I, по предложенію фипскихъ совѣтниковъ, долженъ былъ примѣнить къ открытію сейма въ новопокоренной провинціи. Первоначально назначенные для этой цѣли города Ловиза и Або оказались неудобными и выборъ остановился на Борго. Маленькому городку суждено было видѣть въ стѣнахъ своихъ такой сеймъ, какого въ Финляндіи никогда не бывало. На устройство этого сейма отпущенъ русской казной сто тысячъ рублей.

Русское правительство, обѣщаю сохранить права и преимущества завоеванному краю, весьма смутно понимало, что именно оно обѣщало. Императоръ Александръ, занятый міровыми вопросами, столь мало интересовался сеймомъ, что ему приходилось о немъ напоминать. Наконецъ 20-го Января 1809 года утверждена была грамота, объявляющая о созывѣ сейма въ Борго на 10-ое Марта. Въ этой грамотѣ Александръ, послѣ всѣхъ своихъ титуловъ, въ первый разъ именовалъ себя Великимъ Княземъ Финляндскимъ и вновь покоренную страну Великимъ Княжествомъ. „По соединеніи волею Пр-

видѣнія“—говорилось въ грамотѣ — „и успѣхами Нашего оружія Великаго Княжества Финляндскаго навсегда съ Нашею Имперію, благосостояніе его жителей дѣлается однимъ изъ предметовъ Нашихъ попеченій“. Затѣмъ шло объявленіе о сеймѣ „сообразно съ установленіями страны. По французки: „conformément aux constitutions“; „Landets författningsar“.

Начались приготовленія. На первомъ планѣ стояло изображеніе ландмаршала, которымъ и утвержденъ былъ де-Гееръ, человѣкъ по отзыву Ребиндера слабый и неустойчивый.

Въ церемоніаль открытия шведскаго риксдага входило принесеніе лично королю присяги маршаломъ дворянства, архіепископомъ и канцлеромъ юстиціи. При этомъ короли вручали маршалу особый жезль съ государственнымъ гербомъ, какъ эмблему государственной власти. За неимѣніемъ такового для Финляндіи, какъ шведской провинціи, де-Гееръ сочинилъ особый жезль съ гербомъ Финляндіи, послать проектъ Сперанскому и, съѣздивъ въ Петербургъ, получилъ жезль. Въ тоже время милостію Императора кассированъ былъ шведскій приговоръ надъ Аньянскими заговорщиками. Шестерымъ, включая Спренгтпортена, возвращены принадлежавшія имъ въ ихъ отечествѣ права и преимущества.

Въ отличіе отъ текста конституціонной шведской присяги, предводитель дворянскаго сословія назывался здѣсь не ландмаршаломъ, а просто маршаломъ, „maréchal de la noblesse“, что измѣняло его значеніе, приближая къ русскому Предводителю Дворянства на Дворянскихъ или земскихъ собраніяхъ. О назначеніи маршала было выражено, что оно совершилось „милостію Его Величества Императора Россіи и Великаго Князя Финляндіи“. Сверхъ того, какъ де-Гееръ, такъ и епископъ Тенгстрѣмъ называютъ Императора Александра Государемъ „mon maître“ признавая себя такимъ

образомъ его подданными. Однимъ словомъ текстъ присяги, значительно уклоняясь отъ шведской конституціонной формы, все въ сущности оставлялъ на волю Императора Александра. Тѣмъ не менѣе, неясности и недомолвки, допущенные Сперанскимъ ради избѣжанія коренной ломки финляндскихъ учрежденій на первыхъ порахъ умиротворенія завоеванного края, поставили позднѣе обѣ стороны въ затруднительное положеніе. Когда все было уже готово, распространился слухъ, что Государь не пріѣдетъ. Финскіе политики и Спренгтпортенъ сильно волновались. Моннергеймъ находилъ, что присутствіе Императора на сеймѣ важно всѣхъ подвиговъ русскихъ войскъ; Спренгтпортенъ просилъ Сперанского въ такомъ случаѣ отложить сеймъ. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что слухи были ложны и всѣ успокоились. Герольды при барабанномъ боѣ и звукѣ трубъ объявили на рыночной площади обѣ открытіи сейма и земскія сословія стали собираться въ назначенный имъ мѣста.

13-го Марта главнокомандующій Кноррингъ, къ сильному неудовольствію Императора, отозвалъ войска, геройски перешедшіе въ Швецію; и въ этотъ же день Александръ со свитою выѣхалъ въ Борго, съ цѣлью не только присутствовать на сеймѣ, но и лично удостовѣриться въ положеніи русскихъ войскъ и средствахъ, путемъ которыхъ предстояло нанести рѣшительный ударъ шведамъ. Въ Борго Государь прибылъ 15-го числа.

Было холодно, но солнце свѣтило ярко на скромный городокъ, живописно лежащій близъ Финскаго залива, съ его стариннымъ каменнымъ соборомъ посреди темнокрасныхъ деревянныхъ домиковъ на узкихъ и кривыхъ улицахъ. Время подходило къ полудню, когда Боргоскіе колокола и русскія пушки возвѣстили о прибытіи Императора Александра.

Передъ заставой онъ сѣлъ на коня и торжественно въѣхалъ въ городъ подъ тріумфальной аркой съ надписью: „Александру I. Его оружіе овладѣло краемъ, а кротость покорила сердца.

У городскихъ воротъ ожидали Спренгтпортенъ, чиновники и толпы народа. При колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ прослѣдовалъ Александръ между шпалерами русскихъ войскъ къ приготовленному для него дому. У подъѣзда встрѣтили его земскіе чины и маршалъ съ жезломъ. Постѣдовали представленія и затѣмъ нѣкоторые депутаты были приглашены къ царскому столу.

Представители сословій собрались на сеймъ далеко не въ большомъ числѣ. Наименѣе отзывчивости выказали члены дворянскаго сословія; изъ 231 явились только 56.

Въ тотъ же день, 15 Марта, издана была грамота, кото-рою Государь подтверждалъ уже неоднократно выраженное обѣщаніе сохранить финнамъ ихъ религію и привилегіи. Грамота написана по-русски и подписана „Александръ“. Она гласитъ:

„Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщаю хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствії“.

Изъ приведенного подлиннаго текста прежде всего явствуетъ, что Императоръ Александръ вступилъ въ „обладаніе“ Великимъ Княжествомъ не въ силу какого-либо соглашенія а тѣмъ менѣе договора, а исключительно „Произволе-

ніемъ Всевышняго“ выразившемся въ предоставленныхъ ему . Промысломъ побѣдахъ. Въ этихъ словахъ содержался весь принципъ не конституціоннаго, а Самодержавнаго Государя, власть котораго признается имѣющею божественное происхожденіе.

Государь „призналъ за благо“, т. е. поступилъ по собственному своему произволенію, издавая грамоту, сохраняя финляндцамъ ихъ преимущества и созывая сеймъ.

Для опубликованія грамоты сдѣланъ былъ шведскій переводъ, вѣрность котораго удостовѣрилъ помощникъ Спранскаго Ребиндеръ, не знавшій русскаго языка. Благодаря этому обстоятельству въ шведскомъ переводѣ вкрались крупныя искаженія, повлекшія за собою неизбѣжные кривотолки.

Вслѣдствіе пропуска слова „вновь“ боргосская грамота явилась какъ-будто совершенно особымъ, самостоятельнымъ, впервые на сеймѣ совершеннымъ актомъ. Самое слово „грамота“, т. е. царское пожалованіе, замѣнено въ переводѣ словомъ „удостовѣрительный актъ“ взятымъ изъ шведской конституціи и обозначавшимъ присягу приносимую королемъ.

Относительно религії русскій текстъ подразумѣвается оставленіе каждому ту вѣру, которую онъ исповѣдуетъ. Въ переводѣ же помѣщено „религія страны“, т. е. евангелическо-лютеранская, вслѣдствіе чего Православная церковь оказалась какъ-бы безправною.

Затѣмъ слово „подданные“ переведено словомъ „жители“, что сильно измѣняло смыслъ, такъ какъ льготы обѣщаны только русскимъ подданнымъ, т. е. людямъ покорившимся новымъ условіямъ политического быта, а не всѣмъ вообще обывателямъ между которыми много еще было враговъ Россіи.

Наконецъ, слово „по конституціямъ“ поставлено въ единственномъ числѣ, что далеко не одно и тоже. Конституція, по понятіямъ финскаго народа, обеспечивала странѣ самоуправлениe съ ограничениемъ верховной власти, тогда какъ выражение „по конституціямъ“ означало только „установленія“. Въ послѣдующихъ актахъ Александръ I употреблялъ и то и другое выраженіе, не придавая большого значенія формѣ. Вообще разноязычіе произвело не малую путаницу въ понятіяхъ. Цвѣтистый французскій языкъ располагалъ къ фразѣ, а фраза затемняла смыслъ. Шведскій языкъ былъ незнакомъ русскимъ чиновникамъ и ошибки перевода оставались неисправленными. На такихъ переводахъ воспитывалось молодое поколѣніе и неудивительно, что между достойными уваженія финнами есть люди, которые на основаніи подобныхъ переводовъ строятъ теорію государственной обособленности ихъ края.

Открытие сейма состоялось по заранѣе выработанному церемоніалу. Въ этотъ день, 16-го Марта, погода стояла такая же какъ и наканунѣ. Яркое солнце придавало всей картины праздничный видъ. Движеніе на улицахъ было громадное. Дворянское сословіе собиралось къ государеву дому; другія сословія—въ лютеранскій соборъ. У государева подъѣзда ожидалъ балдахинъ серебряной парчи съ золотомъ и шифромъ Высочайшаго имени. Штанги держали генералы и штабъ-офицеры. Къ десяти часамъ вышелъ Императоръ, окруженный сановниками и процессія двинулась.

Открывали шествіе два герольда финляндскаго дворянства въ одѣяніи синяго цвѣта съ серебромъ; за ними маршаль съ жезломъ и дворяне по два въ рядъ, чиновники и генераль-губернаторъ. Это были представители вновь покоренной страны. Даѣше шла русская власть, предшествуемая

двумя герольдами Российской Империи съ красными перьями на головныхъ уборахъ, въ одѣяніяхъ зеленаго бархата съ серебромъ и съ андреевскими звѣздами на груди и спинѣ; за ними Императоръ Александръ, окруженный русскими высшими чинами.

По пути къ церкви войска отдавали честь своему Государю, играла музыка, палили пушки, звонили колокола. Войдя въ храмъ подъ звуки органа, Государь всталъ на приготовленное ему мѣсто, русскіе герольды передъ нимъ; на ступеняхъ трона размѣстились русскіе сановники; депутаты заняли мѣста по церемоніалу. Для дамъ отведено было мѣсто между колоннами противъ Государя. Все богослужение и длинную проповѣдь по-шведски Государь выслушалъ стоя, и хотя было холодно, не надѣвая теплаго плаща. При пѣніи псалма „Тебѣ Бога хвалимъ“ процессія двинулась въ залу засѣданій въ домѣ гимназіи.

Занявъ мѣсто на тронѣ, Государь сказалъ по-французски рѣчь, въ которой находились, послѣ повторенія прежнихъ обѣщаній, слѣдующія прочувствованная слова: „Это собраніе составить эпоху въ вашемъ политическомъ существованіи. Оно имѣетъ цѣлью укрѣпить узы, привязывающія васъ къ новому порядку вещей, пополнить права, предоставленные мнѣ военнымъ счастьемъ, правами болѣе дорогими для моего сердца, болѣе сообразными съ Моими принципами; тѣми, что даютъ чувства любви и привязанности“.

Въ этой рѣчи слово „конституція“ произнесено было въ единственномъ числѣ. Обмолвился ли Императоръ, не придавая этому слову особаго значенія, или рѣшился управлять Финляндіею на началахъ западныхъ государствъ—осталось скрытымъ въ тайникахъ его души. Финнами же это выраженіе было истолковано, конечно, въ желаемомъ для нихъ смыслѣ.

Открытие сейма Александром I.

Изъ позднѣйшихъ записокъ финскаго депутата Маннергейма видно, что никакого сеймоваго рѣшенія относительно формъ конституціи подписано не было. Сеймъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. „Быть можетъ“, — писалъ Маннергеймъ — „совѣтники Государя не пожелали этого. Быть можетъ и самъ онъ не захотѣлъ слишкомъ задѣять русское общественное мнѣніе. Существенной стороной сейма въ Борго было торжественное обѣщаніе Государя сохранить законы, привилегіи и учредить собственное управление совершенно обособленное отъ Россіи. Осталась надежда, что на будущихъ сеймахъ удастся организовать и укрѣпить конституцію Финляндіи; надежда, которая въ царствованіе Александра I была близка къ осуществленію, но по неизвѣстнымъ причинамъ не осуществилась“.

Въ многочисленныхъ рѣчахъ произнесенныхъ отъ имени сословій, среди выражений преданности и благодарности слово „конституція“ произнесено не было. Ясно, что дѣятели того времени не придавали этому слову въ устахъ Государя того значенія, которое стали придавать впослѣдствіи ихъ потомки.

Объявивъ сеймъ открытымъ, Государь предложилъ чинамъ заняться обсужденіемъ способовъ, которые могутъ наиболѣе привести къ благосостоянію жителей. Сейму предстояло обсудить слѣдующіе вопросы:

„О военномъ устройствѣ“, при чемъ Государю угодно было удостовѣрить сословія, что кроме учрежденія милиціи и образования регулярныхъ войскъ на Его собственные средства — другой способъ рекрутской повинности не будетъ имѣть места въ Финляндіи.

„О взиманіи податей“. Въ этомъ вопросѣ безкорыстный побѣдитель далъ понять, что всѣ избытки доходовъ пойдутъ на устройство благосостоянія жителей.

„О монетной системѣ въ устройствѣ которой Государь расположены приди на помощь своимъ вѣрнымъ финляндскимъ подданнымъ“.

„О способѣ назначенія членовъ въ „Правительственный со-вѣтъ“ и разработкѣ плана этого учрежденія.

По прочтеніи этихъ предложеній, церемонія кончилась. Процессія возвратилась тѣмъ же порядкомъ какъ и пришла.

Къ столу Императора въ этотъ день, 16-го Марта, приглашены были, какъ и наканунѣ, нѣкоторые депутаты. Вечеромъ былъ балъ, предложенный сословіями. Императоръ танцевалъ и много разговаривалъ съ дамами.

На третій день пребыванія Императора въ Борго, 17 Марта, въ церкви произнесена была присяга въ присутствіи Государя и сословій. Присяга принесена была всѣмъ населеніемъ еще годъ назадъ, но теперь для укрѣпленія преданности новыхъ подданныхъ сочли нужнымъ повторить ее.

Называя Александра „Императоромъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ и Великимъ Княземъ Финляндскимъ“, присягающіе клялись сохранять коренные законы и привилегіи своей страны, быть опорою верховной власти и во всемъ повиноваться ей. Текстъ присяги совсѣмъ не соотвѣтствовалъ тексту таковой же по шведской конституціи 1772 г. Согласно послѣдней король, ограничивая свою власть, считалъ для себя великой честью быть первымъ гражданиномъ свободнаго народа. Присяга въ такой формѣ, разумѣется, не могла быть предложена Государю и не была бы утверждена имъ.

Наиболѣе смѣлые изъ финновъ, баронъ Маннергеймъ и фонъ-Маріанъ, приглашенные 16 Марта къ Императорскому столу, рѣшились (по словамъ Кастрена) въ разговорѣ съ Сперанскимъ намекнуть о конституціонной присягѣ прино-

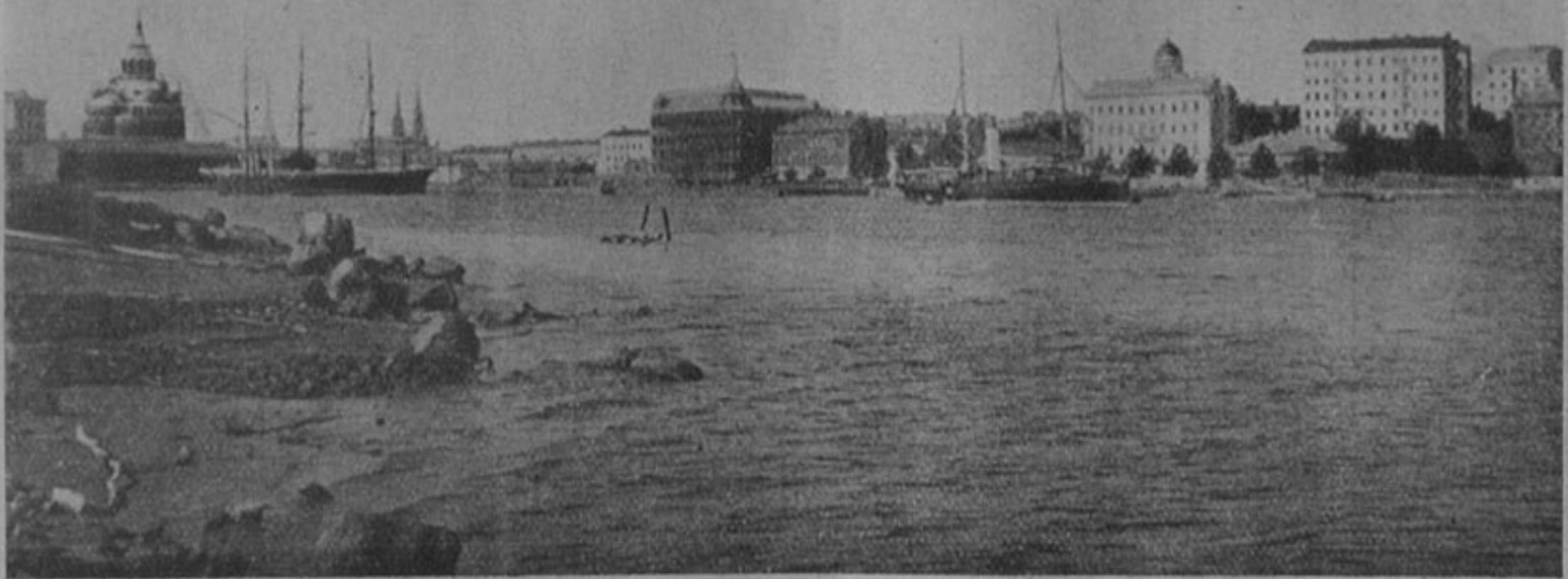
сими шведскими королями... Въ тотъ же вечеръ распространился слухъ о крайнемъ недовольствѣ Государя подобными заявленіями и обѣ угрозѣ его закрыть сеймъ и распустить чиновъ. Слухъ не подтвердился и сеймъ продолжался своимъ чередомъ.

Послѣ присяги сословій послѣдовали благодарственные рѣчи депутатовъ и заключительное слово Императора. Затѣмъ одинъ изъ герольдовъ, выступивъ передъ трономъ, возгласилъ: Да здравствуетъ Александръ I, Императоръ Всероссійскій Великій Князь Финляндскій!“ при чемъ присутствующіе отвѣчали: „Да здравствуетъ Александръ!“ Потомъ была прочтена благодарственная молитва, пропѣто „Тебѣ Бога хвалимъ!.. и Государь возвратился домой, сопровождаемый тѣми же восклицаніями.

По предложенію Ребиндера и съ согласія Государя рѣчи Его Величества были напечатаны и обнародованы.

Въ тотъ же день, 17 Марта, Государь уѣхалъ въ Гельсингфорсъ; на другой день онъ осматривалъ Свеаборгъ, а 19 числа былъ уже въ Або, совершивъ вѣзду въ этотъ древній городъ Финляндіи верхомъ, при колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ и необычайномъ стеченіи народа. Воїска, за нѣсколько дней передъ тѣмъ возвратившіяся изъ Щвеціи и съ Аланда, стояли въ ружьѣ и потомъ проходили передъ Императоромъ церемоніальнымъ маршемъ. Всѣ значительнѣйшіе изъ обывателей удостоились представленія Его Величеству. Затѣмъ состоялся парадъ, обѣденный столъ у высокаго посѣтителя и вечеромъ—иллюминація.

На слѣдующій день Государь посѣтилъ гофферихтъ (высшій судъ), при чемъ Всемилостивѣйше повелѣль смягчить наказаніе одному преступнику. Члены гофферихта просили о пожалованіи суду портрета Императора въ память его посѣ-

Гельсингфорсъ.

щенія. Государь согласился съ тѣмъ однако, чтобы портретъ учредителя суда Густава Адольфа оставался на прежнемъ мѣстѣ.

Затѣмъ Государь поѣхалъ въ упиверситетъ, гдѣ ему оказались быть торжественный пріемъ. Кроме известныхъ уже намъ заочныхъ милостей университету, Государь пожертвовалъ еще 20,000 на окончаніе строящагося студенческаго дома съ общашіемъ ежегоднаго вспомоществованія пока зданіе не будетъ готово. Въ довершепіе милостей Александръ предложилъ упиверситету выбрать себѣ канцлера изъ русскихъ сановниковъ. Затрудняясь выборомъ, финны просили Государя, чтобы онъ самъ назначилъ имъ канцлера. Въ виду того, что финляндскій упиверситетъ предполагалось поставить въ связь съ министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Государь назначилъ Сперанскаго, бывшаго уже членомъ училищнаго правленія въ Россіи. Позднѣе, канцлеромъ былъ Великій Князь Николай Павловичъ, а по вступленіи его на престолъ наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

Чтобы судить о впечатлѣніи, которое произвело на населеніе пребываніе Императора Александра въ Або, возьмемъ на выдержку нѣсколько словъ пѣрваго профессора Лагуса:

„Мы едва вѣрили глазамъ своимъ, когда этотъ Гиперборейскій Атлантъ презирая ненастье, верхомъ вѣхалъ въ городъ. Всѣмъ, вокругъ стоявшимъ тѣсною толпою, онъ кланялся съ необычайно радостною привѣтливостью. Допущенные въ присутствіе Монарха не могли мы надивиться чудной сладости его рѣчи, милостивому и плѣнительному Его обращенію и всѣмъ высокимъ украшеніямъ и достоинствомъ души Его“ 22 марта Государь прибылъ въ Тавастгустъ и остановился въ домѣ нѣкоего Меллерсвельда. Вся семья и самъ хозяинъ получили потомъ богатые подарки.“

Знакомясь съ мѣстными учрежденіями и въ томъ числѣ съ управлениемъ генераль-губернатора, которому по мысли Спренгтпортена назначено было мѣстопребываніе въ этомъ городѣ, Государь нашелъ, что было бы удобнѣе перенести генераль-губернаторское управление въ Або. Это мнѣніе, вскользь высказанное, повело за собой обстоятельства, устранившія со сцены лицо, игравшее въ послѣднихъ событияхъ выдающуюся роль.

Болѣе 20 лѣтъ Спренгтпортенъ мечталъ о томъ положеніи, которое онъ потомъ занялъ въ своемъ отечествѣ. Заклейменный соотечественниками именемъ измѣнника, онъ, благодаря Монаршему довѣрію, возстановилъ свое достопочтество во мнѣніи выдающихся финновъ, „Большое счастье для Финляндіи“,—писалъ Маннергеймъ Румянцеву,—„и особая милость Его Величества заключается въ томъ, что странѣ данъ такой генер.-губер. какъ Спренгтпортенъ“. И вдругъ все это величие рухнуло! Чрезмѣрное честолюбіе и безтактные поступки отуманенного властью Спренгтпортена возбудили гнѣвъ Государя, и еще до закрытія сейма, генер.-губерн. былъ уволенъ въ отставку. Послѣ того онъ не имѣлъ уже никакого вліянія на дѣла своей родины.

Возвращаясь въ Петербургъ, Александръ I еще разъ обратился къ жителямъ Финляндіи. Въ манифестѣ повторялись почти тѣ же выраженія, которые составляли сущность грамоты 15 Марта „Будучи глубоко увѣрены“,—говорилось въ заключеніе,—„что этотъ добрый и честный народъ навсегда сохранить къ намъ и наслѣдникамъ Нашимъ тѣ же чувства вѣрности и неизмѣнной привязанности, кои всегда его отличали, Мы приложимъ стараніе съ помощію Божію постоянно давать ему новыя доказательства нашихъ усердныхъ отеческихъ попеченій о его счастіи и преуспѣянії“.

Эти сердечные слова, — по выражению финского историка, — были послѣднимъ привѣтствіемъ Александра финскому народу. Финны почувствовали, что изъ порабощенныхъ они превратились въ подданныхъ равноправныхъ съ другими, привязанныхъ къ монарху узами любви и благодарности.

Послѣ отъѣзда Государя сеймъ приступилъ къ занятіямъ. Характеръ его, какъ извѣстно, былъ чисто совѣщательный. Земскимъ чинамъ предоставлено было обсудить и высказать мнѣніе по поводу предложенныхъ имъ вопросовъ. Въ программѣ по этимъ вопросамъ встрѣчаются такого рода выраженія: „позволяетъ сословіямъ“ (*vent bien permettre*) предстavить Ему ихъ мнѣнія (*avis*); „приметь въ соображеніе (*prendra en considération*)“.

Задача возложенная на земскихъ чиновъ была настолько пріятна ихъ патріотическому чувству, что они невольно увлекались и отклонялись отъ указанныхъ имъ границъ. Записки и протоколы то и дѣло летали къ Сперанскому, ставя его въ непріятную необходимость отклонять ихъ.

Срокъ закрытія сейма приближался, и Сперанскій счѣль нужнымъ напомнить земскимъ чинамъ о ихъ обязанностяхъ. «По мѣрѣ приближенія времени закрытія сейма», — писалъ онъ маршалу де-Гееру, — «свѣдѣнія о томъ, къ чему пришли разсужденія на немъ становятся для насъ все болѣе и болѣе необходимыми. Ничто постороннее четырѣмъ предложеніямъ Е. И. В. не будетъ допущено къ обсужденію. Таковы были всегда намѣренія Его Величества».

Послѣ такого заявленія земскимъ чинамъ ничего не оставалось болѣе какъ приступить къ редакціи отвѣтовъ на предложенные Государемъ вопросы.

Относительно милиціи испрашивалось, чтобы войска по-

ставлялись земледѣльцами по способу практикуемому уже болѣе столѣтія. Заявлено желаніе, чтобы сбора милиціи не было покрайней мѣрѣ 50 лѣтъ, чтобы какъ нижніе чины такъ и командиры избираемы были изъ финновъ и, чтобы народное войско, составляя охрану страны, не назначалось въ походъ въ предѣловъ края. За такія льготы сословія предлагали вносить такъ называемую «вакантную» подать платимую за освобожденіе отъ поставки солдатъ.

Такимъ образомъ народные представители, настаивавшіе всѣми силами на оставленіи у нихъ шведскихъ порядковъ, требовали такихъ льготъ для своего войска, какими послѣднее никогда не пользовалось. По шведскимъ порядкамъ командиры въ финскихъ войскахъ были шведы, финское войскошло въ походъ куда ему прикажутъ и безропотно проливало кровь за Швецію.

Въ отношеніи податей сословія представили цѣлый проектъ упрощенія и болѣе правильнаго распределенія податей.

Относительно монеты былъ принятъ единицею русскій серебряный рубль, съ оставленіемъ въ обращеніи шведскихъ денегъ только на годъ. Кромѣ того земскія сословія ходатайствовали, о ссудѣ одного или двухъ миллионовъ безъ процентовъ на учрежденіе банка, который долженъ управляться сеймовыми уполномоченными и называться «банкомъ земскихъ чиновъ Финляндіи». Въ заключеніе просили по окончаніи войны снова созвать сеймъ. На эти ходатайства послѣдовала резолюція полгода спустя, 17 Декабря 1809 г. Повелѣно основать въ Або контору для размѣна денегъ, а также для вкладовъ и займовъ съ отпускомъ въ основной капиталъ одного миллиона серебромъ. Ни о созывѣ сейма, вторично, послѣ войны ни о «Банкѣ земскихъ чи-

новъ Финляндії» рѣчи не было. Монетное дѣло въ Княжествѣ до 1839 г. оставалось пеизмѣненнымъ.

По вопросу о Правительственномъ Совѣтѣ, или Совѣтѣ Правлениія сеймъ ограничился нѣсколькими замѣчаніями и выборомъ кандидатовъ. Самый же вопросъ разрабатывался уже послѣ распущенія земскихъ чиновъ. Изъ замѣчаній слѣдуетъ указать на ходатайство земскихъ чиновъ, чтобы члены Совѣта были непремѣнно финны и лютеране. По шведской конституціи 1772 г. членамъ Совѣта полагалось быть обязательно государственной, т. е. шведской національности. Слѣдовательно, съ переходомъ финновъ въ русское подданство шведскихъ членовъ Совѣта должны были замѣнить лица государственной національности, т. е. русские. Случилось, однако, что финнамъ удалось провести свою національность, которая какъ бы признавалась государственою — обстоятельство, послужившее къ превратнымъ толкованіямъ впослѣдствіи.

Императоръ Александръ прибылъ, какъ и обѣщалъ, на закрытіе сейма 7-го Іюля. Церемоніаль былъ почти тотъ же, что и при открытии, только нѣсколько короче. Изъ рѣчей, сказанныхъ при закрытии, наиболѣе замѣчательна рѣчь епископа Тенгстрѣма.

„Государь! Впродолженіе этого собранія, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладится изъ лѣтописей Финляндіи, сословія Финляндіи постоянно удостовѣрялись въ отеческой благосклонности, съ которой В. И. В. пріемлете *свой новый народъ*.

„Не ограничиваясь тѣмъ, что вы подтвердили законы страны, права и преимущества, Вы удостоили предоставить обсужденію земскихъ чиновъ предметы чрезвычайной важности (идеть перечень ихъ).

„Насколько такія благодѣянія со стороны могущественнаго побѣдителя побѣжденному народу представляются по-разительно рѣдкими въ исторіи, настолько должна отличаться признательность финскаго народа Монарху, который за всѣ труды и попеченія не ищетъ другого вознагражденія, кромѣ искренней и постоянной любви его счастливыхъ подданныхъ“.

Затѣмъ епископъ удостовѣряеть, что всѣ указы и повелѣнія, которыя угодно будетъ Государю издать, будутъ новыми поводами радости и признательности для финскаго народа.

Государь сказалъ рѣчь по французски, сущность которой сводилась къ тому, что онъ хотѣлъ знать мнѣнія финскаго народа, относительно пасущихъ его интересовъ, и что эти мнѣнія онъ приметъ въ соображеніе. «Ce peuple brave et loyal»—говорилось дальше, — bénira la Providence qui a amené l'ordre des choses actuel. Placé désormais au rang des nations sous l'empire de ses lois....”¹⁾.

Эта часть рѣчи также послужила поводомъ къ превратнымъ толкованіямъ. Въ сущности же слова Императора были ничто иное какъ повтореніе выражений манифеста 5-го Іюня, что «въ чредѣ народовъ склонетъ российскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ обыватели Финляндии воспріяли свое място». Выраженіе «народъ» понималось въ смыслѣ этнографическомъ, но никакъ не въ политическомъ.

Послѣ закрытія сейма главнѣйшиe финскіе дѣятели полу-

¹⁾ Этотъ добрый и честный народъ благословить Прорицаніе, даровавшее новый порядокъ вещей. Занимая отныне място въ чредѣ народовъ, подъ властью своихъ законовъ и т. д.

чили щедрыя награды. Позабыли только горожанъ и крестьянъ, но и они были удовлетворены впослѣдствіи пожалованіемъ медали съ изображеніемъ Государя и надписью по русски и по шведски: *Deputerad vid landtagen i Borgå år 1809.*

Въ тотъ же день, 7 го Іюля вечеромъ, Государь уѣхалъ.

Финны широко воспользовались дозволеніемъ обращаться къ Императору съ отдѣльными просьбами. Отъ дворянства поступило не менѣе 38 ходатайствъ; отъ духовенства 20; отъ горожанъ 19 и отъ крестьянъ 2. Кромѣ того отъ 15 городовъ поданы просьбы о разныхъ ихъ нуждахъ.

Съ точки зрења финновъ Боргосскій ландтагъ былъ важнымъ историческимъ событиемъ. Тѣмъ болѣе странно, что извѣстія о немъ не получили широкой гласности. Единственная финляндская газета говорила объ индѣйцахъ Америки, о методистахъ Англіи и о многомъ другомъ, но ни словечкомъ не обмолвилась о событияхъ въ Борго. Впрочемъ рѣчи и манифесты Государя разсылались по округамъ; отчеты же о совѣщаніяхъ и решеніяхъ сословій нигдѣ не публиковались и еще весьма недавно изслѣдователи должны были извлечь ихъ изъ архивной пыли. Только епископъ Тенгстремъ разсыпалъ духовенству краткій отчетъ о ландтагѣ и долгое время публика должна была довольствоваться этимъ единственнымъ источникомъ.

По закрытии сейма, мѣнія земскихъ чиновъ поступили на разсмотрѣніе Императора Александра и его петербургскихъ помощниковъ. Вопросъ о совѣтѣ управлениія, какъ учрежденіи черезъ посредство котораго власти предстояло управлять краемъ, занималъ конечно первенствующее мѣсто. Новый генералъ-губернаторъ, замѣнившій Спренгтпортена. Барклай де Толли, какъ человѣкъ свѣжий и чуждый какому либо вліянію, находилъ, что такому учрежденію слѣдуетъ

быть въ Петербургѣ, а не въ провинціи, и что во главѣ его долженъ стоять русскій министръ. Въ сущности же Барклай не сочувствовалъ учрежденію Совѣта, считая его совсѣмъ не нужнымъ. Но такъ какъ взглѣды его шли вразрѣзъ съ дѣятельностью и Спренгтпортена и Сперанскаго, а записка составлена была неумѣло и тяжело, то она и оставлена безъ послѣдствій. При разработкѣ проекта въ Петербургѣ, Сперанскій сдѣлалъ въ угоду сейму большія уступки. Уважено было между прочимъ ходатайство о выдачѣ жалованья звонкой монетой, что не мало содѣствовало обособленію Финляндіи. Въ то время какъ русскіе чиновники въ прочихъ частяхъ Имперіи получали жалованье ассигнаціями, такимъ же чиновникамъ въ новой ея части предоставлялось выдавать жалованье звонкой монетой.

Получивъ отъ Сперанскаго проектъ на заключеніе, Барклай ограничился краткими замѣтками, т. к. все его вниманіе было отвлечено заботами о провіантѣ для войскъ, которыхъ бѣдствовали, зайдя вглубь Швеціи. 6-го Августа 1809 г. послѣдовало окончательное утвержденіе организаціи Совѣта, получившаго наименование „Правительствующаго“.

Регламентъ, написанный по французски, опредѣляя границы дѣятельности Совѣта, сильно сокращалъ власть и значеніе генераль-губернатора, предоставляемую ему предсѣдательствовать въ Совѣтѣ, наблюдать за исполненіемъ законовъ и приведеніемъ въ исполненіе Высочайшихъ повелѣній.

Совѣту предоставлено вѣдать все касающееся управлениія судебнай и экономической частью съ из每一天емъ такихъ дѣлъ, которыхъ подлежать непосредственно Высочайшей власти. Таковы суть: Назначеніе на высшія мѣста, въ томъ числѣ на пѣкоторыя духовныя, изъятія изъ законоположеній, пожалованіе наградъ, пенсій и имѣній.

Совѣтъ не могъ налагать податей, ни издавать, ни измѣнять законоположеній безъ разрѣшенія Высочайшей власти.

Совѣту предоставлено исходящія отъ него бумаги и рѣшенія писать отъ Высочайшаго имени.—О сеймѣ, о языкѣ дѣлопроизводства, объ отношеніяхъ къ властямъ Имперіи ничего въ регламентѣ не сказано. Баронъ Маннергеймъ характеризовалъ его скорострѣльнымъ.

20-го Сентября 1809 г. въ Або, торжественно открыть былъ „Правительствующій Совѣтъ“, переименованный вскорѣ въ Императорскій финляндскій Сенатъ и просуществовавшій въ указанныхъ чертахъ до самаго конца XIX столѣтія.

Изъ прочихъ трехъ сеймовыхъ вопросовъ, милиціонный разсматривался очень долго и разрѣшенъ былъ только 15/27 Марта 1810 г. Государь повелѣлъ оставить финскія войска на прежніхъ основаніяхъ, не требуя ихъ на дѣйствительную службу „пока обстоятельства это позволяютъ и пока благосостояніе края не изгладить следовъ войны“. „Однако, почти одновременно послѣдовало черезъ военнаго министра Высочайшее повелѣніе о наборѣ всѣхъ праздношатающихся въ Финляндіи годныхъ къ службѣ людей и объ отсылкѣ ихъ въ Петербургъ. Въ 1812 г. также по Высочайшему повелѣнію сформированы были три егерскихъ полка, переформированныхъ въ 1818 г. въ стрѣлковый батальонъ, пожалованій въ 1819 г. въ молодую гвардію. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ все совершилось по Высочайшему повелѣнію безъ участія земскихъ чиновъ.

Фридрихсгамскій миръ.

Въ самомъ началѣ 1809 г. когда русская армія готовилась къ переходу въ Швецію, Густавъ IV написалъ Императору Александру дерзкое письмо, въ которомъ спрашивалъ,,

на какихъ условияхъ Финляндія будетъ возвращена Швеції. Письмо было возвращено Густаву при нѣсколькихъ пояснительныхъ строкахъ въ заключеніе которыхъ Государь привилъ собственноручно: „Финляндія вошла въ составъ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ; только оружіемъ она можетъ быть отдѣлена отъ нея“.

Такая переписка, конечно, не могла способствовать умиротворенію. Но въ Петербургѣ знали, что шведская казна истощена, что армія, особенно финскіе отряды, не одѣты и до крайности изпурены. По словамъ одного генерала это не люди, а тѣпи. Знали, что отношенія Швеціи къ другимъ державамъ не обѣщали ничего утѣшительнаго. Слѣдовательно, миръ Швеціи былъ необходимъ; русскій Государь также горячо желалъ мира и потому, хотя война еще продолжалась, но оба противника уже готовились къ дипломатическимъ переговорамъ.

Въ основѣ мирныхъ переговоровъ поставлено было неизменнымъ условіемъ уступка всей Финляндіи и полное отреченіе Швеціи отъ правъ на нее.

Послѣ заточенія Густава новый правитель началъ склоняться къ миру, но въ надеждѣ на помощь Наполеона, оттягивалъ переговоры.

«Если Швеція утратить Финляндію, — писалъ онъ Наполеону, — ей пельзя будетъ впередъ дѣйствовать противъ Россіи хоть съ какимъ нибудь успѣхомъ. Всякая лѣтняя война по причинѣ многихъ широкихъ и быстрыхъ рѣкъ немыслима, зимой — стужа, рѣдкость населенія, громадность разстояній воздвигаютъ препятствія непреодолимыя; и если сравнить великие способы россійской державы съ тѣми ничтожными, которые останутся у шведовъ, то, въ случаѣ войны

между Россіею и Франціею, Швеція окажется бесполезною союзницею Франції».

Наполеону было не до шведовъ и потому ихъ краснорѣчіе пропало даромъ. Онъ сухо принялъ посольство и объявилъ, что нуждается въ дружбѣ Александра и не намѣренъ раздражать его.

Потерявъ надежду на помощь Франціи, Карлъ выразилъ готовность заключить миръ.

4-го Августа начались въ Фридрихсгамъ правильные засѣданія и пошли безконечные споры. Въ это время Каменскій одержалъ двѣ значительныя побѣды и шведскіе уполномоченные тотчасъ же стали говорчивѣе.

Обѣ стороны долго не могли прийти къ соглашенію относительно границъ. Въ это время Государь получилъ письмо отъ жителей Торнео, которые выражали горячее желаніе войти въ составъ Финляндіи и стать подданными русскаго Императора.

Въ виду этого рѣшено было принять рѣку Торнео за границу между Швеціею и Россіею.

Миръ былъ подписанъ 5-го Сентября. Король шведскій за себя и преемниковъ навсегда отказывался отъ правъ на «губерніи» составляющія Финляндію, завоеванную оружіемъ Императора Всероссійскаго. «Губерніи, составляющія Финляндію, со всѣми житѣлями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами будутъ нынѣ состоять въ обладаніи Имперіи Всероссійской и къ ней навсегда присоединяются».

Всѣмъ, дѣйствовавшимъ противъ той или другой державы во время войны, даровано прощеніе и возвращена собственность.

Священное право монарха ставить побѣдителю какія либо условія въ пользу своихъ бывшихъ подданныхъ шведскому

королю примѣнять не пришлось. Русскій Императоръ обезпечилъ жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ областей свободное отправлѣніе ихъ вѣры, права собственности и преимущества, которыми они дотолѣ пользовались.

1-го Октября 1809 г. появился манифестъ о мирѣ съ Швеціей. Приводимъ выдержки изъ него наиболѣе значительныя.

«Всевышній положилъ конецъ войнѣ между Россіею и Швеціею возникшей. Миръ, столько же славный сколько и сообразный желавіемъ нашимъ, возстановленъ.

«Втечениіи семи столѣтій непрерывныя почти войны потрясали спокойствіе народовъ, предоставленныхъ природою хранить доброе и мирное сосѣдство. Отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ до дней нашихъ, отъ славныхъ побѣдъ благочестиваго предка нашего Св. Вел. Кн. Александра Невскаго до настоящаго мира, рѣдко проходило двадесять лѣтъ и никогда почти не протекало полвѣка, чтобы война между ими не возникала.

«Колькратно миръ, кровію народовъ запечатлѣнныи, вскорѣ послѣ того былъ, по стеченію обстоятельствъ, снова расторгаемъ! Колькратно Финляндія, всегдашній предметъ и позорище сей войны, страдала, истребляемая огнемъ и мечемъ!

«Провидѣнію угодно, паконецъ, было сю долголѣтнюю и всегда возрождающуюся распрю сосѣдственныхъ народовъ рѣшить окончательно во дни Наши.

«По слѣдамъ древнихъ побѣдъ въ странахъ, гдѣ Цетръ Великій пріучалъ Россовъ къ воинской славѣ, доброе наше воинство, мужественно подвизаясь, покорило Финляндію, завладѣло всѣми ея провинціями, одержало знаменитые острова Аландскіе и объявѣ Ботническій заливъ, на отда-

ленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе. Новая владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обеспеченные весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой—окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей.

«При таковыхъ существенныхъ выгодахъ сего мира, не можетъ быть для сердца Нашего равнодушно присоединеніе къ числу вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ народа финскаго. Бѣдствіями войны доселѣ почти непрерывно обуреваемый, отнынѣ станетъ онъ на чредѣ народовъ, подъ сѣнью престола нашего покоющихся въ типинѣ и безопасности. Шесть губерній со всѣми принадлежащими къ нимъ городами и селеніями приобрѣтаютъ симъ новое бытіе и благословляютъ уже промыслъ Вышняго, судьбу ихъ тако устрояющей».

Приведенные выдержки заключаютъ всю сущность отношений Россіи къ Финляндіи, какъ создала ихъ исторія. Манифестъ 20-го Марта 1808 г. въ первый разъ объявилъ о покореніи этой провинціи, а Фридрихсгамскій миръ 5-го Сентября 1809 г. узаконилъ покореніе и присоединеніе на вѣчные времена Финляндіи къ Россіи. Все рѣшилъ Фридрихсгамскій миръ, а не Боргосскій сеймъ.

Дальнѣйшее устройство Финляндіи.

По заключеніи мира Александръ I продолжалъ заниматься устройствомъ Финляндіи. По мысли Сперанского учреждена была въ Петербургѣ «Комиссія Финляндскихъ дѣлъ», для подготовки докладовъ Государю Императору.

Около этого времени, въ числѣ приближенныхъ Императора Александра, появляется бывшій другъ и сподвижникъ Густава III, графъ Густавъ-Морицъ Армфельдтъ, которому суждено было въ дѣлахъ Финляндіи играть видную роль.

Армфельдтъ былъ финнъ по рожденію и шведъ по воспитанію. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ и красивой внѣшности онъ блесталъ при Стокгольмскомъ дворѣ, пока обстоятельства не привели его удалиться въ отечество, въ родовое свое помѣстье Оммине. Вскорѣ по присоединеніи Финляндіи къ Россіи Армфельдтъ вступилъ въ русскую службу и удостоился довѣрія Государя, которое сохранилъ до самой смерти. Сдѣлавшись предсѣдателемъ комиссіи по финляндскимъ дѣламъ, Армфельдтъ имѣлъ полную возможность действовать въ интересахъ своей родины, чѣмъ онъ и воспользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Россію Армфельдтъ не любилъ, но Александра обожалъ. «Невозможно встрѣтить соединеніе болѣе свѣтлой головы и лучшихъ принциповъ съ такимъ божественнымъ сердцемъ—писалъ онъ своимъ близкимъ.—Императоръ—это ангелъ, при томъ умный ангелъ; работать съ нимъ—значить быть въ царствѣ небесномъ».

Въ 1811 г. Великое Княжество Финляндское получило значительное расширение. Къ нему присоединена была, подъ именемъ Выборгской губерніи, Старая Финляндія съ населениемъ въ 200,000 ч.

Старая Финляндія, состоявшая изъ завоеваній Петра I и Елизаветы Петровны и находившаяся около ста лѣтъ подъ Российской державою успѣла уже значительно обрушиться. При Екатеринѣ, когда въ Москвѣ рассматривалася ея „наказъ“, представители Выборгской губерніи благодарили Императрицу и, будучи довольны своей судьбой, отнюдь не доби-

вались какихъ либо особыхъ порядковъ для своего края. Оно и понятно: со времени покоренія губернії (1710) успѣло выrosti новое поколѣніе, для котораго прежніе шведскіе законы и привиллегіи не представляли такого значенія какъ для ихъ отцовъ и дѣдовъ. Крѣпостного права въ Старой Финляндіи не существовало, такъ какъ по Ништадскому и Абосскому договору свобода крестьянъ была обеспечена. Значительную часть Выборгской губерніи составляла старая православная Карелія, всегда тяготѣвшая къ Россіи.

Армфельтъ, который задался цѣллю возвратить отечеству отторгнутую отъ него часть, дѣйствовалъ ловко и умѣло. Онъ намекалъ Государю, что порядки въ Выборгской губерніи тѣгостны для финскихъ крестьянъ; что русскіе вельможи, получившиe въ этой провинціи большія помѣстья, навезли туда крѣпостныхъ, отчего измѣнилось положеніе финновъ живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ. Эти и тому подобныя заявленія побудили Государя назначить комиссию для изслѣдованія дѣйствительного положенія дѣлъ. А такъ какъ въ комиссіи главную роль игралъ Армфельтъ, то ему, разумѣется не трудно было добиться цѣли. Манифестомъ 11 Декабря 1811 г. объявлено было, что старая Финляндія присоединяется къ Великому Княжеству и, какъ составная его часть будетъ именоваться Выборгскою губерніею, въ силу чего повелѣно было старую и новую Финляндію именовать просто Финляндіею. Всѣ учрежденія преобразованы были по образцу финляндскихъ и русскіе чиновники замѣнены финнами.

Первое время по завоеваніи Финляндіи Императоръ относился къ финскимъ дѣламъ съ такимъ интересомъ, что вызывалъ восхищеніе въ его ближайшихъ финскихъ совѣтникахъ. Затѣмъ война съ Наполеономъ, вліяніе Александра на

дѣла Европейскихъ державъ отвлекли на время его внимание. Но и тутъ уже сказалось на сколько важно было для Россіи присоединеніе Финляндіи. Не будь Швеція обезсилена, весьма возможно, что находившійся на ея престолѣ французъ Бернадоттъ соединилъ бы свои силы съ Наполеоновскими. Теперь же, русское правительство, имѣя у себя въ тылу вѣрное населеніе, могло спокойно вывести свои войска и распорядиться ими.

Въ 1816 г. „Правительствующій Совѣтъ“ переименованъ въ „Императорскій Сенатъ“. Въ манифестѣ отъ 9-го Февраля снова упоминается о правахъ дарованныхъ Финляндіи. „Таковыми мѣрами“—читаемъ въ концѣ манифеста,—„оказавъ наше добре расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ нашимъ надѣемся мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное нами обѣщаніе“...

Въ 1819 г. главнымъ городомъ Финляндіи назначенъ былъ вмѣсто Або Гельсингфорсъ. Туда-же переведены Сенатъ и прочія учрежденія.

Въ томъ же году Государь совершилъ путешествіе по Финляндіи. Въ какой мѣрѣ онъ успѣль покорить сердца своихъ новыхъ подданныхъ мы увидимъ изъ нѣсколькихъ выдержекъ, извлеченныхъ изъ этого путешествія.

Мужчины, женщины и дѣти стекались отовсюду, чтобы имѣть счастіе видѣть Императора. Государь не позволялъ разгонять толпу. Дѣти безпрепятственно толпились у дверей комнаты, гдѣ онъ закусывалъ и Государь угощалъ ихъ. Со взрослыми онъ охотно бесѣдовалъ черезъ переводчика.

На одной станціи, пока перемѣняли лошадей, Государь уснулъ въ коляскѣ. Собравшемуся народу велѣли не шумѣть. Вотъ, опираясь на костыль, подходитъ къ коляскѣ 60-лѣт-

Эспланада, главная улица Гельсингфорса.

няя старушка, Келла-Лиза. Мужъ ея, старый финскій солдатъ, былъ убитъ въ послѣднюю войну. Монаршею милостью бѣдной вдовѣ пожалована была пенсія въ 25 р. въ годъ и старушка жила въ довольствѣ, какого прежде не знавала. Ей хотѣлось теперь увидѣть своего благодѣтеля, великодушнаго царя, котораго она давно уже благословляла и поминала въ молитвахъ. Старуха говорила, что она трое сутокъ не спала и издалека пришла, чтобы имѣть счастье увидать Государя, и что теперь, будучи такъ близко отъ него, она не посмотритъ ни на какія препятствія. Старуха была упрямая какъ настоящая финка. Съ нею не смѣли спорить изъ опасенія разбудить Государя.

Бросивъ костыль, старуха начала карабкаться на одно изъ колесъ царскаго экипажа. Когда ей удалось подняться на столько, что она могла видѣть почивающаго, она надѣла очки, чтобы хорошенько разсмотрѣть всѣми благословляемаго монарха, но очки безпрестанно тускнѣли отъ слезъ. Не совладавъ съ своими чувствами, старуха обратилась къ стоящимъ вблизи поселянкамъ и сказала: „подите сюда, сестрицы; посмотрите какъ тихо онъ дремлетъ; точно какъ всякой другой человѣкъ.

Проснувшись, Государь увидѣлъ себя окруженнымъ старухами и спросилъ, что это значитъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ подалъ старухѣ руку и позволилъ Лизѣ просить какой нибудь милости. Старуха долго не могла понять, что Государю угодно. Когда, наконецъ, ей объяснили въ чемъ дѣло, она, зарыдавъ, сказала: „Какъ могу я быть до того неблагодарной, чтобы просить еще чего нибудь, когда я пришла сюда только за тѣмъ, чтобы увидѣть и благословить Божьяго ангела, посланнаго затѣмъ, чтобы дарить людямъ жизнь и

счастье. Нѣть, я пришла только благодарить и благословить какъ умѣю“.

Простодушіе и благородство бѣдной вдовы плѣнили Государя. На прощанье ей все таки отсыпали горсть рублей и Высокій Путешественникъ отправился далѣе.

Государь очаровалъ всѣхъ своею простотою и привѣтливостью. Если онъ уже и раньше добротой своей умѣль изгладить тяжелыя впечатлѣнія войны, то послѣ этого путешествія во всѣхъ слояхъ населенія запечатлѣлся образъ его какъ свѣтлое видѣніе. Казалось съ нимъ вмѣстѣ посѣтила край и благодать небесная. Въ 1819 г. въ Финляндіи былъ такой урожай, какого народъ не запомнить; и этотъ счастливый годъ принялъ въ устахъ народа замѣчательное название Государева. До сихъ поръ, когда выдается необычайно хорошая жатва, крестьяне говорятъ: „Нынче у насъ годъ почти не хуже Государева“.

И Финляндцы были довольны своею участіемъ. Они называли себя вѣрноподданными русскаго монарха и говорили, что они во сто разъ счастливѣе, чѣмъ были подъ шведами. Они проводили параллель между дѣйствіями Александра въ Финляндіи и насилиями Наполеона въ Голландіи и Ганноверѣ. Десять лѣтъ спустя писали въ одной Финляндской газетѣ: Когда наша родина была соединена съ могущественною русскою Державою, мы не безъ боязни ожидали послѣдствій; но великодушный монархъ, подобно ангелу мира распространилъ лишь благодѣянія и счастіе среди своихъ финскихъ подданныхъ.

Поэтому понятно съ какою искреннею скорбью встрѣчена была финнами вѣсть о кончинѣ Императора Александра въ Таганрогѣ въ 1825 г.

Получивъ широкое самоуправление, особое высшее правительство ни отъ какой другой власти кромъ Монаршей не зависящее, Финляндія зажила особой жизнью, не принимая никакого участія въ общей жизни русского народа и государства. Питая чувства преданности къ русскому Государю, она не желала имѣть съ русскимъ народомъ ничего общаго.

Между тѣмъ изъ мѣропріятій Александра I мы видимъ, что создавая особое управление для новопокоренной провинціи, онъ вовсе не думалъ отдалять ее отъ Имперіи. Въ Положеніи объ учрежденіи правленія въ Финляндіи отъ 19 Ноября 1808 г. повелѣно: «*Всѣ дѣла производить на нынѣ употребляемомъ въ Финляндіи шведскомъ языке, пока не войдетъ въ употребленіе языкъ российский*». Тоже повторяется въ инструкціи 1811 г. Въ 1812 г. Александръ I повелѣваетъ назначить во всѣ школы Финляндіи учителей русского языка и требуетъ, «чтобы всѣ молодые люди Финляндіи, намѣревающіеся вступить въ государственную службу, обязаны были публично доказать познанія свои въ русскомъ языке».

Казалось бы, что финны, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими, ради собственныхъ интересовъ должны были замѣнить шведскій языкъ русскимъ; однако, дѣло обстоитъ иначе: въ финскихъ школахъ изучается языкъ шведскій, а въ шведскихъ — финскій. Между тѣмъ на два съ половиной миллиона финновъ, шведовъ всего до 350,000. Финскій языкъ распространенъ повсемѣстно и въ изученіи шведскаго — нѣтъ никакой надобности.

Почти столѣtie прошло со времени узаконеній Александра I о языкахъ, а финны не только не позаботились о распространеніи въ kraѣ учебныхъ заведеній съ русскимъ языкомъ, какъ предметомъ преподаванія но и тѣ, которые устроены насчетъ правительства, посѣщаются мало. На

3.000 человѣкъ приходилось въ началѣ XX ст. всего одинъ учащійся въ русской школѣ. Остальные 2,999—посѣщали финскія и шведскія школы.

Послѣдующій періодъ.

Впродолженіе 16-ти послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I, равно какъ и во все 30-лѣтнее царствованіе Николая I, сеймъ не созывался. Государь этотъ, хотя и под-

Николай I.

твердилъ манифестомъ права, дарованныя его предшественникомъ финскому народу, но не выказывалъ особаго сочув-

ствія къ конституції, предпочтая обходиться безъ содѣй-
ствія народныхъ представителей въ подвластной ему странѣ.
Длинный промежутокъ между сеймами повелъ за собою за-
стой въ законодательной работе, но онъ не нарушилъ швед-
скихъ основныхъ законовъ, по которымъ созывъ сейма
вполнѣ зависѣлъ отъ воли и усмотрѣнія монарха. Не считая
удобнымъ созывать сеймъ, оба Императора могли безъ него
обходиться, т. к. на основаніи «Формы Правленія 1772 г.
участіе земскихъ чиновъ необходимо только для законода-
тельства. Густавъ III, какъ-извѣстно, наскучивъ зависи-
мостью отъ сейма, ввелъ въ 1789 г. поправку къ конститу-
ції, въ силу которой верховной власти предоставлялось
широкое право единолично издавать постановленія по
экономической, полицейской и административной части
управленія. Послѣ изданія этой поправки «Акта соедине-
нія и безопасности», шведскіе короли, не стѣснялись
Формой Правленія 1772 г. и нерѣдко дѣйствовали виѣ за-
висимости отъ народныхъ представителей. Тѣмъ менѣе
могъ стѣсняться этимъ закономъ русскій самодержавный
Монархъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ, прово-
димый въ Финляндіи, затрагивалъ интересы общегосудар-
ственные. Изъ постановленій первостепенной важности, по-
лучившихъ силу закона безъ участія сейма, укажемъ на
присоединеніе Выборгской губерніи къ Вел. Княж. Фин. въ
1811 г. Въ виду того, что по законамъ Швеціи лица не
лютеранскаго вѣроисповѣданія не могли занимать прави-
тельственныхъ должностей, а въ Выборгской губерніи де-
сятки тысячъ исповѣдовали Православіе и не малое число
русскихъ натурализовалось, то въ 1827 г. законъ этотъ [✓]
былъ измѣненъ административнымъ порядкомъ, въ пользу
служащихъ русскихъ, при чёмъ указано, что столь важная
мѣра не могла быть отложена до очередного сейма.

Въ 1864 г. былъ отрѣзанъ отъ Выборгской губерніи Сестрорѣцкій уѣздъ и присоединенъ къ губерніи Петербургской. Подобныхъ административныхъ постановлений съ 1809—1864 г. было издано: при Александрѣ I—63; при Николаѣ I—118; при Александрѣ II—54; всего 235. Такіе факты не возбуждали въ то время ни возраженій, ни протестовъ, хотя по шведскимъ законамъ король не имѣлъ права убавлять ни пяди государственной земли самолично.

Въ 1867 г., когда сеймъ не согласился съ предложеніемъ измѣненіемъ въ законѣ о печати, измѣненіе было введено административнымъ порядкомъ, въ каковой формѣ существуетъ и до сихъ поръ.

Вскорѣ по вступленіи на престоль Императора Николая I комиссія финляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ была упразднена и замѣнена Статсъ-Секретаріатомъ. Въ 1834 г. Статсъ-Секретарю присвоено званіе министра. Такимъ образомъ дѣла Княжества были почти изъяты изъ вѣдѣнія русскихъ министровъ и единственнымъ докладчикомъ Государю явился Министръ—Статсъ-Секретарь, которымъ до 1841 г. былъ графъ Ребиндеръ и послѣ его смерти графъ Александръ Армфельдъ, сынъ извѣстнаго Густава-Морица Армфельда.

Въ 1826 г. Высочайшимъ повелѣніемъ, безъ участія сословныхъ представителей, уничтожена была въ Финляндіи смертная казнь.

Войны Россіи въ царствованіе Николая I мало отзывались на Финляндіи, несмотря на то, что въ Русской арміи служило до 1,600 финскихъ офицеровъ, добровольно пожелавшихъ поддержать боевую славу финскихъ воиновъ. Финляндія имѣла полную возможность мирно преуспѣвать въ своемъ развитіи, еслибы успешное ея движеніе на пути прогресса не нарушалось по временамъ стихійными бѣд-

ствіями. Въ 1827 г. городъ Або былъ истребленъ пожаромъ, послѣ чего университетъ былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ и сталъ называться въ память своего Августѣйшаго Покровителя „Александровскимъ“. Благодаря щедрости русскаго правительства, это дѣтище Пера Брахе помѣщается теперь въ великолѣпномъ зданіи, вполнѣ приличествующемъ разсаднику просвѣщенія въ странѣ. Съ 1827—1852, сгорѣло въ Финляндіи пять городовъ. Послѣдствіемъ этихъ несчастій было учрежденіе общаго страхованія, мѣры крайне необходимой въ виду обилія въ городахъ деревянныхъ построекъ.

Дважды посѣтили страну неурожай съ ихъ неизбѣжными послѣдствіями, болѣзнями и смертностью.

Въ 1831 г. Финляндія была раздѣлена на восемь губерній съ губернаторами, (ландсгевдингами) назначаемыми Высочайшей властью. Губерніи дѣлятся на уѣзды съ коронными фохтами во главѣ, уѣзды—на ленсманскіе участки.

Развитіе торговли и промышленности повело за собою увеличеніе доходовъ, что въ свою очередь дало возможность произвести капитальнѣйшія работы по осушенію болотъ и прорытію каналовъ, въ томъ числѣ Саймскаго. При управляющемъ финансами Гартманѣ изъяты были изъ обращенія шведскія деньги и русскій рубль сдѣлался единственнымъ платежнымъ знакомъ.

Соответственно благосостоянію Финляндіи возростало и ея населеніе. Въ 1812 г. по присоединеніи Выборгской губерніи, считалось въ Княжествѣ всего 883,832 жителей. При воцареніи Николая I ихъ было уже 1,259,151, а при восшествіи на престоль Александра II 1.698,101.

Въ 1831 г. въ Гельсингфорсѣ возникло финское литературное общество, получившее, благодаря Эліасу Ленроту,

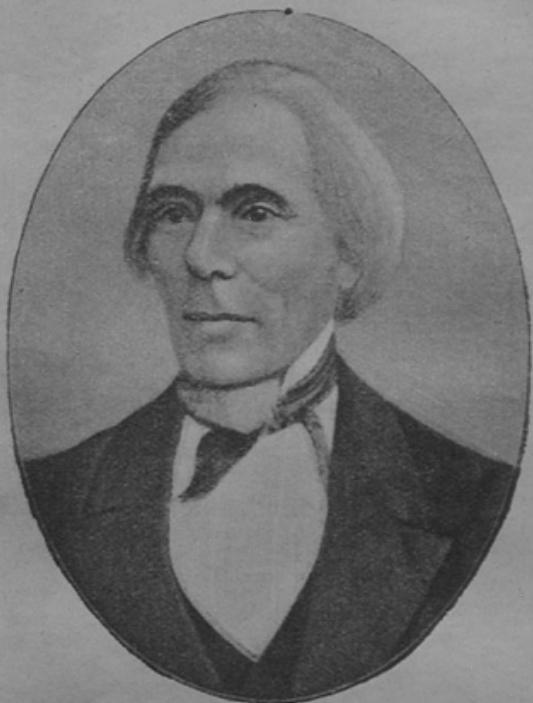

Саймский канал.

яркую национальную окраску. Ленротъ исходилъ всю страну, собирая старинныя руны, сохранившіяся въ русской Карелии во всей чистотѣ. Собранныя въ одно цѣлое и напечатанныя, руны составили народный эпосъ, получившій название Калевалы.

Послѣдніе годы царствованія Николая I были омрачены восточною войною. Непріятель, желая разъединить силы русскихъ, отправилъ въ Балтийское море дотолѣ невиданный по своимъ размѣрамъ флотъ. Союзные державы хотѣли поднять противъ Россіи Швецію, взять Кронштадтъ и подвергнуть осадѣ Петербургъ. Вѣрность финновъ подверглась серьезному испытанію. Шведы, не переставши мечтать о возвратѣ Финляндіи, пользовались малѣйшими затрудненіями Россіи, чтобы волновать ея новыхъ подданныхъ; но это имъ плохо удавалось. Можетъ быть среди молодежи, падкой на все новое, и находились жаждущіе сомнительныхъ подвиговъ, но большинство населенія стояло на сторонѣ благоразумія, очень хорошо понимая, что отъ столкновенія Швеціи съ Россіею, первою пострадала бы Финляндія. Финны успѣли уже одѣнить блага мира и никакихъ перемѣнъ не желали.

Союзный флотъ нанесъ много вреда финскимъ берегамъ.

Ленротъ.

Ганге и Бомарзундъ были разрушены, въ Улеаборгѣ сожжены смоляной заводъ. Финны потеряли значительные запасы своей вывозной торговли въ доскахъ, брусьяхъ, и множество судовъ, не считая общаго стѣсненія по случаю двухлѣтней блокады. Важнѣйшимъ нападеніемъ непріятельского флота было бомбардированіе Свеаборга въ 1855 г. 9 Августа новаго стиля.

Передъ началомъ восточной войны Императоръ Николай посѣтилъ Гельсингфорсъ со всѣми сыновьями. Кромѣ распоряженій по оборонѣ страны, онъ имѣлъ въ виду лично убѣдиться въ настроеніи жителей. Все видѣнное укрѣпило въ немъ убѣжденіе, что финскій народъ не отступить отъ своего долга.

Александръ II въ милостяхъ, дарованныхъ Финляндіи, пошелъ еще дальше своего державнаго дяди. Еще будучи наслѣдникомъ, во время первой поѣздки въ Финляндію, въ качествѣ канцлера университета, Александръ Николаевичъ пріобрѣлъ себѣ общія симпатіи. И позднѣе онъ не оставлялъ поддержкой и благоволеніемъ финскаго разсадника просвѣщенія. Въ 1856 г., въ первый разъ по восшествіи на престолъ посѣтивъ Финляндію, Государь, въ засѣданіи Сената 24-го Марта прочелъ записку, давшую толчекъ кипучей дѣятельности Финляндіи, въ области экономической. Въ этой памятной запискѣ Сенату поручалось войти съ представлениемъ о необходимыхъ мѣрахъ для поднятія торговли и мореходства, для развитія промышленности страны, распространенія народнаго образованія, улучшенія путей сообщенія и проч.

Сильный неурожай, посѣтившій страну въ 1856 г. и неизбѣжные его спутники нищета и болѣзнь задержали на некоторое время экономическую работу; но по окончаніи

этихъ бѣдствій страна быстро оправилась и дѣятельность закипѣла. Первымъ результатомъ была постройка желѣзной дороги, соединившей Финляндію съ Петербургомъ, а черезъ него и съ остальной Европой.

Для полнаго удовольствія финновъ не доставало только возстановленія органа народнаго самоуправленія. Печать, какъ

Александръ II.

выразительница общественнаго мнѣнія, заговорила о сеймѣ. По тому же поводу возбуждено было ходатайство въ Петербургѣ; и въ 1859 г. Сенатъ получилъ запросъ, какія дѣла

наиболѣе настоятельно требуютъ созванія земскихъ чиновъ. Прошелъ слухъ, что въ Петербургѣ вырабатывается планъ особой комиссіи изъ сословныхъ представителей, которая въ прежнія времена въ Швеціи иногда замѣняла собою риксдаги. Финны, опасаясь, чтобы подобная комиссія не замѣнила навсегда сеймы, сильно взъярились. Оказалось, однако, что опасенія были напрасны. Государь, принявъ во вниманіе желаніе народа, повелѣлъ въ 1863 г. созвать въ Гельсингфорсѣ сеймъ, на открытие которого прибылъ самъ съ сыновьями Александромъ, Владиміромъ и Алексѣемъ.

Въ тронной рѣчи, Государь сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Многія постановленія основныхъ законовъ Великаго Княжества непримѣнимы къ порядку вещей произошедшему со времени „присоединенія“ его къ Имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и точности. Желая устранить эти недостатки, я намѣренъ поручить выработать проектъ закона, который будетъ содержать въ себѣ дополненіе и разъясненіе этихъ постановленій, чтобы передать его на разсмотрѣніе будущаго сейма, который я предполагаю созвать черезъ три года. Рѣчь была сказана по французски, при чемъ слово „union — соединеніе“ было замѣнено словомъ „réunion — присоединеніе“.

Работы по составленію свода финляндскихъ постановленій подъ названіемъ „Уложенія для Великаго Княжества“ остались безъ результата. Русскіе и финскіе государственные люди слишкомъ различно понимали дѣло и оно не получило дальнѣйшаго движенія.

На сеймѣ 1863 г. исходатайствовано было разрѣшеніе выкупа дворянскихъ имѣній въ Выборгской губерніи съ согласія владѣльцевъ съ тѣмъ, чтобы продавать эти земли крестьянамъ. Нынѣ это дѣло окончено. Финская казна

израсходовала 17,000,000 марокъ, сумма, которая постепенно погашается продажею земель въ крестьянскую собственность.

Собственную монету, марку, ($\frac{1}{4}$ золотого рубля) Финляндія получила еще въ 1861 г.

Такъ какъ Финляндія, въ качествѣ шведской провинціи имѣла ландтаги, т. е. мѣстные органы, а не риксдаги, органы государственные, то финны признали нужнымъ выработать свой собственный сеймовый уставъ, который и былъ утвержденъ Александромъ II въ 1869 г.

Этому уставу финны придаютъ особое значеніе въ виду приписки, въ которой упоминаются законы 1772 и 1789 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ какъ оно установлено въ формѣ правленія 1772 г. и Актѣ Соединенія и Охраненія 1789 г. Мы высочайше одобляемъ и утверждаемъ сей уставъ....»

Едва ли возможно допустить, чтобы Государь, утверждая вышеупомянутые законы, имѣлъ въ виду самоограниченіе власти. Оба эти закона находятся въ противорѣчіи между собою. Первый ограничиваетъ власть, второй расширяетъ ее почти до самодержавія. Поэтому, шведскіе короли конца XVIII и начала XIX, какъ мы уже видѣли ¹⁾, не церемонились съ формой правленія, зачастую издавая законы безъ участія земскихъ чиновъ.

Такъ очевидно смотрѣли на эти законы и русскіе Императоры. Въ предположенномъ пересмотрѣ основныхъ законовъ Финляндіи комиссіи рекомендовалось не упускать изъ вида § 1 акта соединенія и безопасности, въ которомъ зна-

¹⁾ Шведскій историкъ Науманъ.

чится, что наследственный король «имѣть полную власть управлять государствомъ», защищать, спасать и оборонять его; начинать войну, заключать миръ и союзъ съ иностранными государствами; миловать, возвращать честь и имущество; постановлять по своему высокому благоусмотрѣнію о всѣхъ должностяхъ государства, примѣнять и соблюдать законъ и правосудіе. Остальная дѣла, относящіяся къ попеченію о государствѣ «завѣдуются, какъ королю покажется наиполезнѣйшимъ». Тотъ же актъ опредѣляетъ значеніе и обязанности сейма. „Втеченіе риксдага государственные чины не должны обсуждать какихъ-либо иныхъ предметовъ, кромѣ тѣхъ, которые предложилъ король“. Въ предыдущемъ же актѣ 1772 г. сказано, что совѣтники должны совѣтовать, когда будутъ спрошены, но не управлять. Такова была „конституція“, которой домогались финны послѣ 1809 г.

Въ этихъ, такъ называемыхъ основныхъ законахъ, которые Александръ I называлъ также и коренными, очевидно допускалось только то, что не противорѣчило положенію Финляндіи какъ части Российской Имперіи. Финляндцы сами говорятъ, что съ переходомъ Княжества подъ власть Россіи все то, что по ихъ законамъ не согласно съ самодержавіемъ, отпадаетъ само собою, а такихъ пунктовъ изъ 66—14; 10—противорѣчатъ, или исключаютъ другъ друга; 8—уничтожены сеймомъ 1867 г. Сколько же ихъ осталось, никто хорошенько не знаетъ.

Для болѣе точнаго выясненія взгляда Императора Александра II на свои права, приведемъ кстати нѣсколько словъ изъ его рѣчи полякамъ: „Мнѣ одинаково дороги всѣ мои вѣрные подданные: русскіе, поляки, финляндцы, ливовцы и др., но я никогда не потерплю даже мысли о томъ, чтобы царство польское могло отдѣлиться отъ Имперіи и

существовать безъ нея". Кажется ясно, что все сказанное по отношению къ царству польскому, примѣнно и къ другимъ землямъ, входящимъ въ составъ Россіи.

Въ 1878 г. финны выработали уставъ о воинской повинности, на основаніи котораго финское войско предназначалось на защиту только своей страны. Александръ II долго колебался, утвердить уставъ или нѣтъ, но бывшій тогда финляндскимъ генер.-губер. Адлербергъ уговорилъ его и Финляндія получила особую армію.

По ходатайству Снельмана Государь принялъ подъ свою защиту финскій языкъ, который былъ признанъ равноправнымъ съ шведскимъ.

Замѣчательно, что и раньше возникали ходатайства подобного рода, но противъ нихъ восставали сами же финны. „Финскій народъ слишкомъ маль,—говорили они,—чтобы создать собственную литературу, и долженъ быть счастливъ тѣмъ, что прымкаетъ къ націи, которая воспитала его и дала ему свой языкъ. Попытки предоставить финскому языку права, равные со шведскимъ угрожаютъ опасностью подвергнуть страну тому невѣжеству, въ которомъ она коснѣла иѣсколько столѣтій тому назадъ“. При такомъ взгляде было очень трудно ввести въ школьное преподаваніе финскій языкъ; о каѳедрѣ же финскаго языка въ университѣтѣ никому и въ голову не приходило.

Семьсотъ лѣтъ финны находились подъ властью шведовъ, которые смотрѣли на нихъ какъ на низшую расу, годную лишь для пополненія королевской арміи солдатами, а стокгольмской казны—риксдалерами. Финскій языкъ въ самой Финляндіи называли языкомъ кухарокъ. Удивительно ли, что финны стыдились своей национальности и передѣливали свои фамиліи на шведскій и латинскій ладъ: Линон-

иенъ, отъ «linna»—замокъ, превратился въ Кастрена; Карху-и-ненъ, отъ «Karhu»—медвѣдь въ Бѣрнсона, или Урсинуса и т. д. Дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ говорили до половины XIX стол. больше по шведски. Тѣмъ не менѣе, народное самосознаніе не заглохло. Оно вошло во внутрь до болѣе благопріятнаго времени. Финны не слились съ чуждымъ имъ шведскимъ народомъ и сумѣли сохранить свои национальныя черты. Какъ только финскій языкъ получилъ право гражданства, такъ пробудилась и мысль. Двигателями ея явились профессора университета, имѣвшіе сильное вліяніе на молодежь. Ихъ послѣдователи ревностно изучали финскій языкъ, издавали газеты, требовали, чтобы родной языкъ былъ введенъ въ школу и въ администрацію, проповѣдавали необходимость сдѣлать его разговорнымъ языкомъ образованнаго класса. Шведы косо смотрѣли на это движение, охарактеризовавъ его названіемъ „финноманія“ въ отличие отъ своего направленія—„шведоманскаго“.

До этого движенія, образованное сословіе, не только по языку, но и по вкусамъ, привычкамъ и симпатіямъ было въ значительной степени шведскимъ. Эти образованные люди совершенно забывали о народѣ, изъ котораго вышли, откровенно сознаваясь, что перевѣсь культуры влечеть ихъ къ шведамъ, хотя сердце и принадлежитъ родному племени.

Дарованная Александромъ II равноправность финскому языку, выдвинула и облагородила его. Снельманъ не представлялъ трудиться на этомъ поприщѣ. „Языкъ есть отраженіе характера народа—говорилъ онъ.—Безъ языка сближеніе съ народомъ невозможно“. Снельманъ не ошибся въ своихъ надеждахъ на возрожденіе финскаго языка съ помощью Россіи. „Это для насъ счастье въ несчастіи—писалъ онъ—что национальное сознаніе финского народа угнетается

другой, второстепенной по значению силой, а не той, которая ограничивает его политическую самостоятельность.

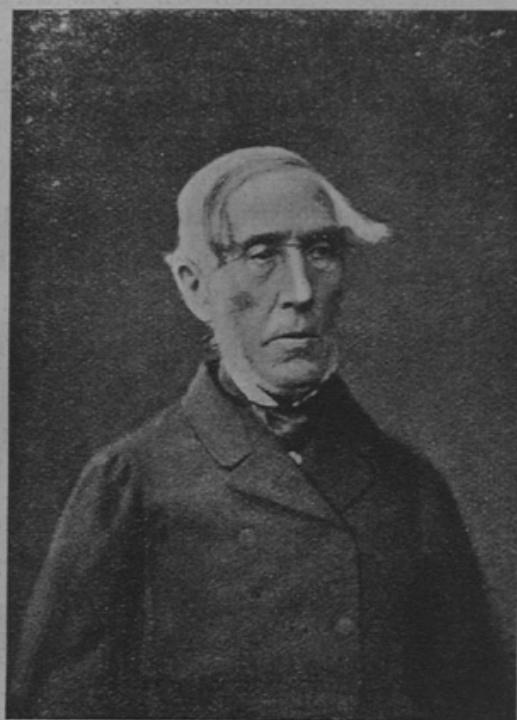
Немедленное введение финского языка въ администрацію было, разумѣется, невозможно. Назначили 20-лѣтній срокъ, а пока, приказано было учрежденіямъ написанныя по

фински бумаги принимать и имѣть переводчика.

Александръ II, еще въ бытность свою наслѣдникомъ и канцлеромъ университета, учредилъ въ 1851 г. каѳедру финскаго языка. Первымъ лекторомъ былъ Кастренъ, известный ученый, много поработавшій по изслѣдованию народной племени однородныхъ финнамъ. Онъ много путешествовалъ, побывалъ въ Сибири и на мѣстѣ

Снельманъ.

знакомился съ этнографическими особенностями народцевъ финско-угорского происхожденія. Онъ учили молодежь забывать личные интересы ради пользы ближняго, и въ особности, единоплеменника. „Не тотъ герой, — говорилъ онъ, — кто въ минуту возбужденія жертвуетъ жизнью. Герой тотъ, кто при трудныхъ обстоятельствахъ сохраняетъ спокойствие и обуздываетъ свои страсти. Такова была

прежде наша финская добродѣтель; пусть будетъ таковою и впредъ".

Кастренъ умеръ 39 лѣтъ. Его замѣнилъ Ленротъ.

Въ 50-хъ годахъ, въ самой столицѣ Финляндіи мало кто говорилъ по фински и очень немногіе понимали этотъ языкъ. Въ 1875 г. на университетскихъ актахъ говорили уже рѣчи по фински. Нынѣ же, въ XX столѣтіи, говорять на финскомъ языкѣ почти всѣ. Естественно, что въ странѣ, гдѣ преобладаетъ финская народность, и языкъ, и университетъ долженъ бы быть финскимъ; но пока шведоманы будутъ главенствовать въ Финляндіи, такой переворотъ едва ли возможенъ. Развѣ что благой починъ, какъ и многія другія благодѣтельныя для финновъ реформы, явится со стороны Россіи.

Сенаторъ Снельманъ, оказалій такъ много услугъ отечеству, не долго продержался въ сенатѣ, гдѣ преобладали шведоманскія течения. Но и выйдя въ отставку, онъ, до конца своихъ дней (1881 г.) остался вдохновителемъ и руководителемъ партии, которой посвятилъ всю свою жизнь.

Другой выдающійся финнomanъ, баронъ Ирье Коскиненъ, руководствовался принципомъ: Финляндія для финляндцевъ. Фамилию свою, Форсманъ, онъ передѣлалъ на финской ладѣ, что тогда между финноманами было въ модѣ. На-

Баронъ Ирье Коскиненъ.

чавши карьеру профессоромъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность своими историческими сочиненіями. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ былъ назначенъ начальникомъ духовнаго департамента въ финляндскомъ сенатѣ, въ вѣдѣніи котораго состоитъ и все школьнное дѣло страны. Благодаря своимъ школамъ Ирье Кошкиненъ сильно развилъ финноманское направленіе.

Постановленія о языкахъ изданы были административнымъ путемъ безъ участія земскихъ чиновъ. При выгодномъ для шведомановъ составѣ сейма вопросъ о финскомъ языкѣ врядъ ли бы прошелъ. Финны понимали это и молчали. Шведы же укоряли ихъ говоря, что они готовы поступиться правами народа, лишь бы видѣть на бумагѣ финскія письмена.

Александръ II, милостиво уступая ходатайствамъ финновъ, не забывалъ въ тоже время поддерживать права государственного языка. 6 Марта 1872 г., при открытии сейма, онъ выразился такъ: „*Принимая во внимание безупречность изучения русского языка въ училищахъ, между тѣмъ какъ необходимость знания его обнаруживается не только на служебномъ поприще, но и въ практической жизни, я призналъ за благо нынѣ повелѣть, въ связи съ преобразованіемъ учебныхъ заведеній, ввести въ училища края русский языкъ въ число обязательныхъ предметовъ.*“

И въ послѣдующія царствованія русское Правительство пыталось прививать государственный языкъ къ финляндской окраинѣ. Въ Іюнѣ 1891 г. Высочайше повелѣно основать въ Гельсингфорсѣ два реальныхъ лицея, финскій и шведскій съ основательнымъ изученіемъ русскаго языка, для каковой цѣли положено по 40 недѣльныхъ уроковъ въ каждомъ изъ нихъ. Въ тоже время православнымъ приходамъ вмѣнено въ обязанность для первоначального обученія закону Божію и русскому языку учреждать и содержать начальныя школы.

Къ сожалѣнію со стороны финновъ до сихъ поръ не за-

мѣчалось содѣйствія подобнымъ начинаніямъ, если не считать установленныхъ въ 1890 г. финляндскимъ правительстvомъ пяти стипендій для чиновниковъ изучающихъ русскій языкъ.

Весь періодъ царствованія Императора Александра II представляетъ картину оживленной дѣятельности и возрастающаго благосостоянія Финляндіи. Лѣтомъ 1876 г., 13 лѣть послѣ открытия въ Гельсингфорсѣ сейма, Государь, пріѣхавъ съ Императрицей на художественную выставку, имѣлъ полную возможность, по сдѣланному ему приему, убѣдиться въ глубокой благодарности своихъ финскихъ подданныхъ.

Печалью и ужасомъ объята была страна при страшной вѣсти объ убийствѣ Императора 1 Марта 1881 г. На сеймъ слѣдующаго года земскіе чины постановили соорудить Государю Великому Князю Финляндіи Александру II памятникъ въ своей столицѣ и для этой цѣли открыть подписку. Въ подпискѣ принялъ участие все населеніе даже бѣдняки.

Памятникъ Александру II.

Памятникъ былъ открытъ 17 Апрѣля

1894 г. въ день рождения покойнаго Государя, совпавшій въ этотъ годъ съ первымъ днемъ свѣтлаго праздника при торжест-

венної обстановкѣ. Послѣ богослуженія въ Николаевскомъ соборѣ всѣ перешли на соборную площадь и сгруппировались вокругъ памятника. Земскіе чины и прочія власти говорили рѣчи. Въ 1 ч. 15 м. спала завѣса и взорамъ присутствующихъ представилась статуя Александра II прекрасно отлитая изъ бронзы. Послѣ привѣтственныхъ рѣчей оркестръ и хоры исполнили русскій и финляндскій гимны. На подножіе памятника было возложено множество вѣнковъ. Потомъ музыка заиграла торжественный маршъ; студенты и студентки обошли вокругъ памятника, преклоняя передъ нимъ свои знамена. Вечеромъ зажжена была роскошная иллюминація. Статуя Императора залита была спомощью сильныхъ электрическихъ лучей исходившимъ съ крыши стоящаго напротивъ зданія.

Императоръ Александръ III, при вступленіи на престоль, издалъ грамоту, въ которой, въ той же формѣ какъ и въ предыдущихъ, утверждалъ религію, законы и привилегіи страны. Въ царствованіе Александра III сеймы созывались часто. До 1886 г. право законодательного почина принадлежало исключительно Императору. Съ этого же времени особымъ манифестомъ сейму дано право моціи, т. е. право составлять проекты законовъ и представлять ихъ на усмотрѣніе Государя, который утверждалъ или отвергалъ ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ проекты оставались безъ послѣдствій; въ случаѣ же утвержденія законы получали силу, о чёмъ объявлялось въ печати и устно въ церквахъ. Что же касалось устройства сухопутныхъ и морскихъ силъ, печати и международныхъ сношеній, то здѣсь по прежнему починъ оставался за Императоромъ.

Александръ III не разъ посѣщалъ Финляндію. Въ 1885 г. лѣтомъ, онъ дѣлалъ смотръ финскимъ войскамъ подъ Виль-

манстрандомъ. Императоръ съ Императрицей и Августѣйшими сыновьями посѣтили Гельсингфорсъ. Кромѣ этихъ посѣщеній Государь съ своей семьей часто въ лѣтнее время искалъ отдыха отъ государственныхъ трудовъ въ морскихъ прогулкахъ по живописнымъ шхерамъ Финляндіи. Вездѣ

Александръ III.

населеніе относилось сочувственно къ своему Монарху. Императорскую эскадру окружали многочисленныя лодки и моло-дежь просто и задушевно выражала свою преданность пѣніемъ и поднесеніемъ цвѣтовъ. Столъ же просто и привѣтливо Государь и Государыня принимали эти выраженія пре-

данности, не обставленныя никакими придворными церемоніями.

Въ царствование Императора Александра III много было сдѣлано для развитія Православія въ Финляндіи и возстановленія правъ греко-российской церкви ¹⁾.

До 1811 г. русское начало господствовало въ такой степени въ присоединенномъ краѣ, что даже лютеранскіе пасторы подчинялись Святѣйшему Синоду и отъ него назначались на мѣста. Послѣ указа 1811 г. положеніе вѣроисповѣдническихъ дѣлъ существенно измѣнилось. Выборгская губернія въ то время въ большинствѣ православная и значительно обрусѣвшая, успѣвшая проникнуться православнымъ вѣроученіемъ, оказалась вдругъ въ зависимости отъ финляндскихъ губернаторовъ и Сената, хотя по указу Александра I и оставалась номинально подъ управлениемъ Синода, но только въ духовныхъ дѣлахъ; въ гражданскихъ же она должна была подчиняться мѣстнымъ постановленіямъ. Такой порядокъ вещей повелъ за собою прелюбопытный результатъ. Господствующая въ Российской Имперіи Православная Церковь сдѣлалась на ея окраинѣ только терпимою.

Въ 1889 г. по порученію Петербургскаго митрополита, Преосвященный Владимиръ объѣздилъ одиннадцать православныхъ приходовъ въ Финляндіи и нашелъ ихъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, какъ относительно правъ, какими они пользовались, такъ и относительно условій въ какихъ они находились среди иновѣрческаго населенія. Къ числу наибольшихъ неудобствъ относятся: отдаленность некоторыхъ мѣсть отъ церквей, доходящая въ иныхъ приходахъ до ста верстъ; смѣшанные браки, особенно православ-

¹⁾ Такъ мѣстные жители называютъ Православіе.

наго на лютеранкъ. Случается, что въ такихъ бракахъ на-долго откладывается крещеніе дѣтей; иногда сами брачующіеся довольствуются только лютеранскимъ обрядомъ; дѣтей же мать лютеранка всегда будетъ воспитывать въ лютеранскомъ духѣ. Праздничный отдыхъ, по самому строю жизни, приспособленъ къ лютеранскимъ, а не православнымъ праздникамъ, при чемъ послѣдніе, или совсѣмъ не справляются, или проводятся способомъ не соотвѣтствующимъ ихъ свяности.

Въ 1890—91 г. во Всеподданнѣйшемъ докладѣ Оберъ-Прокурора Св. Синода изображены были условія, въ которыхъ поставлена Православная Церковь въ Финляндіи, при чемъ выяснено, что съ присоединеніемъ къ Финляндіи Выборгской губерніи началось въ этомъ краѣ ослабленіе православія. Хотя Финляндская Церковь и подчинена была митрополиту, носившему титулъ СПБургскаго, Новгородскаго и Финляндскаго, но за дальностью разстоянія наблюденіе за надлежащимъ исполненіемъ духовенствомъ своихъ обязанностей было затруднительно.

По разсмотрѣніи доклада Императоромъ Александромъ III 24 Октября 1892 г. повелѣно было учредить въ Выборгѣ самостоятельную архіерейскую каѳедру съ назначеніемъ на этотъ постъ съ званіемъ архіепископа Финляндскаго и Выборгскаго ректора СПБ. духовной академіи Преосвященнаго епископа Антонія.

Благодаря такой мѣрѣ, положеніе православія въ Финляндіи значительно улучшилось. Русскому Архіепископу были даны права, принадлежащія его сану, самостоятельность и независимость необходимыя для того, чтобы его законныя требованія исполнялись мѣстными властями, которыхъ иначе могли отказать въ этомъ, ссылаясь на свою конституцію.

не имѣющію указаній на этотъ предметъ. Всѣ узаконенія касающіяся православной церкви стали исходить отъ нашей высшей церковной власти, а не изъ финскаго сената, состоящаго изъ лютеранъ. Такимъ образомъ возстановились связь и единство Финляндской православной церкви съ обширною церковью въ Имперіи.

Всѣхъ православныхъ въ Финляндіи насчитывается тысяча сорокъ пять. Они дѣлятся на чисто русскихъ городскихъ жителей и поселянъ карелъ. Городское населеніе въ религіозномъ отношеніи находится въ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ условіяхъ; но нельзя сказать того же о сельскомъ. Въ Финляндіи большихъ сель въ русскомъ смыслѣ нѣть. Крестьяне живутъ небольшими поселками въ нѣсколько дворовъ, или отдѣльными усадьбами. Такіе поселки, раскинутые на нѣсколько десятковъ верстъ, составляютъ приходъ. Иные поселки находятся на весьма далекомъ разстояніи отъ церкви, иногда при неудобныхъ путяхъ сообщенія, что вредно отзыается на вѣрующихъ. Многіе изъ крестьянъ совсѣмъ не посѣщаются церкви и дѣтей ничему не учатъ, или посылаютъ ихъ въ ближайшія инородческія школы.

Не разъ указывалось на сохраненіе въ народѣ, даже подъ Петербургомъ, многихъ чисто языческихъ обрядовъ и обычаевъ перенесенныхъ только на христіанскіе праздники. Въ восточной части Финляндіи на сѣв.-вост. берегу Ладожскаго озера сохранилось даже жертвоприношеніе животныхъ. Православные карелы ежегодно жертвуютъ пророку Иліи быковъ, которыхъ переправляютъ къ Ильину дню на островъ Манчинъ, лежащій всего въ 25 в. отъ Валаама. На островѣ, въ деревнѣ Тембяжи, имѣется часовня во имя пророка Иліи и вотъ къ этой то часовнѣ и отправляются жертвенные быки, штуки

три. Быки закалываются при торжественномъ колокольномъ звонѣ, но не сожигаются, а съѣдаются. Заслышавъ колокольный звонъ, вся деревня съ наѣхавшими гостями сбѣгается, каждый съ своей ложкой къ часовнѣ, гдѣ на лужайкѣ въ громадныхъ кострахъ варится жертвеннное мясо. Разумѣется пиршество не обходится безъ выпивки. Отъ этой мѣстности верстахъ въ пяти есть часовня, у которой вмѣсто быковъ приносятся въ жертву бараны. Одно время карелы рѣшили отдавать цѣну жертвенныхъ животныхъ на строившійся на островѣ храмъ. Но только что храмъ построился, принялись опять за жертвоприношенія.

Православное духовенство въ городахъ, по своему образованію, вообще, удовлетворительно. Далеко нельзя сказать того же о духовенствѣ сельскомъ. Высшее начальство, увлекаясь мыслю, что приходское духовенство должно знать мѣстный языкъ, допускало священниковъ почти безъ образования. Весьма понятно, что эти люди, родившіеся и выросшіе среди лютеранъ не могутъ, еслибы и хотѣли, служить интересамъ православной церкви, такъ какъ сами не достаточно сознаютъ ихъ. Наряду съ такимъ духовенствомъ находятся лютеранскіе приходы, гдѣ всѣ пасторы университетски образованы, а иногда и доктора богословія. При такихъ условіяхъ нерѣдко происходитъ совращеніе православныхъ финновъ въ лютеранство.

Особенно подвержены этому вліянію карелы, пограничные съ Архангельской губерніей. Масса карелъ уходитъ въ Финляндію на заработки, потому что дома ѿсть нечего. Карель живѣе и воспріимчивѣе финна; онъ особенно способенъ къ торговлѣ. Чуть ли не вся Финляндія наводнена карельскими коробейниками. Это народъ ловкій; съ финнами живеть дружно. Финъ дорожить совѣтомъ карела, такъ какъ самъ

онъ плохой торговецъ. Но если карель побѣждаетъ финна въ торговлѣ, то самъ побѣждается имъ въ воспитательномъ и религіозномъ отношеніи. Причина такой опасности заключается въ невѣжествѣ карела. Представленія о началахъ христіанской религії у него совсѣмъ темны. Мало кто знаетъ, что Богъ одинъ въ трехъ лицахъ; такъ и во всемъ остальномъ. И вотъ когда такой карель попадаетъ къ финнамъ, которые сознательно вѣруютъ, онъ невольно подчиняется имъ вліянію. Ему нравится осмысленное отношеніе народа къ его вѣрованіямъ; онъ самъ, за неимѣніемъ поблизости православной церкви, ходитъ въ кирку, принимаетъ участіе въ домашнихъ молитвенныхъ собраніяхъ и пѣснопѣніяхъ. Невольное сравненіе западаетъ ему въ душу. Дома, въ церкви, онъ слышитъ службу на неизвѣстномъ ему языкѣ, да и то рѣдко; въ семье — видить тьму духовную....

Въ предотвращеніе этого зла нѣсколько лѣтъ тому назадъ учреждены въ Финляндіи, такъ называемые, походные причты, которые втеченіи года объѣзжаютъ свои округа для совершения богослуженій и требъ. Послѣ службъ совершаются собесѣданія съ прихожанами на литературномъ финскомъ языке, который понимаютъ всѣ карелы. Народъ съ большой охотой собирается на эти собесѣданія и относится къ нимъ съ сочувствіемъ. Нѣкоторые пасторы предлагаютъ для походныхъ богослуженій свои кирки, и когда священники указываютъ, что за такую любезность къ русской вѣрѣ они могутъ получить выговоръ отъ своей консисторіи, они отвѣчаютъ, что консисторія едва ли запретитъ. Кирка есть посвященное Богу мѣсто, куда для молитвы собираются вѣрующіе, хоть и не лютеране, но все таки — христіане.

Походные причты обязаны жить по возможности въ центрѣ своихъ округовъ и посѣщать ихъ какъ только позволить время. О своемъ посѣщеніи причтъ даетъ знать заблаговременно и остается въ избранной мѣстности три дня.

Преосвященный Антоній, еще въ бытность свою викаріемъ петербургской епархіи, дважды посѣтилъ Фінляндію и лично ознакомился съ положеніемъ православной церкви. Въ нѣсколькихъ приходахъ онъ замѣтилъ, что не было принесено къ причастію ни одного дитятія. Когда Преосвященный выразилъ свою скорбь по этому предмету, священникъ сказалъ: „Что дѣлать! народъ здѣсь облютеранился“. Въ другомъ приходѣ было еще хуже: иконъ въ церкви на стѣнахъ нѣть, свѣчей и лампадъ не зажигаютъ, дѣтей къ причастію не приносятъ. Оба священника стары; одинъ ничего не понимаетъ, не знаетъ, вечеръ теперь, или утро; обѣдню онъ служить или всенощную. Дьяконъ служить не умѣетъ. Алтарь и церковную утварь содержать въ небрежности; псаломщики едва умѣютъ читать. И такъ почти во всей Карелии. Повсюду здѣсь лютеранство стоитъ выше православія.

Путешествіе Преосвященнаго Антонія оживило финляндскую православную паству. Многіе впервые узрѣли своего архиепископа и увидѣли архиерейское служеніе. Даже шведы побывавшіе въ православномъ храмѣ при архиерейскомъ богослуженіи были очарованы его благолѣпіемъ, чистосердечно признавая его преимущество передъ холоднымъ богослуженіемъ лютеранскимъ.

Въ городахъ лютеране нерѣдко посѣщаютъ православныя церкви, особенно въ пасху. Имъ нравится, что у русскихъ молятся за властей, за весь міръ, а главное за умершихъ. „Вы чувствуете себя въ общеніи не только съ тѣми съ которыми молитесь — говорятъ они,— но и съ отшедшими въ

иной міръ. Ваше горе при потерѣ близкаго человѣка не такъ тяжело, потому что вы находитесь какъ бы съ нимъ.

Среди многихъ прекрасныхъ рѣчей сказанныхъ Преосвященнымъ при различныхъ случаяхъ въ Финляндіи, отмѣтимъ ту, которою онъ отвѣтилъ на привѣтствіе лицъ дававшихъ ему обѣдъ въ Сердобольской ратушѣ. Провозгласивъ тостъ за братство во Христѣ, за единодушіе и единомысліе русскихъ и финновъ, онъ прибавилъ: "Отсутствіе единодушія и рознь національностей имѣеть мѣсто только въ області обыкновенныхъ житейскихъ теченій, происходящихъ отъ началъ своеокрыстія и себялюбія. Въ области высшихъ началъ жизни, въ стремленіи къ истинѣ, добру и красотѣ нѣть различія народностей, тамъ все едино. Всѣ мы собравшіе здѣсь и православные, и лютеране служимъ и молимся единому Богу, Господу нашему Иисусу Христу и всѣ мы призываемся къ совершенству, какъ совершенъ Отецъ нашъ небесный.

Бургомистръ благодарилъ Преосвященнаго и просилъ засвидѣтельствовать передъ его соотечественниками, что они, финны, любятъ русскихъ какъ братьевъ, и какъ дѣти одного отца-Царя къ нимъ и относиться иначе не могутъ.

Уже въ санѣ архіепископа Финляндскаго Преосвященный Антоній освящалъ Церковь въ Суоярви, одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ и тихихъ уголковъ своей епархіи. Стеченіе народа было громадное; едва $\frac{1}{4}$ могла помѣститься въ храмѣ; остальные, во время богослуженія, густой толпой окружали храмъ со всѣхъ сторонъ. Многіе пришли за 50 — 60 верстъ. Никогда невиданное мѣстнымъ народомъ зрѣлище, освященіе церкви епископомъ, возбуждало въ простодушныхъ поселянахъ какое то смѣшанное чувство. На ихъ заругбѣлыхъ и загорѣлыхъ лицахъ выражались испугъ, и

удивление, и восторгъ. Когда двинулся кругомъ церкви крестный ходъ и впереди процессіи, при прекрасной солнечной погодѣ, заколыхались хоругви, изъ глазъ многихъ брызнули обильныя слезы и толпа какъ то побѣдоносно загудѣла. Въ тотъ же день рабочіе мѣстнаго горнаго завода подали Преосвященному прошеніе объ устройствѣ школы для за-

Семья зажиточныхъ финновъ.

водскихъ мастеровыхъ и иныхъ кто пожелаетъ и чтобъ преподаваніе велось на русскомъ, а не на финскомъ языкѣ какъ въ другихъ приходахъ.

Много услугъ оказываетъ православію „братство Сергія и Германа“, основанное въ 1888 г. Братство издаєтъ на финскомъ языкѣ журналъ, переводы Богослужебныхъ книгъ, и древнихъ святоотеческихъ сочиненій. Оно издало также на финскомъ языкѣ нотное пѣніе всенощной и сборникъ проповѣдей. Къ великимъ праздникамъ Рождества Христова и Пасхи издавались сборники религіозно-нравственного чте-

шія. Въ настоящее время, за недостаткомъ материальныхъ средствъ, изданіе Рождественскаго Листка (сборника) прекратилось.

Изданія „братства“ самыя дешевыя и масса раздается бесплатно. Благодаря усердію карель коробейниковъ эти изданія получили повсемѣстное распространеніе.

Въ 1897—8 г. подвѣдомственныхъ епархіальныхъ школъ въ Финляндіи было 71. Въ этихъ школахъ обучалось 1769 мальчиковъ и 1599 дѣвочекъ. Изъ означенного числа одна школа находится при Валаамскомъ монастырѣ для 50 сиротъ — карель. Въ 1898 г. училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ отпущенено было на церковно-приходскія школы въ Финляндіи 10,000 р. Преподаваніе ведется на русскомъ и финскомъ языкахъ. Прихожане такъ сочувственно относятся къ этимъ школамъ, что для желающихъ не хватаетъ мѣста.

Для учителей и учительницъ въ г. Сердоболѣ устроены курсы церковнаго пѣнія. Кроме упомянутыхъ училищъ въ нѣкоторыхъ приходахъ устраиваются катехизическія школы.

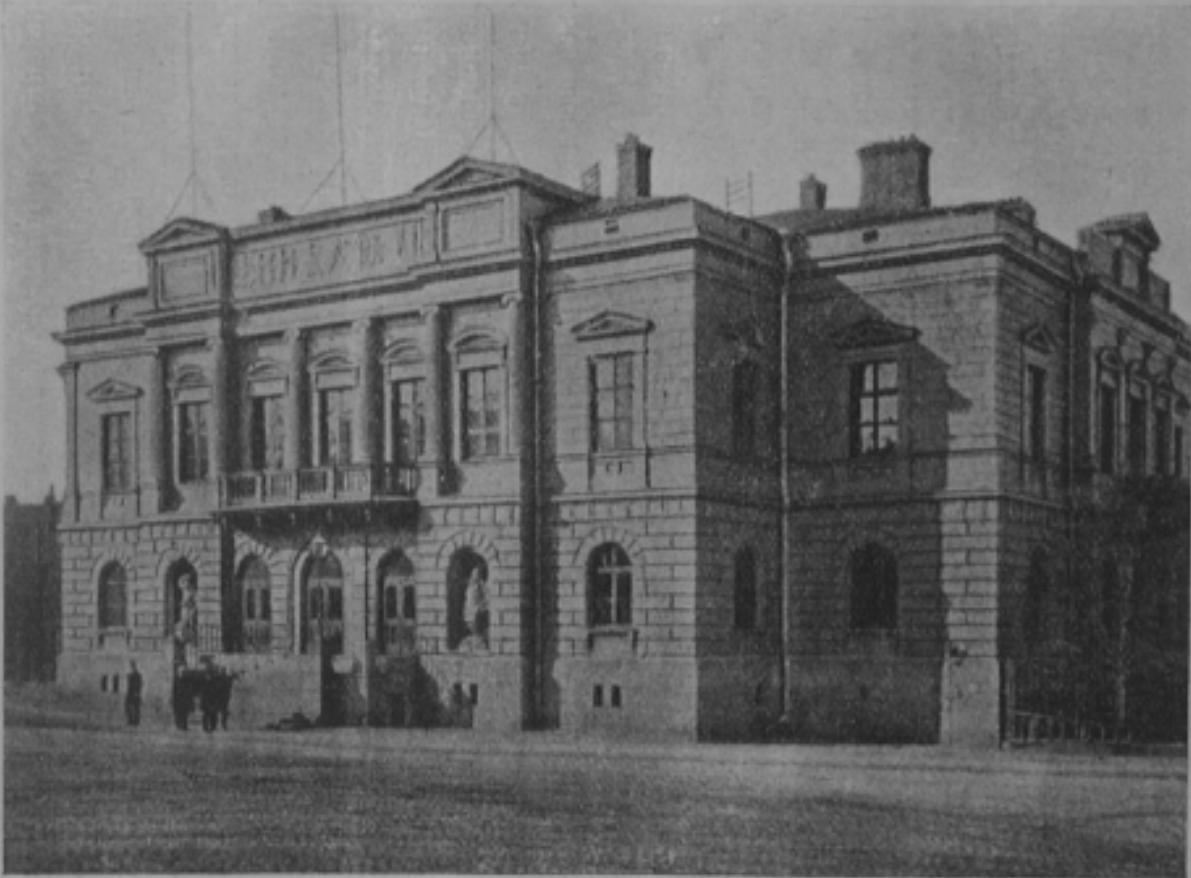
Въ числѣ православныхъ монастырей, раззоренныхъ Шведами, былъ одинъ женскій монастырь въ Кексгольмѣ. Отъ него не осталось и слѣда. Послѣ учрежденія въ Финляндіи епископской каѳедры, основаніе православной женской обители сдѣжалось одною изъ заботъ Преосвященнаго Антонія. Желаніе Владыки осуществилось. Нѣкто Нероновъ пожертвовалъ на этотъ предметъ принадлежащее ему въ Выборгской губерніи имѣніе Линтула, гдѣ въ недавнее время и основанъ женскій монастырь.

Новая вѣянія.

Послѣ присоединенія къ Россіи, въ началѣ своей гражданской жизни, финны называли Россію своимъ отечествомъ,

Финляндію—русской провинціей, а себя—русскими подданными. Они чувствовали себя вполнѣ счастливыми и своихъ интересовъ отъ интересовъ Имперіи не отдѣляли. Въ 1822 г. дивизіонный командиръ финскихъ войскъ, Эрнротъ, всеподданнѣйше ходатайствовалъ о томъ, чтобы финскимъ войскамъ предоставлено было право раздѣлять съ остальными войсками Его величества честь защиты Имперіи. Такое ходатайство было вызвано существованіемъ реескрипта отъ 6-го Сентября 1812 г. въ силу котораго финскія войска предполагалось употреблять не иначе, какъ на защиту Финляндіи, или тѣхъ владѣній Россіи, которыхъ расположены по берегамъ Балтійского моря. Финны находили тогда, что подобное ограниченіе можетъ уронить ихъ въ глазахъ новыхъ соотечественниковъ, а потому просили, какъ милости, разрѣшить имъ сражаться вездѣ, гдѣ прикажеть имъ ихъ монархъ. Въ этихъ прекрасныхъ словахъ оказались истинные финны, беззವѣтно проливавшіе кровь за прежнее свое отчество, Швецію.

Въ концѣ 30-хъ годовъ профессоръ Вассерь выступилъ съ учениемъ признающимъ Финляндію государствомъ, основаніемъ которому послужилъ сеймъ въ Борго. Это учение встрѣтило со стороны финновъ рѣзкія возраженія. Въ 40-хъ годахъ Паво-Суомалайненъ (Карлъ фонъ-Бюргаузъ) въ своихъ брошюрахъ доказывалъ, что всякая измышленія о Финляндіи какъ государствѣ слѣдуетъ причислить къ разряду политическихъ нелѣпостей. Въ 1858 г. профессоръ Арвидсонъ поучалъ, что Финляндія была объявлена русской провинціей, что финны были приведены къ присягѣ на русское подданство, что русскій Императоръ и его преемники получили право полнаго обладанія присоединеннымъ краемъ. О томъ же читалъ студентамъ профессоръ Пальменъ. Въ 1859 г. Снельманъ признавалъ, что Финляндія раздѣляетъ

Студенческій домъ.

политическія судьбы Россіи, но во внутреннемъ управлениі пользуется полной самостоятельностью.

Ученіе Вассера долго не прививалось къ Финляндіи и только въ 60-хъ годахъ оно какъ-то вдругъ распространилось и приняло форму, извѣстную подъ названіемъ „сепаратизма“, т. е. обособленности. Неясныя выраженія Александра I на сеймѣ, невѣрный переводъ его рѣчей дали поводъ нѣкоторымъ лицамъ утверждать, что на сеймѣ въ Борго между Государемъ и представителями финскаго народа состоялась реальная унія, т. е. союзъ двухъ народовъ подъ однимъ скіпетромъ.

Теорія объ уніи въ значительной степени обязана своимъ развитіемъ финскимъ ученымъ Кастрену, Кошкину и въ особенности Мехелину, который настойчиво утверждалъ, что Финляндія есть государство, соединенное съ русскимъ Монархомъ, а не съ народомъ русскимъ.

Въ такомъ видѣ это ученіе перешло въ финскія популярныя сочиненія и, наконецъ, въ учебники. Во всѣхъ этихъ книгахъ Финляндія является особымъ государствомъ въ силу состоявшагося, будто бы, договора между Александромъ I и Великимъ Княжествомъ.

Противъ такого ученія возражалъ Арвидсонъ, который говорилъ, что Финляндія подъ Швеціею не была независима, слѣдовательно заключать отъ себя какихъ либо актовъ не имѣла права. Финляндія была отторгнута отъ Швеціи силою оружія и вошла въ составъ Россійской Имперіи на ряду съ другими завоеванными частями; финны же съ этой минуты сдѣлались русскими подданными. Они присягали Императору Всероссійскому, а не великому Князю Финляндскому. На сеймѣ въ Борго Государь обращался къ финнамъ какъ къ своимъ подданнымъ, желая знатъ ихъ мнѣніе по пред-

ложеннымъ вопросамъ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ онъ оставилъ за собою.

Отдѣльное управлѣніе, дарованное какой либо части великой Имперіи монаршею волею, не создаетъ еще изъ этой части государства. Англійская Канада имѣетъ политическія права и независимые законы; у нея есть парламентъ и даже отвѣтственные министры, но тѣмъ не менѣе, она не политическая единица, не государство. Тоже можно сказать и объ Исландіи. Индія называется Имперіей и все таки она не государство. Стало быть политическихъ правъ еще не достаточно, чтобы страна сдѣлалась государствомъ.

Финляндія, по мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ, всего больше приближается къ типу самоуправляющейся колоніи, у которой метрополія, даровавшая ей особыя преимущества, можетъ и отнять ихъ, если признаетъ нужнымъ.

Профессоръ Гейдельбергскаго университета, Еллинекъ, въ своей книгѣ объ унії, выражается относительно Финляндіи такъ: Финляндія, по своей организаціи, самостоятельна болѣе, чѣмъ какая либо иная провинція Россіи. Но, несмотря на это, она все-таки одна изъ провинцій Имперіи, а никакъ не государство, состоящее въ унії съ Россіею. Въ силу завоеванія, прежде господствовавшая власть въ kraѣ уничтожилась; выступила власть завоевателя. Какимъ образомъ управлять новопріобрѣтеннымъ краемъ, сохранить или нѣть его прежняя учрежденія, это дѣло государственной мудрости. Во всякомъ случаѣ ничто не можетъ измѣнить того юридического факта, что завоеванныя области составляютъ часть территоріи завоевавшаго государства“.

Соединеніе Финляндіи съ Россіею,—по мнѣнію русскихъ ученыхъ,—не можетъ быть рассматриваемо какъ унія, т. е. добровольное соединеніе двухъ государствъ подъ однимъ

скипетромъ, какъ напр. Австро-Венгрія уже потому, что Финляндія есть покоренная область и самостоятельной верховной власти въ ней никогда не существовало. Переставъ быть шведской провинціей, она стала провинціей русской. Верховная власть перешла отъ одной державы къ другой. Самоуправлениe, данное этой провинціи побѣдителемъ, никакъ не нарушило единства Имперіи. Ставъ автономной провинціей, Финляндія не утратила нравственного обязательства согласоваться съ пользами и потребностями общегосударственными.

Еслибъ Финляндія была государствомъ, ея Сенатъ получилъ бы известныя политическія права, тогда какъ на дѣлѣ онъ былъ только высшимъ административнымъ учрежденіемъ края. Въ манифестѣ 1816 г., когда Сенатъ былъ преобразованъ, опредѣленно указывалось, что дѣла Финляндіи являются внутренними дѣлами Россійскаго государства. Императоръ Александръ II въ 1867 г. прямо говорилъ, что Сенату Финляндіи никогда не были даны права государственного Совета Швеціи. Въ 1902 г. Сенатъ подвергся новой реформѣ, при чёмъ еще разъ ясно и опредѣленно указано его мѣсто и значеніе въ дѣлахъ Финляндіи.

Русскіе монархи никогда не называли Финляндію государствомъ, „гоуаше“. Слово „éstat“ значить штать, область. Нельзя указать ни одного акта русскаго правительства, въ которомъ смотрѣли бы на покоренную провинцію какъ на отдельное государство и, вообще, въ исторіи не встрѣчается примѣра возникновенія государства въ государствѣ.

Стремленіе къ обособленности, развиваясь болѣе и болѣе, выразилось въ 80-хъ годахъ притязаніями финновъ на полную конституціонную организацію.

Александръ I, по словамъ финляндцевъ, на сеймѣ въ

Борго далъ имъ конституцію. Во многихъ изъ рѣчей и актовъ онъ употреблялъ слова: конституція, ваши основные законы, политическое существование.... Всѣ эти ссылки, не подкрепленныя условіями, при которыхъ тѣ, или иная постановленія издавались, дѣлаютъ эти доводы недостаточно убѣдительными.

Что разумѣлъ Александръ I подъ словомъ „конституція“—неизвѣстно. Французское слово „constitution“ спутывало понятія. На французскомъ языкѣ это слово часто употребляется въ смыслѣ „организаціи“, напр., конституція университета. То обстоятельство, что Александръ I употреблялъ это слово то въ единственномъ, то во множественномъ числѣ показываетъ, что онъ не придавалъ этому слову принципіального значения. Онъ ограничивался общими фразами безъ точнаго указанія на то, что слѣдуетъ разумѣть подъ конституціею.

Давая конституцію Польшѣ, Александръ I подписалъ хартію и короновался въ Варшавѣ. Ничего подобного не было сдѣлано для Финляндіи, изъ чего мы имѣемъ право заключить, что странѣ этой не было дано особаго государственного устройства, а только самоуправление, хотя и большее, чѣмъ въ какой бы то ни было части Имперіи.

Подтвержденіе такого мнѣнія мы находимъ въ рѣчахъ и актахъ самого государя въ различные периоды его царствованія:

Въ декларациіи державамъ отъ 16 Марта 1808 г. говорится, что Финляндія признается областью русскимъ оружіемъ покоренной и навсегда присоединенной къ Российской Имперіи.

Въ IV пунктѣ Фридрихсгамскаго трактата заключеннаго уже послѣ Боргосскаго сейма, сказано: губернii сii со

всѣми жителями, городами, селеніями и проч. будуть отнынѣ состоять въ державномъ обладаніи Имперіи Россійской.

Въ пунктѣ VI: Обезпечивъ по единственному побужденію своего великодушнаго соизволенія свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества....

Грамота земскимъ чинамъ 15 Марта начинается: Произведеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе....

Придавая сейму характеръ совѣщательный, Государь тѣмъ самымъ показывалъ, что не облекаетъ его полномочіями шведскаго риксдага, учрежденія законодательнаго. По словамъ Упсальскаго профессора Сведенбуса, сеймъ въ Борго былъ тѣмъ же, чѣмъ онъ бывалъ и при шведскомъ владычествѣ, областнымъ собраніемъ, ландтагомъ. Въ то время, когда онъ собирался и долго послѣ того, сами финны не придавали ему того значенія, которое признаютъ за нимъ теперь.

Частымъ сеймамъ не сочувствовали многіе изъ финскихъ государственныхъ людей. Извѣстный Гартманъ, напр. говорилъ открыто, что несмотря на самоуправленіе, Финляндія должна стремится къ достиженію единства съ Имперіей, чтобы постепенно дойти до объединенія съ нею.

Въ государственныхъ законахъ Россіи послѣ присоединенія Финляндіи не сдѣлано никакихъ измѣненій; поэтому мы не имѣемъ никакого права считать эту область не подлежащей самодержавной власти. „Финны могутъ упрочить свое положеніе и работать на пользу Державы, часть которой край ихъ нынѣ составляетъ“,—сказалъ Александръ I Ребишдеру.

Говоря о царствѣ польскомъ, Александръ I выражался: „Я создалъ это государство“,.... „гражданское управление

этого государства".... Говоря о Финляндіи, онъ употреблялъ выраженія: провинція, страна, край, княжество, но никогда—государство. Чины высшаго управлениі: Спренгтпортенъ, Маннергеймъ, Армфельть и другіе въ своихъ докладахъ и частныхъ письмахъ называли Финляндію провинціею.

Изъ наличности приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что государственной конституції Финляндіи дано не было. Это удостовѣряется свидѣтельствомъ современниковъ Боргосскаго сейма и дѣятелями послѣдующаго времени. Баронъ Маннергеймъ, двадцать лѣтъ спустя, писалъ: „Полнаго сеймоваго рѣшенія, требуемаго конституціонными формами, не было подписано. Сеймъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ.... Существенною стороною сейма было торжественное обѣщаніе Государя сохранить законы страны, права и привилегіи, а также дарованіе собственнаго управлениія, совершенно обособленнаго отъ русскаго, благодаря учрежденію Правительственнаго Совѣта. Но оставалась надежда, что на будущихъ сеймахъ, при болѣе мирныхъ условіяхъ, удастся „организовать и укрѣпить конституцію Финляндіи“, надежда, которая въ царствованіе Александра I была близка къ осуществленію, но по неизвѣстнымъ причинамъ не осуществилась“¹⁾). Въ томъ же духѣ высказался и епископъ Тенгстремъ, который въ качествѣ старшины духовнаго сословія на Боргосскомъ сеймѣ, могъ слышать и знать, что дѣжалось и говорилось²⁾). Вскорѣ послѣ сейма Армфельть писалъ: „Наши установлениія во многомъ такъ дурно составлены, такъ нелиберальны, что ихъ слѣдуетъ замѣнить другими“.

¹⁾ Castren, Skildringar.

²⁾ Шюберсонъ. Ur Finlands constitutionella historia.

Эристремъ и Аминовъ выработали проектъ конституції, причемъ указывали на необходимость сохранить законы 1772 и 1789 г., которые слѣдовательно не были сохранены. „Въ одну изъ комиссій, которая соберутся въ Гельсингфорсѣ, я представлю редакцію обѣщанной конституції“,— писалъ Аминовъ. Маіоръ Кликъ утверждалъ, что русскимъ правительствомъ никогда не была признаваема Форма Правленія 1772 г. Профессоръ Гельсингфорского университета говорилъ: „Такъ называемые основные законы Финляндіи темны и двусмысленны; права сословій могутъ подавать по-водь къ спорамъ и недоразумѣніямъ. Во всякомъ случаѣ они далеко не таковы, чтобы можно было поставить Финляндію наряду съ конституціонными государствами¹⁾.

Такъ говорили и писали финны временъ ближайшихъ къ Боргосскому сейму. Какъ ни старались финскіе совѣтники Государя побудить его созвать сеймъ, ихъ старанія оставались безуспѣшны. Взгляды Императора Александра I на свободныя учрежденія совершенно измѣнились, а послѣ польскаго сейма въ 1820 г. онъ совсѣмъ разочаровался въ нихъ.

При Николаѣ I, какъ известно, сеймы не созывались и всѣ законоположенія исходили обычнымъ порядкомъ отъ Россійскаго Самодержца. Взгляды этого Государя на отношенія финляндцевъ къ его кореннымъ подданнымъ, русскимъ, довольно ясно выражены въ постановленіи 2 Августа 1827 г. Выразивъ сожалѣніе, что натурализованныя въ Великомъ Княжествѣ лица „той вѣры, которую Мы сами исповѣдуемъ“, не имѣютъ права вступать въ службу оного края, Государь указываетъ, что политическія обстоятельства пере-

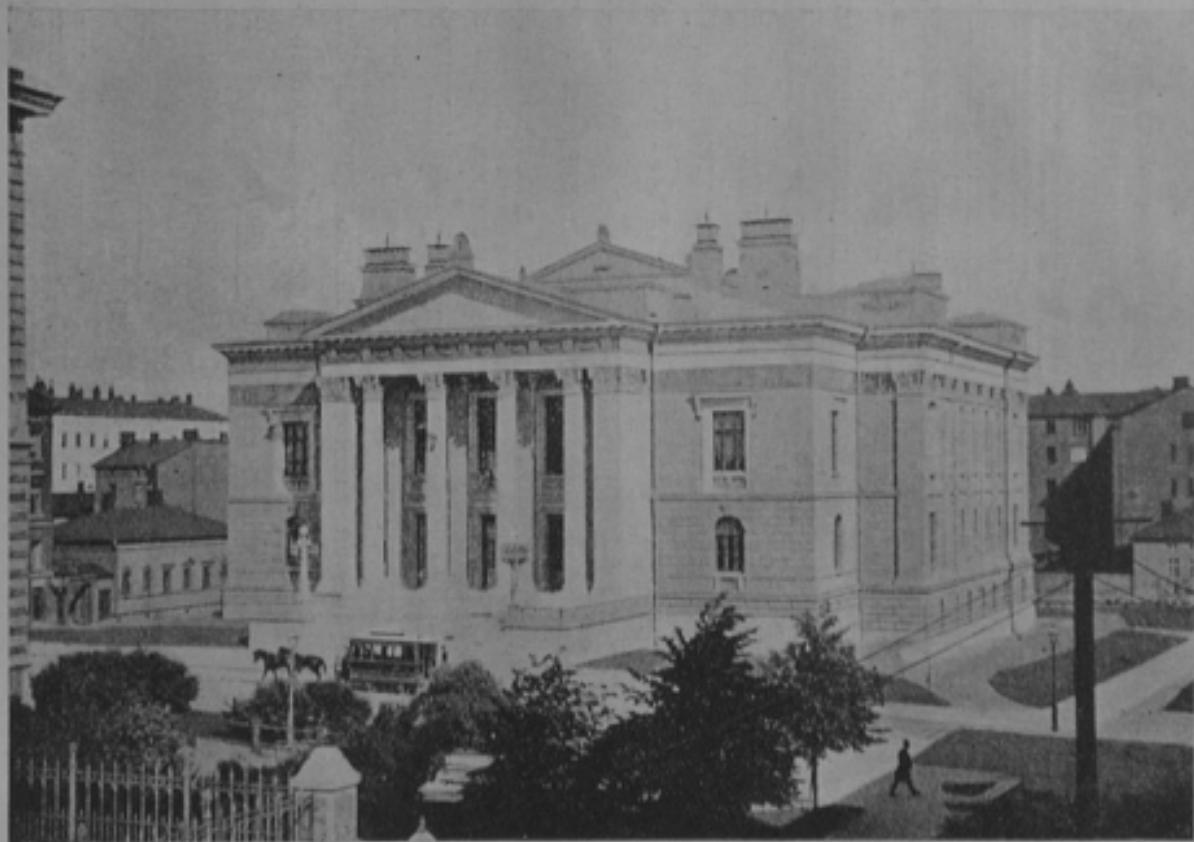
¹⁾ Смот. выше Актъ соединенія и безопасности 1789 г.

мѣнились и требуютъ измѣненія въ древнихъ законоположеніяхъ, состоявшихся при обстоятельствахъ вовсе отличныхъ отъ нынѣ существующихъ. Затѣмъ рекомендуется замѣнить непріязненные отношенія сближеніемъ между подданными „пользующимися отеческими Нашими попеченіями и состоящими подъ покровительствомъ и защитою одного и того же Государства“.

Въ обильное милостями царствованіе Императора Александра II, въ эпоху полнаго расцвѣта экономической жизни Великаго Княжества, финны снова возобновили ходатайство о сеймѣ. Государь долго колебался и наконецъ уступилъ. Второй сеймъ созванъ былъ въ Гельсингфорсѣ въ 1863 г. Финнамъ многого удалось добиться отъ мягкосердечнаго Государя; тѣмъ не менѣе финляндская конституція по прежнему осталась въ области неопределенныхъ обѣщаній и красивыхъ фразъ. Даря Финляндіи особую монету, особую армію, иначе говоря обособленные учрежденія, Александръ II и не помышлялъ создавать изъ нея обособленной единицы. Принципъ самодержавія проходитъ черезъ всѣ его акты яркою нитью. Въ манифестѣ, при вступленіи на престолъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о Финляндіи слово „по конституціямъ“ замѣнено „по установленіямъ“. Въ 1856 г. въ рѣчи, произнесенной въ финскомъ сенатѣ, сказано: „Вы составляете часть великой семьи, глава которой Императоръ Россіи“.

При закрытіи сейма въ 1863 г. тотъ же Монархъ выразился такъ „Ясное пониманіе истинныхъ пользъ Финляндіи должно склонить васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіею, которая служитъ неизменнымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины“.

Въ 1867 г. когда сеймъ отказался принять предложенное

Зданіе сейма.

ему „положеніе о печати“ оно помимо сейма было объявлено закономъ для Финляндіи. Тоже случилось относительно учрежденія Главнаго Управления училищнаго вѣдомства въ Финляндіи.

Въ началѣ царствованія Императора Александра III сеймы созывались часто. Въ 1886 г. земскими чинамъ дано было право законодательнаго почина (моці). Въ 1885 г. финляндцамъ предложено было составить для края новое уголовное уложеніе. Высшія судебныя власти въ Россіи, разсмотрѣвъ составленное финнами уложеніе, подали Государю записку, въ которой указывали, что уложеніе это не согласовано съ законами Имперіи, что въ силу его Финляндія въ нѣкоторыхъ уголовныхъ случаяхъ становится въ положеніе иностранного государства. Вслѣдствіе этого предложено было земскимъ чинамъ сейма 1891 г. приведеніе въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія пріостановить.

За годъ передъ тѣмъ, именно въ 1890 г. вопросъ о политическомъ положеніи Финляндіи былъ возбужденъ въ учрежденномъ по Высочайшему повелѣнію особомъ совѣщеніи по поводу введенія новаго уголовнаго уложенія. Совѣщеніе нашло, что Финляндія есть часть единой Российской Имперіи, пользующаяся самостоятельнымъ управлениемъ лишь по внутреннимъ дѣламъ, имѣющая особое, только въ отношеніи сихъ дѣлъ мѣстное законодательство; что сеймъ есть учрежденіе совѣщательное, хотя ему и присвоено право возбуждать законодательные вопросы.

Мѣропріятія правительства были встрѣчены финляндцами враждебно. Они вообразили, что ихъ привилегіямъ угрожаетъ опасность, что ихъ насилино хотятъ обрушить. Препирательства печати еще болѣе увеличили возбужденіе. Сеймъ 1891 г. былъ чрезвычайно бурный. Въ рѣчахъ зем-

Его Императорское Величество Государь Императоръ
Николай Александровичъ.

„Въ краѣ,—между прочимъ говорилъ онъ,—распространено превратное толкованіе тѣхъ началъ, на которыхъ зиждутся отношенія Финляндіи къ Имперіи. Россія едина и нераздѣльна, какъ единъ и нераздѣленъ ея Императорскій Престолъ. подъ сѣнью котораго Великое Княжество достигло своего современаго благосостоянія... Оставляя неприкосновенными въ предѣлахъ Высочайшаго рескрипта 1891 г. особенности Финляндіи: ея церковное устройство, права, преимущества и внутреннее управление, насколько оно не противорѣчить пользѣ и достоинству Россіи, государственная власть не допустить однако дальнѣйшаго распространенія въ краѣ всего того, что можетъ препятствовать сплоченію Великой Имперіи“.

Ознакомившись съ разными учрежденіями и посѣтивъ нѣкоторая мѣста Финляндіи, генералъ-губернаторъ выразилъ желаніе, чтобы русскому языку отведено было надлежащее мѣсто.

Съ водвореніемъ въ Финляндіи г. Бобрикова совпало возобновленіе объединительныхъ реформъ, начатыхъ въ предыдущее царствованіе. Манифестъ 3-го Февраля 1899 г. и приложенія къ нему „Основныя положенія“ ясно указываютъ порядокъ составленія, разсмотрѣнія и обнародованія законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

Изъ манифеста выясняется, что хотя Финляндія и пользовалась по великодушному соизволенію русскихъ Императоровъ особыми привилегіями, соответствовавшими бытывымъ условіямъ страны, но изъ самыхъ условій этихъ вытекаютъ вопросы, которые, по связи ихъ съ общегосударственными, не могутъ подлежать исключительному рѣшенію финляндскихъ учрежденій.

Общегосударственными законами называются такие, которые действуют на всем протяжении Империи со включением Княжества, а равно и такие, которые примениются в предълах Княжества, но находятся в связи съ законодательством Империи (напр. законы уголовные). На изданіе и измѣненіе законовъ такого рода испрашивается Высочайшее соизволеніе министрами Империи и министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества по предварительномъ ихъ между собою соглашеніи. Въ томъ случаѣ, когда законопроектъ поступаетъ на уваженіе сейма, министръ Империи вносить законопроектъ въ государственный Совѣтъ съ приложеніемъ заключенія финскаго Сената и сейма. Законопроектъ разсматривается въ государственномъ Совѣтѣ при участіи генер.-губер. и минист. Статсъ-Секр. Финляндіи, а также тѣхъ финскихъ сенаторовъ, которые будутъ Высочайше для этой цѣли избраны. Утвержденіе законопроекта государственнымъ Совѣтомъ опубликовывается извѣстнымъ порядкомъ какъ въ Империи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ.

Когда дѣло обороны Империи было отнесено къ предметамъ общегосударственного законодательства и проектъ военной реформы составленъ въ главномъ штабѣ, русское правительство, желая, чтобы вводимый уставъ былъ по возможности согласованъ съ мѣстными условіями, рѣшило поручить земскимъ чинамъ Финляндіи обсудить этотъ вопросъ въ желаемомъ смыслѣ, надѣясь, что они исполнятъ добросовѣстно возлагаемое на нихъ порученіе и оправдаютъ Высочайшее довѣріе. На Высочайше созванномъ для этой цѣли сеймѣ 12 Января 1899 г. земскимъ чинамъ было объявлено, что единство русской арміи какъ въ военное, такъ и въ мирное время требуетъ полнаго и однообразнаго комплектованія

войскъ; что въ обособленномъ войскѣ Финляндія не нуждается, такъ какъ она состоить подъ защитою Россіи.

Манифестомъ 3-го Февраля предложено было финляндскому Сенату распубликовать „Основныя положенія“ объ общегосударственныхъ законахъ, о русскомъ языкѣ и военной реформѣ. Послѣ долгихъ проволочекъ и колебаній Сенатъ наконецъ рѣшилъ обнародовать Высочайшій манифестъ. Чины сейма шумно и заносчиво возражали. Уставъ о воинской повинности они не хотѣли признавать общегосударственнымъ и говорили, что манифестъ 3 Февраля противорѣчить формѣ правленія 1772 г. и сеймовому уставу 1869. Въ специальнѣ военной реформѣ сеймъ усмотрѣлъ желаніе правительства уничтожить автономію Финляндіи и денационализировать финновъ. На этомъ сеймѣ Финляндія, впервые, въ офиціальномъ документѣ названа была финнами государствомъ.

Земскіе чины рѣшили послать въ Петербургъ представителей отъ четырехъ сословій съ адресомъ Государю. Поѣздка не имѣла успѣха. На адресѣ Царскою рукою начертано было: „Адресъ оставляю безъ послѣдствій; ходатайство нахожу неумѣстнымъ, т. к. манифестъ 3-го Февраля касается общего сударственнаго, а не мѣстнаго управлѣнія“.

Уставъ о воинской повинности разсмотрѣнъ былъ въ государственномъ Совѣтѣ при участіи представителей Великаго Княжества и утвержденъ Высочайшимъ манифестомъ 29 Іюня 1901 г. Этимъ актомъ государственной важности положено начало единству военнаго управлѣнія Россіи съ окраинами. Еще въ 1871 г. генералъ Милютинъ входилъ со Всеподданнѣйшимъ докладомъ, заявляя, что связь Финляндіи съ Имперіею должна выражаться не только въ единствѣ верховной власти, но и въ единствѣ управлѣнія дѣлами диплома-

тическими и военными. Никакая часть государства не должна имѣть своей отдельной вооруженной силы. Онъ требовалъ также, чтобы русскіе уроженцы были допускаемы въ финляндскія войска, чтобы финляндцы несли службу наравнѣ съ прочимъ населеніемъ и сливались съ нимъ въ одной арміи—русской.

Требованія военнаго министра поступили въ финляндскій Сенатъ. Сенатъ долго оттягивалъ дѣло, указывая, что комплектованіе финскихъ войскъ относится къ числу основныхъ законовъ, измѣненіе которыхъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласіемъ сейма. Кончилось заявленіемъ, что Финляндія, милостями Императора Александра II получила свою особую армію только для защиты страны предназначенную и проектъ Милютина остался безъ примѣненія.

Русскіе монархи, даруя покоренной области неисчислимыя милости, разсчитывали, что это побудить новыхъ подданныхъ крѣпче прильнуть къ Имперіи; того же ожидалъ и русскій народъ. Вышло, однако, иначе. Привилегіи помѣшили Финляндіи слиться съ Имперіей и мало по малу отдалили отъ нея. Обособившись во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ и получивъ особую армію, финляндцы разсудили такъ: свои арміи имѣютъ только отдельныя государства, следовательно Финляндія государство; а если такъ, то финская армія обязана защищать свое государство, а не идти умирать за иностранную державу, (т. е. Россію) въ Турцію, Хиву, или куда бы тамъ ни было.

Разсудивъ такимъ образомъ, финны завели у себя отдельное военное управление, отдельный штабъ. Дѣла по военному управлению докладывалъ Государю не военный министръ, а финляндскій министръ статья-секретарь. Дѣло было обставлено такъ, что въ случаѣ надобности, соединить финскія

войска съ русскими не было возможности. Вся организація препятствовала сліяню. Манифестъ 29 Іюня положилъ конецъ такому странному положенію дѣлъ.

Убѣдившись, что царское слово непреложно, и что никакихъ уступокъ сдѣлано не будетъ, финны заволновались. Партия беспокойныхъ рѣшила не допускать призыва и противодѣйствовать всему, что относится къ военному дѣлу. Чтобы вовлечь въ сопротивленіе какъ можно больше народа, беспокойные распускали слухи, что русское правительство намѣreno насильственно обрушить край, что удары его направлены противъ религіи финновъ, ихъ языка, обычаевъ, общественного управлени; что мѣропріятія русского правительства незаконны, т. к. не прошли черезъ сеймъ. Въ Гельсингфорсѣ и иныхъ мѣстахъ происходили уличные беспорядки.

Въ средѣ духовенства нашлись лица, которые поддерживали беспокойныхъ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ приходовъ пасторы отказались опубликовать манифестъ въ церквяхъ. Тѣмъ же, которые хотѣли исполнить свой долгъ, беспокойные мѣшали это дѣлать. Одинъ перекрикивалъ другого, стараясь заглушить чтеніе. Пытались даже стащить пасторовъ съ кафедры.

Въ Финляндіи довольно распространено мнѣніе, что постановленія властей не имѣютъ законной силы, если ихъ не выслушаютъ въ церкви. Пасторъ Дальбергъ издалъ брошюру, цѣль которой разсѣять это заблужденіе. „Неужели же—говорить онъ,—законность постановленія зависитъ отъ взгляда на него духовнаго лица. Если пасторъ не одобрить постановленія, то оно лишь клочекъ бумаги, не имѣющей силы. Вѣдь это же чистѣйшая глупость! Постановленія прочитываются въ церквяхъ съ единственной цѣлію большаго распространенія ихъ въ народѣ“, и непрочтеніе по той, или

другой причинѣ не лишаютъ эти постановленія законной силы.

Коноводы смуты вышли изъ шведоманской партіи и отчасти изъ среды задорныхъ младо-финновъ. Шведоманы, предчувствуя, что послѣ введенія новой избирательной реформы они останутся въ меньшинствѣ, старались всѣми силами поддержать свое значеніе. Они противодѣйствовали русской власти, не хотѣли знать ни объединительныхъ реформъ, ни государственного языка и, гдѣ только могли, сѣяли смуту. По мнѣнію мѣстныхъ газетъ, шведоманы много повредили финнамъ. Шведоманъ баринъ; онъ чужой въ Финляндіи. Не понравится ему, онъ и уйдетъ, ни мало не заботясь о томъ, что будетъ со страной, которую онъ называетъ отечествомъ. Шведоманы стоять только за свою партію; народъ для нихъ ничто. Финноманы же чувствуютъ себя плотью и кровью финского народа.

Стараясь всѣми силами сѣять смуту, беспокойная партія не гнушалась прибѣгать къ содѣйствію подпольныхъ листковъ и подметныхъ писемъ. Финская печать, къ чести ея, осудила подобныя средства, какъ недостойныя уважающаго себя народа.

Въ военномъ дѣлѣ Финляндія долго пользовалась весьма существенными льготами. По уставу 1878 г. отъ В. К., несмотря на значительный приростъ населенія, требовался ежегодный призывъ новобранцевъ въ размѣрѣ 9,6 тогда какъ въ Россіи онъ 36%.

Впередъ и отъ Финляндіи решено было требовать столько же, но чтобы этотъ переходъ былъ нечувствителенъ, увеличивать призывъ втеченіи 10 лѣтъ. Въ тоже время предполагалось, не увеличивая численности финскихъ батальоновъ, остатокъ, по ихъ пополненіи, размѣщать среди русскихъ

войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ петербургскаго военнаго округа. Такимъ образомъ, финскіе воины могли бы отбывать повинность или на родинѣ, или въ сосѣдствѣ съ нею въ тѣхъ же приближительно климатическихъ условіяхъ, къ какимъ они привыкли. Являясь полноправными членами и участниками жизни русской арміи, дѣля съ нею труды и общую долю, финны имѣли бы возможность ближе узнать русскій народъ и познакомиться съ его духовнымъ міровоззрѣніемъ.

Полагая, что сопротивленіе можетъ привести къ успѣху, беспокойная партія дѣлала все возможное, чтобы помышлять призыву. Во многихъ мѣстахъ никто не являлся на общиная собранія, а кто являлся, тотъ отказывался отъ выборовъ. Призывныхъ уговаривали неходить въ воинскія присутствія; иныхъ прямо не пускали туда. Нѣкоторымъ новобранцамъ оплачивали обратный путь; лишь бы они не показывались въ воинскомъ присутствіи. Всѣ эти мѣры отчасти достигли цѣли; половина призывныхъ не явилась.

Эти люди не отдавали себѣ отчета, какую опасную игру затѣяли они. Угрожающій тонъ реекрипта 7 Апрѣля 1902 г. послужилъ первымъ предостереженіемъ. Финнамъ объявили, что если законъ о воинской повинности не будетъ ими приведенъ въ исполненіе, это обстоятельство покажетъ, что установившійся втечениіи истекшаго столѣтія порядокъ управления въ Финляндіи не обеспечиваетъ спокойнаго теченія государственной жизни и повиновенія властямъ.

По счастью между финнами нашлось не мало благородныхъ людей старавшихся образумить согражданъ, сбитыхъ съ толку съятелями смуты. Органъ финноманской партіи „Uusi Suometar“ доказывалъ, что сопротивленіе ни къ чему не ведетъ; оно скорѣе вредитъ дѣлу. „Если вникнуть

въ дѣло поглубже,—говорить газета,—то станетъ несомнѣннымъ, что мы сами отчасти создали наше нынѣшнее затруднительное положеніе. Мы свыше мѣры воспользовались случайно выгодною для насъ обстановкою въ 1877 — 78 г., когда состоялось рѣшеніе вопроса о воинской повинности, и постоянно, къ мѣсту и не къ мѣсту, указывали на обособленное положеніе края“.

Уважаемый баронъ Ирье Коскиненъ¹⁾, въ „письмѣ къ друзьямъ“, мужественно высказалъ правду. Онъ доказывалъ, что Сенатъ не имѣлъ никакого права отказываться отъ обнародованія Высочайшаго Манифеста, ссылаясь на Форму Правленія 1772 г. Коскиненъ предостерегалъ своихъ согражданъ противъ шведомановъ, всегда готовыхъ принести въ жертву интересы финскаго народа интересамъ своей партіи; вспоминаль геніального Снельмана, который доказывалъ, что по историческимъ законамъ, ассимиляція всегда угрожаетъ небольшимъ націямъ, но что это еще не значитъ, что въ ассимиляції погибнетъ живой народный духъ.

Такого же мнѣнія держался и профессоръ Даніельсонъ. „Форма правленія 1772 г.— говорилъ онъ,— признаетъ всѣхъ чиновниковъ слугами Государя, и ни въ какомъ коренному законѣ не значится, что эти слуги имѣютъ право отказывать Государю въ своемъ содѣйствіи для приведенія въ исполненіе его повелѣній. На какомъ же тогда основаніи сенатъ протестовалъ противъ распубликованія новыхъ постановленій?“

„Многіе смѣшиваютъ право съ писаннымъ закономъ, являющимся внѣшнимъ выраженіемъ права,— говорить профессоръ въ другомъ мѣстѣ.—Долгое время мы были слишкомъ

¹⁾) Родился въ 1830 г., умеръ въ ноябрѣ 1903 г.

склонны считать свою побѣду несомнѣнною, разъ наши го-
сударственные акты не оспариваются, и у насъ есть тор-
жественныя увѣренія нашихъ правителей. Мы забывали, что
исторія безжалостно сметаетъ въ сторону всякия формаль-
ные права, какъ только они перестаютъ соотвѣтствовать со-
временнымъ условіямъ; мы забывали, что въ концѣ концовъ
наше отношеніе къ Россіи зависитъ не отъ содержанія ста-
ринныхъ манифестовъ, но отъ того, въ какой степени наше
исключительное положеніе въ соединеніи съ Имперіей удо-
влетворяетъ существеннымъ интересамъ не только нашего
края, но и всей Державы“.

Передавая слухъ о намѣреніи русской Верховной власти
предложить финляндскому сейму законодательнымъ путемъ
упорядочить тѣ вопросы, которые въ настоящее время волну-
ютъ финское общество, Даніельсонъ совѣтовалъ своимъ
согражданамъ съ благодарностью принять эти новыя дока-
зательства монаршой милости и своею готовностью жертво-
вать личными интересами показать себя достойными Высо-
чайшаго довѣрія. Въ томъ же духѣ высказывается и пу-
блицистъ Мерманъ.

Много разъ русская печать призывала финновъ къ сбли-
женію съ Россіею, доказывая, что въ этомъ единеніи все
благо Финляндіи; что знаніе Россіи и русского языка вовсе
еще не угрожаетъ финской народности, сумѣвшей при пол-
номъ господствѣ шведскаго языка сохранить свои націо-
нальныя черты. Профессоръ Даніельсонъ прямо говорилъ,
что финскій народъ и его языкъ, подавленные при швед-
скомъ владычествѣ, получили право бытія при владычествѣ
русскомъ. „Должно признать безъ всякихъ оговорокъ, — го-
ворить онъ, — что Александръ I даровалъ нашему народу
такую самостоятельность и свободу, о которой наши предки

едва ли и въ сновидѣніи дерзали мечтать: Пользуясь съ 1809 г. непрерывнымъ миромъ, мы получили возможность приложить наши силы къ духовному и материальному развитію“.

Въковой періодъ совмѣстной политической жизни съ Россіею помогъ финскимъ мыслителямъ уяснить себѣ, насколько благодѣтельно періодъ этотъ отразился на развитіи страны. Даніельсонъ находитъ, что финнамъ слѣдуетъ старательно избѣгать всего, что можетъ порвать узы довѣрія до сихъ поръ соединившія правительство и народъ. „Ни одинъ человѣкъ, — прибавляетъ онъ, — оставаясь на почвѣ здраваго смысла, не можетъ представить себѣ политическаго будущаго нашего маленькаго финскаго народа иначе, какъ въ связи съ міровою Россійскою Державою“.

Съ цѣлію закрѣпленія этой связи, грозившей порваться, приступлено русскимъ правительствомъ къ ряду объединительныхъ мѣръ. Послѣ указа объ общегосударственныхъ законахъ и воинской повинности издано было въ 1902 г. много постановлений по управлению „Финляндіей“. Приводимъ важнѣйшія изъ нихъ:

1) Измѣненіе въ нѣкоторыхъ частяхъ „учрежденія“ финскаго Сената и усиленіе вліянія Генералъ-Губернатора. Въ измѣненномъ текстѣ § 1 „учрежденія“ Сената указано, что главное внутреннее управление Финляндіи ввѣreno сенату, состоящему подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ генер.-губер. При этомъ добавлено, что сенатъ управляетъ „въ предѣлахъ учрежденіемъ онаго и подлежащими узаконеніями онаго указанныхъ“. Эти послѣднія слова означаютъ, что сенатъ не есть учрежденіе, коему ввѣreno верховное управление Финляндію, а одинъ изъ органовъ, призванныхъ содѣйствовать Верховной Власти въ управлениі краемъ.

2) Измѣненіе нѣкоторыхъ правилъ, касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства съ уравненіемъ уроженцевъ Имперіи въ правахъ съ финляндскими гражданами, при чёмъ одинаковый образовательный цензъ даетъ и одинаковое право на извѣстныя должности. Практиковавшееся до сихъ поръ отстраненіе русскихъ отъ занятія должностей въ Финляндіи—одно изъ самыхъ несообразныхъ явлений въ исторіи края. При шведскомъ владычествѣ, на основаніи шведскихъ актовъ, всѣ государственные должности въ Швеціи, а равно и въ провинціи ея Финляндіи замѣщались коренными шведами. Всѣ попытки финновъ добиться высшихъ должностей въ своемъ kraѣ не привели къ желаемому результату. Естественно, что по завоеваніи Финляндіи право на занятіе высшихъ должностей должно было перейти отъ шведовъ къ кореннымъ русскимъ. На дѣлѣ же оказалось, что финляндскіе шведы и посейчасъ служатъ въ Финляндіи и повсемѣстно въ Россіи.

3) Измѣненіе порядокъ удаленія отъ службы нѣкоторыхъ чиновъ гражданскаго вѣдомства. Отмѣнена существовавшая въ Финляндіи несмѣняемость чиновниковъ.

4) Обращено вниманіе на положеніе торпарей. Въ Высочайше учрежденной комиссіи о безземельныхъ (торпаряхъ) изслѣдованъ былъ вопросъ о колонизаціи казенныхъ земель. Губернскій агрономъ Теряскиненъ объѣздилъ болѣе 3,000 километровъ и пришелъ къ заключенію, что весьма возможно обратить въ угодья значительное количество болотъ. По Высочайшему повелѣнію основанъ былъ фондъ для ссудъ безземельнымъ, желающимъ пріобрѣсти участки на льготныхъ условіяхъ.

5) Измѣнены форма и порядокъ обнародованія законоположеній съ приближеніемъ этихъ формъ къ принятымъ

въ Имперіи. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго предполагалось печатать на русскомъ языке съ приложеніемъ переводовъ на языки мѣстные, съ представлениемъ финскому, какъ языку преобладающей народности, подобающаго мѣста. При такихъ условіяхъ неточность перевода устранилась бы сама собою.

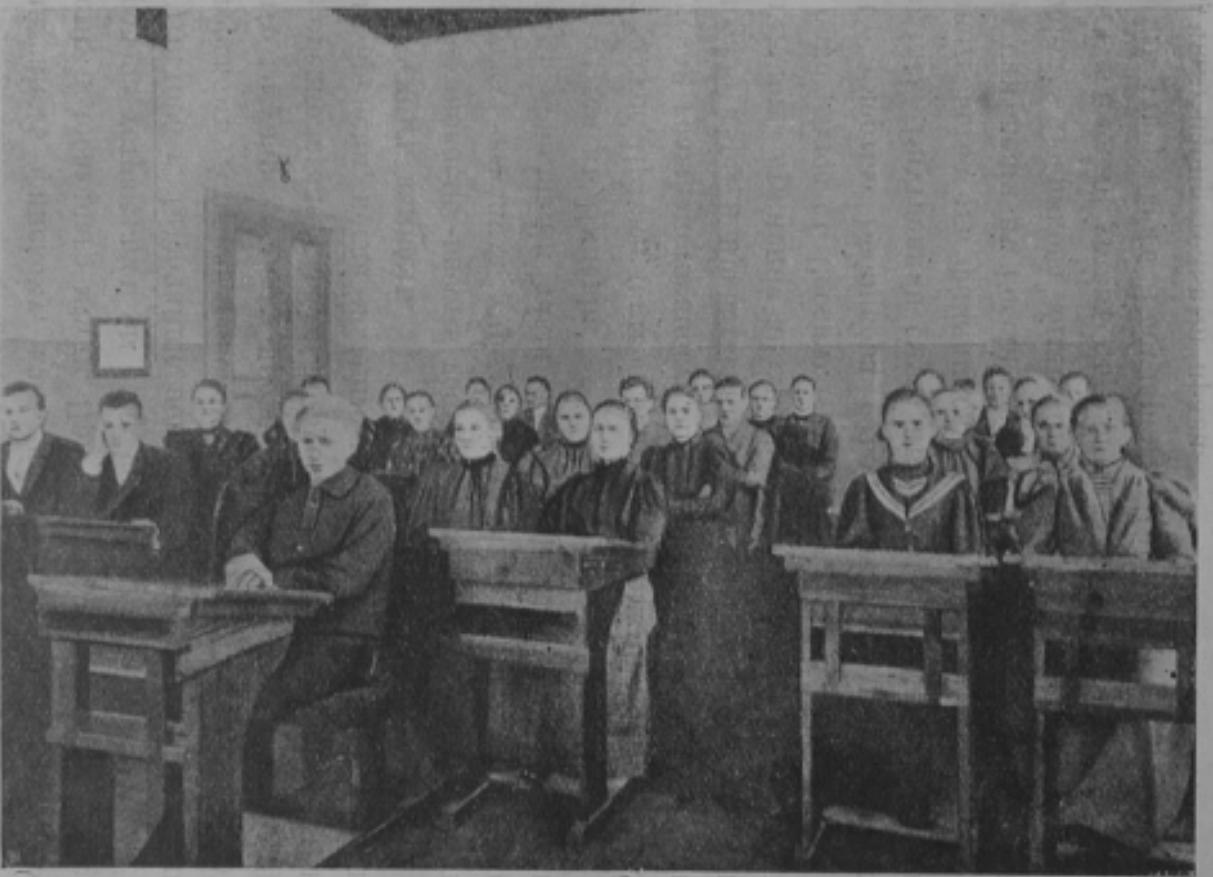
Въ 1903 г. Высочайше повелѣно было учредить въ Императорскомъ Александровскомъ университете каѳедры русского государственного права и исторіи Россіи. Преподаваніе предполагалось вести по русски, а экзамены пригнать къ тому времени, когда молодые люди окончать курсъ лицеевъ съ русскимъ языкомъ.

Постановлено ввести государственный языкъ въ Сенатъ и другихъ высшихъ учрежденіяхъ и дать русскимъ въ предѣлахъ Финляндіи такія же права, какими финны давно пользуются въ Имперіи.

Русское Правительство своими реформами не притѣсняло финской гражданственности, не угнетало національности, не колебало вѣры и нравственныхъ устоевъ. Оно хотѣло только уничтожить отжившіе анахронизмы и сплотить Финляндію въ одно цѣлое съ Россіею.

Со смертью Бобрикова объединительные реформы остановились. Внутренняя смута въ Имперіи отвлекла вниманіе Правительства отъ финляндскихъ дѣлъ. Въ 1905 г., вслѣдствіе измѣненія въ Россіи государственного строя, почти всѣ реформы Бобрикова были отменены. Финны выработали новый сеймовый уставъ съ однопалатной системой, который и былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ. Женщины получили избирательные права.

Новый однопалатный сеймъ, являясь представителемъ финскаго народа, состоитъ изъ двухсотъ депутатовъ. Выборы

Въ школѣ совмѣстнаго обученія. Гельсингфорсъ.

депутатовъ производятся каждый третій годъ одновременно во всей странѣ. Право участія въ выборахъ принадлежитъ (за изъятіемъ пѣкоторыхъ категорій) всѣмъ финляндскимъ гражданамъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, достигшимъ 24 лѣтъ. Очередная сессія собирается безъ особаго созыва 1 Февраля въ г. Гельсингфорсѣ и продолжается 90 дней. Депутатъ получаетъ 1,400 марокъ и даровой проѣздъ.

Сеймъ, кромѣ очередныхъ дѣлъ по управлению страной, имѣеть право представлять петиціи и адреса на имя Государя Императора. Депутаты могутъ вносить предложения о новыхъ законахъ, за исключеніемъ законовъ основныхъ и касающихся организаціи сухопутной или морской обороны.

ИСТОЧНИКИ.

Исторія Фінляндії—Коскинена.

Исторія Фінляндії по Шюберсону—Головина и Ядрышева.

Покореніе Фінляндії—Ордина.

Брикнеръ

Баскаковъ

Шишковъ

Михайлов. Данилев.

Берхъ

Изъ Скандинавского и Финского міра—Гротъ.

Фінляндія—изд. Поповой.

Фінляндія XIX в. Топпелуса.

Окраины Россіи—Петровскаго.

Фінляндійский современный вопросъ—Еленева.—Ученіе о финскомъ государстввѣ, его-же.

О народномъ представительствѣ—Чичерина.

Армфельдтъ и его русско-финскія отношенія.

Автономія Фінляндії—Сергіевскаго.

Конституція Фінляндії—Мехелина.

Отвѣтъ Еленеву—Данельсона.

Исторія православной церкви въ Фінляндіи—Чистовича.

О томъ же—изданіе Святѣйшаго Синода.

Церковный вѣстникъ.

Фінляндія.—Обзоръ періодической печати.

Юридическая лѣтопись—статьи Таганцева.

Новое Время.

С.-П. Вѣдомости.

война Россіи съ Швеціею.

Отечественные записки—Гангутское сражение.

Военный сборник—статьи Бородкина

Архивъ—изъ журнала Грейга.

Журналъ военно-учебныхъ заведений.

La Russie et la Finlande—un russe.

Справка о конституції Фінляндії.—Брошюра 1900 г.

Історія Петра I—Ламбина.

Діяння Петра Великаго—Голикова.

Акты относящіся къ политическому положенію Фінляндії—Шловского.

